

colloquium-journal

ISSN 2520-6990

Międzynarodowe czasopismo naukowe

**Jurisprudence
Medical sciences
Economic sciences
Philosophical sciences**

№28(80) 2020

Część 2

colloquium-journal

ISSN 2520-6990

ISSN 2520-2480

Colloquium-journal №28 (80), 2020

Część 2

(Warszawa, Polska)

Redaktor naczelny - **Paweł Nowak**
Ewa Kowalczyk

Rada naukowa

- **Dorota Dobija** - profesor i rachunkowości i zarządzania na uniwersytecie Koźmińskiego
- **Jemielniak Dariusz** - profesor dyrektor centrum naukowo-badawczego w zakresie organizacji i miejsc pracy, kierownik katedry zarządzania Międzynarodowego w Ku.
- **Mateusz Jabłoński** - politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki.
- **Henryka Danuta Stryczewska** – profesor, dziekan wydziału elektrotechniki i informatyki Politechniki Lubelskiej.
- **Bulakh Iryna Valerievna** - profesor nadzwyczajny w katedrze projektowania środowiska architektonicznego, Kijowski narodowy Uniwersytet budownictwa i architektury.
- **Leontiev Rudolf Georgievich** - doktor nauk ekonomicznych, profesor wyższej komisji atestacyjnej, główny naukowiec federalnego centrum badawczego chabarowska, dalekowschodni oddział rosyjskiej akademii nauk
- **Serebrennikova Anna Valerievna** - doktor prawa, profesor wydziału prawa karnego i kryminologii uniwersytetu Moskiewskiego M.V. Lomonosova, Rosja
- **Skopa Vitaliy Aleksandrovich** - doktor nauk historycznych, kierownik katedry filozofii i kulturoznawstwa
- **Pogrebnaya Yana Vsevolodovna** - doktor filologii, profesor nadzwyczajny, stawropolski państwowy Instytut pedagogiczny
- **Fanil Timeryanowicz Kuzbekov** - kandydat nauk historycznych, doktor nauk filologicznych. profesor, wydział Dziennikarstwa, Bashgosuniversitet
- **Kanivets Alexander Vasilievich** - kandydat nauk technicznych, docent wydziału dyscypliny inżynierii ogólnej wydziału inżynierii i technologii państwowej akademii rolniczej w Połtawie
- **Yavorska-Vitkovska Monika** - doktor edukacji, szkoła Kuyavsky-Pomorsk w bidgoszczu, dziekan nauk o filozofii i biologii; doktor edukacji, profesor
- **Chernyak Lev Pavlovich** - doktor nauk technicznych, profesor, katedra technologii chemicznej materiałów kompozytowych narodowy uniwersytet techniczny Ukrainy „Politechnika w Kijowie”
- **Vorona-Slivinskaya Lyubov Grigoryevna** - doktor nauk ekonomicznych, profesor, St. Petersburg University of Management Technologia i ekonomia
- **Voskresenskaya Elena Vladimirovna** doktor prawa, kierownik Katedry Prawa Cywilnego i Ochrony Własności Intelektualnej w dziedzinie techniki, Politechnika im. Piotra Wielkiego w Sankt Petersburgu
- **Tengiz Magradze** - doktor filozofii w dziedzinie energetyki i elektrotechniki, Georgian Technical University, Tbilisi, Gruzja
- **Usta-Azizova Dilnoza Ahrarovna** - kandydat nauk pedagogicznych, profesor nadzwyczajny, Tashkent Pediatric Medical Institute, Uzbekistan

    SlideShare

INDEX COPERNICUS
INTERNATIONAL

НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ
БИБЛИОТЕКА
LIBRARY.RU

«Colloquium-journal»

Wydrukowano w «Chocimska 24, 00-001 Warszawa, Poland»

E-mail: info@colloquium-journal.org

<http://www.colloquium-journal.org/>

CONTENTS

PHILOSOPHICAL SCIENCES

Туркина В.Г., Антонова Е.А., Туркин К.Е.

УТОПИЯ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ И КУЛЬТУРНЫЙ РЕГУЛЯТИВ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ДИНАМИКЕ КУЛЬТУРЫ5

Turkina V.G., Antonova E.L., Turkin K.E.

UTOPIA AS A SOCIAL AND CULTURAL REGULATORY IN THE HISTORICAL DYNAMICS OF CULTURE5

ECONOMIC SCIENCES

Захожий К.А.

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС.....11

Zakhozhy K.A.

ECONOMIC CRISIS.....11

Чакалаев С.С., Магомаева Л.Р.

ИССЛЕДОВАНИЕ ОСНОВНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ИНФОРМАЦИОННОГО РЫНКА УСЛУГ13

Chakalaev S.S., Magomaeva L.R.

RESEARCH OF THE MAIN CHARACTERISTICS OF THE INFORMATION MARKET OF SERVICES13

Чухліб А. В.

ІНСТРУМЕНТАРНО-МЕТОДИЧНЕ ЗАБЕЗПЕЧЕННЯ МОДЕЛЮВАННЯ СТРАТЕГІЧНОЇ
КОНКУРЕНТОСПРОМОЖНОСТІ ПІДПРИЄМСТВ АГРАРНОГО СЕКТОРУ15

Chukhlib A.V.

APPARATUS - METHODOLOGICAL SUPPORT OF STRATEGIC COMPETITIVENESS
MODELING AGRICULTURAL SECTOR ENTERPRISES.....15

JURISPRUDENCE

Гайдарева И.Н., Ешев М.А., Кушников А.В.

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И ПРАКТИКА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ МИГРАЦИОННЫХ
ПРОЦЕССОВ В РОССИИ (XV–НАЧАЛО XX В.).....18

Gaidareva I.N., Eshhev M.A., Kushnirov A.V.

HISTORY OF FORMATION AND PRACTICE OF LEGAL REGULATION OF MIGRATION PROCESSES
IN RUSSIA (XV-BEGINNING OF XX CENTURY)18

Ганеев Т.Ф.

ЗНАЧЕНИЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В ПРОЦЕССЕ ЕГО ИЗУЧЕНИЯ НА ЮРИДИЧЕСКИХ ФАКУЛЬТЕТАХ.....21

Ganeev T.F.

THE IMPORTANCE OF THE ENGLISH LANGUAGE IN THE PROCESS OF ITS LEARNING IN LEGAL FACILITIES.....21

Головко О.Д.

АКТУАЛЬНЕ ПИТАННЯ РЕАЛІЗАЦІЇ ПРИНЦИПІВ ЮРИДИЧНОЇ ВІДПОВІДАЛЬНОСТІ
В КОНТЕКСТІ РОЗБУДОВИ ПРАВОВОЇ ДЕРЖАВИ.....23

Golovko O.D.

CURRENT ISSUE OF IMPLEMENTATION OF PRINCIPLES LEGAL RESPONSIBILITY
IN THE CONTEXT OF BUILDING THE RULE OF LAW23

Зайнетдинова А.А., Резяпов А.А.

АНАЛИЗ ТИПОВ ЛИЧНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРЕСТУПНИКОВ.....25

Zaynetdinova A.A., Rezyapov A.A.

ANALYSIS OF PERSONALITY TYPES OF JUVENILE DELINQUENTS.....25

Камалова Ф.Я., Таилова А.Г.

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ФАЛЬСИКАЦИЮ ДОКУМЕНТОВ28

Kamalova F.Ya., Tailova A.G.

CRIMINAL LIABILITY FOR FALSIFICATION OF DOCUMENTS.....28

Mangora V.V. LEGAL REMEDIES AS PART OF THE BULLYING AGAINST SYSTEM	30
Mangora T. V. PECULIARITIES OF THE LEGAL STATUS OF BIPATRIDES IN INTERNATIONAL LAW	38
Матушкіна І.В. ОСОБЛИВОСТІ КОНСТИТУЦІЙНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛЮВАННЯ ФІЗИЧНОЇ КУЛЬТУРИ І СПОРТУ В УКРАЇНІ: ПОРІВНЯЛЬНО ПРАВОВИЙ АСПЕКТ НА ПРИКЛАДІ КРАЇН ЄС	45
Matooshkina I. THE FEATURES OF CONSTITUTIONAL AND LEGAL REGULATION OF PHYSICAL CULTURE AND SPORT IN UKRAINE: COMPREHENSIVE LEGAL ASPECT ON THE EXAMPLE OF EU COUNTRIES	45
Наумова В.Є. ПРОБЛЕМА ЗАСТОСУВАННЯ ТЕРМІНІВ «МЕДИЧНА ДОПОМОГА» ТА «МЕДИЧНА ПОСЛУГА»	48
Naumova V. THE PROBLEM OF USING THE TERMS "MEDICAL CARE" AND "MEDICAL SERVICE"	48
Дворянинова Е.И., Пархоменко В.А. ОСОБЕННОСТИ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ ВЕЛИКОБРИТАНИИ	50
Dvoryaninova E.I., Parhomenko V.A. FEATURES OF THE JUDICIAL SYSTEM OF THE GREAT BRITAIN	50
Цеева С. К. Петрова Ю. Р. ВЗЯТОЧНИЧЕСТВО ПО УЛОЖЕНИЮ О НАКАЗАНИЯХ УГОЛОВНЫХ И ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ 1845 г.	52
Tseeva S., Petrova Ju. BRIBERY FOR THE PROVISION OF CRIMINAL AND CORRECTIVE PENALTIES 1845	52
Севастьянова А.В. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПО МАТЕРИАЛЬНОМУ ОБЕСПЕЧЕНИЮ СУПРУГОВ (БЫВШИХ) СУПРУГОВ В РОССИИ И СТРАНАХ ЗАРУБЕЖНОГО ПРАВОПОРЯДКА	54
Sevastyanova A. V. CURRENT PROBLEMS OF MATERIAL SUPPORT FOR SPOUSES (FORMER) SPOUSES IN RUSSIA AND THE COUNTRIES OF FOREIGN LAW	54
Серебренникова А.В. ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СВЯЗИ С ВОЗМЕЩЕНИЕМ УЩЕРБА: ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ В ОТНОШЕНИИ НАЛОГОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ (СТ.76.1 УК РФ).....	56
Serebrennikova A. V. EXEMPTION FROM CRIMINAL LIABILITY IN CONNECTION WITH COMPENSATION FOR DAMAGES: THE PRACTICE OF APPLYING TAX CRIMES (ARTICLE 76.1 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)	56
Сінько О.А. РЕФОРМУВАННЯ ЗАКОНОДАВСТВА УКРАЇНИ ПІД ЧАС ПАНДЕМІЇ	61
Sinko O. REFORMATION OF UKRAINIAN LEGISLATION DURING THE PANDEMIC	61
Стройко И.А. СТРОК ДІЇ СУМІЖНИХ ПРАВ НА ПРОГРАМУ ОРГАНІЗАЦІЇ МОВЛЕННЯ У КОНТЕКСТІ ЦИФРОВІЗАЦІЇ І РОЗВИТКУ НОВИХ ТЕХНОЛОГІЙ.....	63
Stroyko I.A. TERM OF PROTECTION OF RELATED RIGHTS IN THE PROGRAMME OF A BROADCASTING ORGANIZATION IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION AND DEVELOPMENT OF NEW TECHNOLOGIES	63
Тагірова Х.А., Юсупов Ма.Ю. ОБЩИЕ УСЛОВИЯ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА ПО УСТАВУ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА 1864 ГОДА	69
Tagirova K.A., Yusupov M. Yu. GENERAL CONDITIONS FOR TRIAL UNDER THE CRIMINAL PROCEDURE STATUTE OF 1864	69

Шадже А. М., Цеева С. К., Смирягина Т. С.	
ВОЕННО-УГОЛОВНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XVIII – НАЧАЛЕ XIX ВВ.....	72
Shadzhe A., Tseeva S., Smiryagina T.	
MILITARY CRIMINAL LEGISLATION OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE XVIII - EARLY XIX CENTURIES	72

Шаймухаметов А.З., Гильмутдинов А.В.	
К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПЕРЕВОДА АНГЛИЙСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ.....	74
Shaimukhametov A.Z., Gilmutdinov A.V.	
TO THE QUESTION OF THE PECULIARITIES OF TRANSLATION OF ENGLISH LEGAL TERMINOLOGY	74

MEDICAL SCIENCES

Скульская С.В., Шнайдер С.А., Пиндус Т.А.	
КЛИНИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА СТОМАТОЛОГИЧЕСКОГО СТАТУСА 15-ЛЕТНИХ ДЕТЕЙ, ПРОЖИВАЮЩИХ В ЗОНЕ ПОВЫШЕННОЙ АНТРОПОГЕННОЙ НАГРУЗКИ Г. БЕЛАЯ ЦЕРКОВЬ В ПРОЦЕССЕ ПРОВЕДЕНИЯ ЛЕЧЕБНО-ПРОФИЛАКТИЧЕСКИХ МЕРОПРИЯТИЙ	76
Skulskaya S.V., Shnaider S.A., Pyndus T.A.,	
CLINICAL ASSESSMENT OF DENTAL STATUS OF 15-YEAR-OLD BILA TSERKVA CHILDREN, LIVING IN THE ZONE OF INCREASED ANTHROPOGENIC LOAD IN THE PROCESS OF CARRYING OUT MEDICAL AND PREVENTIVE MEASURES	76

PHILOSOPHICAL SCIENCES

УДК 130.2

*Туркина Виктория Григорьевна,**к. филос. н., доцент**Антонова Елена Леонидовна,**к. филос. н., доцент**Туркин Константин Евгеньевич**ст. преподаватель, чл. Союза дизайнеров РФ**Белгородский государственный институт искусств и культуры*[DOI: 10.24412/2520-2480-2020-2880-5-10](https://doi.org/10.24412/2520-2480-2020-2880-5-10)

УТОПИЯ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ И КУЛЬТУРНЫЙ РЕГУЛЯТИВ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ДИНАМИКЕ КУЛЬТУРЫ

*Turkina Victoria Grigorievna,**PhD in Philosophy, Associate Professor**Elena Leonidovna Antonova,**PhD in Philosophy, Associate Professor**Turkin Konstantin Evgenievich**Art. lecturer, member Union of Designers of the Russian Federation**Belgorod State Institute of Arts and Culture*

UTOPIA AS A SOCIAL AND CULTURAL REGULATORY IN THE HISTORICAL DYNAMICS OF CULTURE

Аннотация.

В статье рассматривается проблема корреляции представлений об утопии с образом идеального города, как воплощения идеального социального порядка, отражающего культурную специфику мировоззрения как индивида, так и общества в целом.

Abstract.

The article deals with the problem of correlation of ideas about utopia with the image of an ideal city, as the embodiment of an ideal social order, reflecting the cultural specifics of the worldview of both the individual and society as a whole.

Ключевые слова: утопия, регулятив, миф, общественное сознание, коллективное сознание, город, культура

Keyword: utopia, regulatory, myth, social consciousness, collective consciousness, city, culture

Утопия как понятие и феномен не имеет до сих пор однозначного определения. Исследователи находят более пятнадцати определений этого понятия только в современной научной литературе последних лет [12].

Понятие «утопия» изначально понималось как место, которого нет (греч. тоπος – «место», ου-тоπος – «не-место», т.е. «место, которого нет»). Иногда слово «утопия» воспринимается как синоним абсурда, либо обозначает литературное фэнтези об идеальном, благополучном обществе. Таковы ставшие классикой «Государство» Платона, «Утопия» Т. Мора, «Город Солнца» Т. Компанеллы, «Новая Атлантида» Ф. Бекона, советские произведения о городах будущего В.В. Маяковского, братьев Стругацких, И.А. Ефремова и пр. Обзор литературы по теме утопии приводит к мысли о том, что представление об утопии запутанно и противоречиво, может быть и просто невозможным. В.В. Святловский, составивший первый словарь каталог утопий, считал, что «число известных ныне произведений типа утопий доходит почти до двух тысяч» [87, с.5]. Современный нам исследователь В.П. Шестаков также

указывал, что каталог мировой утопической литературы насчитывает около тысячи утопий за XVI-XIX века [11, с.152]. Совершенно очевидно, что рефлексия многих сочинений преследовала цель вырваться из реальности и перенестись в мир совершенства и воплощенных идеалов. Ценность утопии состоит в ее воздействии на реальную жизнь, поскольку она с легкостью завладевает воображением любого члена общества, как правителя, так и подданного, государственного деятеля и рядового гражданина. Ф. Аинса утверждает, что вне утопического измерения трудно представить себе эволюцию современной цивилизации, поскольку утопия позволяет подвергать сомнению установленный порядок вещей, предлагая новые альтернативные пути и выходы из ситуации [2, с. 14-15]. Но проблема в том, что большинство утопических проектов канули в прошлое вместе с их творцами, а чрезмерные усилия по внедрению утопий зачастую приводили к противоположному эффекту. Это вынуждает нас принять общее положение об изучаемом феномене и дать самое общее определение понятию для дальнейшего оперирования им.

Какие же рассуждения коррелируют с утопическим дискурсом? Анализ литературы на эту тему дает основание понимать под утопией явление, конструирующее мир, как особую вероятностно-ценностную реальность. Кроме того утопия это способ мышления и сознания, содержащее в себе онтологическое содержание: критику существующей реальности и утверждение особого образца совершенной реальности, лишенной противоречий и поэтому желаемой. Метафизическим признаком всякой утопии выступает опора на некий идеал, зависимый, во-первых, от авторского мировоззрения, во-вторых, опирающийся все же на достижения объективной реальности, существующих общественных и иных отношений. Такими были утопии Томаса Мора и Т. Кампанеллы, а также других утопистов, размышлявших о своей эпохе, исходя из политических, экономических, социальных, религиозных и мифологических реалий своего времени, и пишущих о «должном».

Методологические подходы к рассмотрению утопии, ее сущности и природы позволяют выделить несколько аспектов:

- первое – представление об утопии как динамичном явлении культуры, меняющемся на протяжении истории существования. Такой точки зрения придерживались Л. Мэмфорд и другие;

- второе – понимание утопии в ее генетических и функциональных особенностях;

- третье – понятийное и терминологическое отношение к утопии, в ее сопоставлении с тем, что не является утопией, то есть с различными формами общественного сознания.

Утопию сравнивали с мифом религией, идеологией. Утопию использовали в социологии, конструируя так называемые идеальные типы [5]. Как особую интенцию сознания ее рассматривали Э. Блох, который предлагал добавить к известным типам *Homo sapiens* такой вид как *Homo utopicus* [4], Х. Ортега и-Гассет. Таким образом, в ближайшем рассмотрении оказывается, что универсальной методологии характеристики утопии на сегодняшний день в науке нет. Мы же для удобства использования этого понятия в нашем случае, будем понимать утопию как особую онтологическую и гносеологическую скрепу – культурный регулятив сознания, содержащий волевое начало и имеющий интенцию к воплощению в действительность при благоприятных социальных, политических и культурно-исторических условиях.

Особенностью утопий является обстоятельство их возникновения и укоренения в общественном сознании. Утопии появляются во времена переломов и переходные периоды исторического процесса. Представления об идеальном государстве у Платона возникли в момент кризиса полиса [9]. Утопия о Граде небесном и земном Блаженного Августина Аврелия [1] появилась в неблагоприятное для Рима время, Утопии Т. Мора и Т. Кампанеллы также появились в противоречивую эпоху.

Ценностным аспектом утопий выступает их стремление объяснить противоречия несовершенного общества и предложение модели общества идеального, совершенного.

По мнению С.А. Шишулькина, «порожденная реальными противоречиями общественной жизни, неустойчивость бытия человека вызывает в его самосознании идеальный воображаемый антипод существующей реальности. В результате человек внутренне раздваивается как реальный эмпирический индивид, он связан с данной социальной действительностью, но в то же время определяет свою жизнь в соответствии с идеальным миром, в котором находит подлинный смысл бытия, ... по отношению к которому его земное бытие представляется временным явлением» [12].

По мнению автора это дает возможность выявить основания для возникновения социальных утопий, к числу которых относит противоречивость общественной жизни, социальные конфликты, политическую или экономическую нестабильность, поляризацию жизненного уровня общества, стремление к счастью и гармонии в мире вокруг себя [12].

Обладая существенными признаками мифа, религии, морали, идеологии и политики, искусства, утопия проявляет себя как универсальный конструкт, встраивающийся в различные сопредельные родственные культурные формы с творческой переработкой последних в соответствии со своими целями и задачами. Поэтому в содержании утопических произведений читатель встречает пространственный миф, миф о Золотом веке, приход Героя и Спасителя, возникновение и строительство Города-сада, преодолевающего Хаос. Особенностью построения утопии в таком формате является ее рационализация и приобретение черт научного, парадигмального характера, поскольку в процессе встраивания утопии происходит десакрализация мифа и секуляризация религиозного содержания утопии. Одним из первых предпринял попытку рационализации мифа Платон, писавший об идеальном государстве как счастливом и гармоничном мире. Платоновский миф был обращен к разуму человека. Он выступает плодом разумной части человеческой души, а не его воображения. По Платону разум руководит человеком и в частной жизни, и в вопросах об устройстве государства. Миф для античного философа есть способ достижения понимания рядовыми гражданами полиса высоких идей. Платоновское идеальное государство представало как цель общественного преобразования общества на основе критического отношения к социальности. Можно сказать, что начиная с Платона, социальная утопия начинает выражать критическое отношение к действительности, предлагая более совершенное мироустройство, иной социальный порядок [9]. По сути, синтез рационального (теоретического, научного) и эмоционального осмысления происходящих социальных процессов еще в античную эпоху привел к формированию проектов переустройства и усовершенствования общества.

Наряду со сходством утопии и мифа, существуют и различия. В утопии, не в пример мифу,

мало фантастических сюжетов и элементов, героями утопии выступают люди, а не боги и герои, создают и управляют совершенным миром также люди, мир сам также находится не в потустороннем мире, а в реальности, пусть даже и далекой. Утопии сохраняют историческую и пространственную характеристики. В утопиях предлагаются не фантастические преобразования, а вполне разумные, основанные на научном знании и технике, новые технологические преобразования.

Также важно проблема авторства при обращении к утопиям и мифу. Как известно, миф анонимен, он имеет коллективного автора, утопии же всегда пишутся конкретным автором.

И если миф это эмоциональное отражение мира, то утопия – есть попытка концептуального объяснения социальной реальности. На этом основании утопию проблематично отнести к религиозным проектам. Сходство утопии и религиозного производства в том, что и та, и другая форма сознания используют иллюзорный контент, отрываясь от реальности.

Но и при этом утопия направлена на преобразование действительности реального мира, в то время как религия обращена к трансцендентальному, лежащему за пределами человеческого бытия.

Еще одним свойством утопии является ее проективность и подчеркнутая реалистичность. Утопия всегда направлена на конструирование желаемого в должное. Утопические образы внешне выглядят как несуществующие, но внутренне они готовы к возможной реализации. Сциентистские изменения в обществе нового времени приведут к ориентации утопии на науку. «Утопия становится более логоцентричной, отвечая этим своему социальному содержанию» [8, с. 14].

Многоплановость и живучесть утопии можно объяснить особенностями используемых образов и идей, а также доступностью способов аргументации, применяемой на уровне обыденного сознания и апеллирующей к исторической необходимости и совпадающей с представлениями о лучшем будущем, социальном устройстве и лучшей жизни.

Утопия направлена на идеал, воплощающийся в создании совершенного общества, где удовлетворяются интересы, потребности человека, обеспечиваются благоприятные условия для полноценного развития общества и каждого ее члена. Сказанное объясняет, почему утопия выступает в качестве высшей цели, к которой стремится и человек, и общество. Поскольку утопический идеал служил эталоном, мерилем, по которому сверяли практически ориентированные проекты, то социальные утопии становятся утопиями политического характера, что в полной мере относится к утопическим проектам города.

Исходя из представления об утопии как социальном и культурном регулятиве, рассматривающем идеальный социальный порядок как результат космического творения, противопоставляемый хаосу естественного мира, имеет смысл фундаментализировать тему города-утопии как особого, нетривиального

концепта культуры, который манифестирует себя как единицу коллективного знания. Его семантический инвариант отражает культурную специфику мировосприятия и индивида, и общества в целом, как и в случае с античным классическим полисом. Однако, образы идеального города во все времена претерпевали трансформацию в связи с изменениями о природе общественного коллективного и индивидуального, должного и сущего, частного и общественного.

Социально-антропологические и культур-ориентированные исследования городов всегда затрагивают область коллективных представлений, восприятия и воображения, внутри которых формируется образ города, представление об идеальном городе. В частности, у Н. Бердяева идеальный город, Urban Oasis, фактически выступает архетипической единицей сознания, где «человек, раненый злом окружающего мира, имеет потребность представлять в своем воображении образ совершенного способа жизни» [3, с. 329]. Основы подобных идей, получивших позднее название социалистических и частично реализованных в некоторых странах и городах будущего, закладывает Томас Мор, написавший книгу о государстве Утопия.

Идеальный город, город-сад – один из наиболее устойчивых утопических проектов. Этот рай на земле можно назвать вообще одним из наиболее устойчивых архетипов сознания, противопоставляемых реальному городу. При этом история хранит немало урбанистических утопических проектов, представленных в текстах, чертежах, моделях, или в попытках реализации. Многие утопии стали как основами благих идей переустройства города, так и предостережением от злоупотреблений на этом пути. Культ идеального порядка и разумного мироустройства провозглашался основой городской системы, которая насаждалась на конкретной территории.

Особенностью большинства проектов утопического города выступает геометрия очертаний, правильная математически выверенная структура. Это было характерной чертой всех городов, начиная с греческого Пирея, гипподамова творения. Как античная формула космического порядка, противопоставляемого Хаосу, она находит свое воплощение в планах греческих городов.

Полис как космос античного грека, был неразрывно связан с представлениями о геометрическом порядке, непременно отражающемся в строительстве городов. Кроме того, «правильно» устроенный город выражал идею государственного порядка и гармонии, поскольку создавал впечатление устойчивости, четкости, коррелирующей с твердой рукой правящей династии.

Геометрия города была неизбежно идеологичной, воплощая в себе идею порядка и гармонии с миром, природой, обществом. Не удивительно, что утопические проекты городов в обязательном порядке позиционировали регулярность и центричность, единообразие застройки и упорядоченность городской структуры. Таковой была и Атлантида Платона, чья радиально-кольцевая архитектоника

легла в основу реального строительства итальянских городов пятнадцатого-шестнадцатого веков. Леонардо да Винчи также оставил чертежи идеальных геометрических городов как космогоническое отражение Вселенной, где всегда царят порядок и гармония, в отличие от человеческого общества. Многие города переняли традицию возведения по законам геометрии. Один из лучших примеров – геометрическая сеть авеню и бульваров в Париже, перестроенном Османом во второй половине XIX века.

Похожая идея в свое время была презентована и Френсисом Беконем в «Новой Атлантиде», который пророчески озвучил идею всеобщей науки и техники в развитии цивилизации. Сен-Симон провозгласил инженеров-политехников интеллектуальной элитой общества, а флагманами цивилизации – большие города, которые мы сегодня называем мегаполисами.

Начало XX века ознаменовалось поисками новых форм утопических, идеальных городов. Крис Уилкинсон продолжил традиции утопических рассуждений о совершенных городах. В своей работе «Город-утопия» он писал о своих представлениях, в которых его «город-утопия расположен у излучины реки. Множество красивых мостов соединяют различные участки города друг с другом. Здесь есть элегантные площади, общественные зоны, различные по размеру и форме. Они окружены интересными зданиями разного возраста, не похожими друг на друга, и соединены оживленными улицами, по которым спешат люди. Я не перестаю поражаться уровню архитектурных решений этого города и изобретательности, проявленной в отношении геометрии и пропорций, систематизирующих пространство.

Ключевые точки и виды города определяются расположением зданий-достопримечательностей. Продуманные изгибы и изменения угла зрения отвлекают от упорядоченности общей сетки города. Элементы зданий подчеркнуты светом и тенью, обогащены текстурой поверхности и потрясающими цветами. Транспортные потоки привязаны к определенным зонам. Инновационная транспортная система создает возможности для высокоскоростного передвижения из одной точки в другую. Воздух свежий, слегка окрашенный загородным ароматом, пронизан запахами трав и специй. Мои органы чувств успокаиваются, я ощущаю комфорт и гармонию с другими жителями общества Arcadian» [10].

Новым словом в утопическом градостроительстве становится город-сад, спроектированный Э. Говардом. В первую очередь, это было связано с увеличивающимися потребностями промышленных городов, скученностью населения, растущими транспортными проблемами. Э. Говардом были предприняты попытки выдвинуть новые формы расселения. Констатируя кризис, присущий большим городам, Говард не предлагал проводить радикальную реконструкцию этих «левиафанов». Считая большие города тяжело большими, Говард

предлагал сокращать численность населения, выводя его за пределы города, на «лоне природы». Он вывел теорию трех магнитов. Первым магнитом назывался город, вторым магнитом – деревня, третьим магнитом – автономный город-сад, возникший на «лоне природы, вне городов и сел» и сочетавший в себе преимущества сельской и городской жизни [7]. Называя большие города мыльными пузырями, Говард рассчитывал, что они лопнут, поскольку большинство населения расселится в удобных и многочисленных городах-садах.

На самом деле идея Говарда выглядела утопической, если использовать рассуждения, которые мы ранее применили к утопиям. Предполагалось, что все классы и антагонистические по своей общественно-экономической сути слои городского населения будут мирно ужиться на территории города-сада. В этом утопическая идея социального равновесия и одна из слабых сторон проекта Говарда. Вторым аспектом говардовского взгляда на город-сад – территориально-географический. Предполагалось создать вокруг Лондона несколько десятков городов-садов и разместить в них мелкие промышленные предприятия. Подразумевалось, что работники этих предприятий также разместятся в этих городах-садах. Однако, предвидя сегрегацию жителей «садовцев» в отношении культурного и образовательного ценза, Говард предложил воздвигнуть вокруг одного крупного такого культурно-образовательного городского центра (население прилб. 58 тыс.) несколько мелких, по 32 тыс. человек, поселений. Итогом такого размещения становилось урбанизированное образование-федерация, где все жители могли бы получать и «удовольствие» от проживания в сельской местности, и быть обеспеченными и работой, и культурно-образовательными услугами.

Говард был уверен, что население такой федерации непременно оценит выгоды и преимущества сельской природы, и культурно-просветительское обслуживание. Города-сады должны были быть окружены внешним зеленым поясом для удобства прогулок стариков и мам с детьми. Сам город насыщался зеленью культивируемой природы: индивидуальными палисадниками, бульварами, огородами, аллеями. На городской периферии должны были построить безвредные производства – швейные, мебельные, кондитерские фабрики, на которых работали бы горожане. Железная дорога должна связать все города-сады с центром, откуда будет осуществляться руководство городской федерацией. Такова суть учения Говарда [6].

Анализ утопии Э. Говарда показывает его связь с утопиями Сен-Симона, Фурье, Кабе, Оуэна и других социалистов-утопистов. Утопизм состоял также и в том, что автор рассматривал Город-сад в качестве средства смягчения социальных противоречий и способ решения политических проблем. Создание благоприятных условий для жизни воспринималось как инструмент предотвращения социальных и политических конфликтов.

В своих работах «Завтра» и «Города-сады будущего» Говард исходил из убеждения, что каждый

человек испытывает потребность проживания в естественной среде, но вынужден пользоваться цивилизационными достижениями, что отвращает горожанина от природы. Необходим такое поселение, где притягивались бы два магнита – магнит города и магнит деревни [6].

В этом Э. Говард пошел дальше своих предшественников-утопистов, сумев собрать необходимую сумму на строительство города мечты, который был назван Лечворт, по имени деревни, где развернулось строительство на 1545 га земли. Налицо бы этический замысел, который рассматривал город-сад как возможность гармоничного единения с природой и ее облагораживающего влияния на городского жителя. Таким образом социальные проблемы приобретали новые нетривиальные способы решения через внедрение в жизнь принципиально новых программ поддержания стабильности в обществе, развития социальной и духовной сфер [6].

Обнаруживая признаки утопического города в концепции «город-сад» Говарда, мы, тем не менее, не можем назвать этот город социальной утопией в полной мере, как раз потому, что идея Говарда нашла свое практическое, хоть и урезанное, воплощение. После первой мировой войны был построен еще один город-сад – Вельвин. А концепция Говарда получила своих сторонников и воплощение во многих европейских странах, поскольку в утопической, на первый взгляд, концепции отражаются ключевые идеи «умного» города – строгая планировка, контроль за стихийным разрастанием кварталов, сохранение зеленого пояса, производство открытых пространств в планировке города с целью контроля и улучшения экологической обстановки. Интерес к городу-саду был столь велик, что в 1910-1920 годах по Европе прокатилась волна организации движения «Город-сад»: Германия, Великобритания, Франция, Бельгия, Нидерланды, Польша, Россия.

В 1909 году в окрестностях Дрездена был построен Хеллерау. Город-сад был построен также близ Гамбурга и Эссена. Россия не осталась в стороне от подобных градостроительных планов. В начале XX века было организовано Общество изучения городского хозяйства. Журналы печатали инструкции по устройству городов-садов. В журнале «Городское дело» за 1913 год указывалось, что первые попытки постройки подобных поселений были расположены под Москвой, Ригой и Варшавой.

Однако надо отметить, что уже современники отмечали спекулятивный характер новых городов-садов, поскольку вновь построенные европейские «клоны» были похожи, скорее, на пригороды, дачные и коттеджные поселки. Таким образом, реализованная утопия Говарда превращалась в реальную утопию.

В итоге можно сказать, что те утопии, где минимизировали проекты, манифестирующие заботу о людях и уважение к ним, допускающие творчество и спонтанность людей, получили продолжение и реализацию. Доказательством этому в наше время стали проекты Smart City. «Умный город» предпо-

лагает радикальное повышение качества жизни людей без какого-либо социального насилия. Автоматизированные комплексы обеспечивают высокое развитие управления, трафика, социальных служб, здравоохранения, образования и коммуникаций. Используются альтернативные виды энергии, строятся обширные зеленые зоны, а главным маркером городского комфорта становится экологичность.

Таким образом, утопические идеи Говарда города-сада выступали проявлением утопии не в отвлеченной теории, а в материализованной архитектурной среде. Вслед за Э. Говардом, другие архитекторы пытались создать новую культурную парадигму – идеальный город, который своей структурой, математической конструктивностью и ясностью мог воздействовать на человеческое существование, упорядочивая не только конкретное городское пространство, но и мироздание в целом.

Город-сад становится реальным генератором социалистических идей и гуманитарных моделей жизнеустройства, воплощением мечты о лучшем будущем. Концепт идеального города как воплощение коллективного сознания, семантический инвариант, отражающий человеческую ментальность и мировоззрение, нашел свое применение и распространение в Западной Европе. Однако крупнейший утопический эксперимент по созданию города мечты был не только предложен, но и реализован на востоке Европы, в советской России.

Для отечественной традиции элементы утопии отнюдь не новы. Утопия находит выражение в русском фольклоре, литературных произведениях, социальной и публицистической мысли России. Во всех этих текстах звучит идея социального равенства, нравственно-духовных поисков, жертвенности, бескомпромиссности, идейного максимализма. В этом сложном смысловом котле переваривались либеральные, консервативные, архаичные и современные идеи об устройстве и переустройстве общества и индивида. Как результат – рождение утопии, ориентированной на социальные идеалы совершенного общества. Тяжелые испытания, материальные лишения, тяжелый труд и отсутствие элементарных удобств и комфорта не лишили русского человека надежды на «лучшее будущее», на ожидание «золотого времени».

Новые общественные идеалы создавались Советской властью с нуля. Среди принципиально новых горизонтов стремлений, были концепции развития общества, планы по построению принципиально нового типа государства с принципиально новой формой власти и общественных отношений. Эти концепции представляли собой новый вид социальной утопии.

На основании сказанного, можно констатировать, что во все времена «идеальные города» представляли собой базовый архетип идеального человеческого общества. Идеальный порядок конструкции идеального города противопоставлялся несовершенному реальному человеческому миру, что делало утопию города еще более недостижимой и притягательной. Важно, что актуальность изучаемого предмета не потеряла своей притягательности

сегодня, поскольку общество и по сей день не достигло совершенства, а «геометрическая конструктивность» утопического общества (города) позволяет привнести в этот мир гармонию и порядок. Каждый проект города-утопии представляется символом желаемого будущего, непосредственно связанного с реальностями настоящего.

Список литературы

1. Августин Блаженный. О граде Божиим. / Августин Блаженный. – М.: Минск, 2000. – 1296 с.
2. Аинса, Ф. Реконструкция утопии: Эссе / Ф. Аинса. – М.: Наследие: Editions Unesco, 1999.
3. Бердяев, Н.А. Судьба России / Н.А. Бердяев. – М.: Сов. писатель, 1990. – 340 с.
4. Блох, Э. Тюбингенское введение в философию / Э. Блох. – Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 1997. – 400 с..
5. Вебер, М. Избранное. Образ общества. / М. Вебер. – М.: Юрист, 1994. – 704 с
6. Говард, Э. Города будущего / Э. Говард. – М.: Сакура, 1992. – 178 с.
7. Говард, Э. Города-сады будущего / Э. Говард. – СПб: 1911.
8. Кярова, М.А. Утопия. Социальное содержание и функции / М.А. Кярова. – Нальчик: Кабард.-Балкар. гос. Ун-т им. Х.М. Бербекова. 2005. – 27 с.
9. Платон. Государство. Тимей. Критий. / Платон. Соч.: В 4 т. – М.: Мысль, 1971. Т. 3, ч. I. – 654 с.
10. Уилкинсон, К., Быстрова, Т. Ю. Перевод статьи Криса Уилкинсона «Город утопия» / К. Уилкинсон, Т. Ю. Быстрова // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. 2009. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perevod-stati-krisa-uilkinsona-gorod-utopiya>
11. Шестаков, В.П. Понятие утопии и современные концепции утопического / В.П. Шестаков. // Вопросы философии. – 1972, – № 8.
12. Шишулькин, С.А. Онтологические и гносеологические основания социальной утопии. Диссертация на соискание степени к. филос.н. специальность 09.00.01 Онтология и теория познания / Сергей Александрович Шишулькин. – Магнитогорск: 2004.–120 с.

ECONOMIC SCIENCES

УДК 537.2 : 537.3 : 537.8

Захожий К.А.

*студент 4 курса «Архитектурно-строительного факультета»
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имен И.Т. Трубилина»
г. Краснодар, Российская Федерация*

[DOI: 10.24412/2520-2480-2020-2880-11-12](https://doi.org/10.24412/2520-2480-2020-2880-11-12)

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС.

Zakhozhy K.A.

*4rd year student, Faculty of Architecture and Civil Engineering
"Kuban State Agrarian University behalf of I.T. Trubilina" Krasnodar, Russian Federation*

ECONOMIC CRISIS.

Аннотация.

Данная статья посвящена изучению кризиса. Целью данного исследования является анализ кризиса, причины его возникновения, а также последствия его действия. Были использованы следующие методы исследования: моделирование, синтез, а также анализ проводимых исследований.

Abstract.

This article is devoted to the study of the crisis. The purpose of this study is to analyze the crisis, the reasons for its occurrence, as well as the consequences of its action. The following research methods were used: modeling, synthesis, and analysis of ongoing research.

Ключевые слова: кризис, упадок, прогнозы, дефицит, санкции, равновесие, экономика, цена, государство.

Key words: crisis, decline, forecasts, deficit, sanctions, equilibrium, economy, price, state.

В данной научной статье мы изучим причины возникновения кризиса, его социально-экономическую сущность, следствие его действия.

Уинстон Черчилль говорил: «Любой кризис - это новые возможности». Но для начала разберемся с тем, а что же такое кризис. Кризис – это резкое обострение противоречий в социально-экономической системе, угрожающее ее жизнестойкости в окружающей среде. Какой бы размеренной, надежной и равновесной не была финансовая система страны — кризисные ситуации в ней точно также будут случаться дальше. Их влияние возможно ослабить, сделать более редкими, но всецело избавиться от них невозможно. Кризисы сопровождают общество уже около двух веков, потрясая мировой строй и принося с собой разрушительные последствия, а кризисные явления являются спутниками истории человечества, эволюционируя от мелкой нехватки сельскохозяйственных продуктов вплоть до крушения мировой финансовой системы. Каждый раз кризис притягивает к себе большее количество людей, угрожая благосостоянию стран, балансу экономических систем. Они прерывают стабильный экономический рост, нарушают равновесие, тем самым мешают обычному развитию рыночных отношений.

Причины кризиса бывают: Объективные, связанные с циклическими потребностями модернизации и реструктуризации,

Внешние связаны с тенденциями и стратегией макроэкономического развития или даже развития мировой экономики, конкуренцией, политической ситуацией в стране,

Субъективные, отражающие ошибки в управлении, а также природные, характеризующие явления климата,

Внутренние – связаны с внутриорганизационными проблемами, с рискованной стратегией маркетинга, внутренними конфликтами, недостатками в организации производства, несовершенством управления, инвестиционной политикой и др.

Кризисы также могут быть: предсказуемыми (закономерными) и неожиданными (случайными);

Существуют также кризисы явные и латентные (скрытые);

По силе воздействия на социально-экономическую систему кризисы бывают: глубокими и легкими;

Кризисы бывают: регулярные (циклические), или нерегулярные (периодические);

К нерегулярным экономическим кризисам относятся: промежуточные, частичные, отраслевые и структурные кризисы.

Стоит отметить, что преодоление кризисов - управляемый процесс. Успех управления зависит от своевременного распознавания кризиса, симптомов его наступления. Признаки кризиса дифференцируются прежде всего по его типологической принадлежности: масштабы, проблематика, острота, область развития, причины, возможные последствия, фаза проявления.

Когда завершается кризис, экономика должна пережить свой подъем. Так случалось всегда, поскольку кризисы у нас, увы, не редкость. Улучшения должны ощущаться практически в каждой от-

расли, граждане страны поднимают личный уровень жизни. Но сегодня об этом пока говорить еще рано. Из наиболее оптимистических прогнозов необходимо указать те, которые отмечают то, что нельзя избежать спадов в процессе развития мощной экономической системы. Кризисы являются предшественниками быстрого рывка в развитии. Они являются инструментом, который дает возможность устранить противоречия. Чем ниже страна опустится, тем более результативным будет ее последующее процветание.

Сегодня людей во всем мире волнует кризис. После длительного подъема последних десятилетий, который называли «золотым веком мировой экономики», грянул первый глубокий кризис эпохи глобализации. Поэтому важнейшие его причины следует искать в деятельности очень крупных транснациональных корпораций мира, и тех структур, механизмов и инструментов, которые были созданы при их активном участии. Финансовый сектор стал ведущей площадкой деятельности корпораций и государства. В настоящее время экономический кризис все больше охватывает другие развитые и развивающиеся страны. В мире, где все меньшее значение имеют границы, кризис не щадит никого. А скорость, с которой хаос распространяется, не оставляет сомнений в том, что в ближайшее время он во все большей степени будет охватывать весь мир. Неудивительно, что экономисты в этих условиях предсказывают сильное падение потребительского спроса. А это еще более обострит задачу — не дать экономике уйти в штопор, когда отсутствие спроса приводит к сворачиванию производства, массовым увольнениям и новому падению спроса. Кризис требует радикальных мер для предотвращения или хотя бы ослабления глобальной рецессии и других финансово-экономических трудностей. Что же может помочь мировой экономике? Главный упор делается на помощь государства. В большинстве стран приняты государственные программы помощи экономическому развитию. Центробанки и правительства объявили о своей готовности предоставить банкам большое ко-

личество денег, чтобы разблокировать международные кредитные рынки и спасти национальные банковские системы. Другой группой мер служат различные формы огосударствления, как прямые (полная или частичная национализация), так и косвенные. Примером последних могут служить предоставление государственных гарантий банковских вкладов физическим лицам, а также создание различных инвестиционных фондов. Дополнительными причинами кризиса были непрозрачность деятельности банков и крупных корпораций, отсутствие контроля за ними, неадекватность оценок рейтинговыми агентствами результатов их работы, а также отсутствие социальной ответственности у многих собственников корпораций и руководителей государственных учреждений.

Надо сказать и об идеологической деятельности. Сюда можно отнести призывы правительств и различных общественных организаций к гражданам своих стран не поддаваться панике, не изымать свои вклады из банков, требования ужесточения контроля за проблемными предприятиями и учреждениями.

Преодоление кризиса станет важным этапом в развитии мировой экономики. Но для этого нужны коллективные усилия всех участников мирохозяйственных процессов, всех государств, представителей бизнеса, общественных организаций и международных учреждений.

Список использованной литературы:

1. Арсенова Е.В., Крюкова О.Г. Экономика фирмы: схемы, определения, показатели: справочное пособие. М.: Магистр, ИНФРА-М, 2014. С. 378-387.
2. Словарь финансово-экономических терминов / А. В. Шаркова, А. А. Килячков, Е. В. Маркина и др.; под общ. ред. д. э. н., проф. М. А. Эскиндарова. — М.: Издательско-торговая корпорация "Дашков и К", 2015. С. 152-156.
3. Абель, Э., Бернанке Б. Макроэкономика. - СПб.: Питер. — 2010. 768 с.
4. Бутырнова Т.С. Экономика. Учебное пособие. - М.: Экономика. — 2004. 364 с.

© К.А. Захожий, 2020

*Чакалаев С.С.,**Магомаева Л.Р.**Грозненский государственный нефтяной технический университет имени академика М.Д. Миллионщикова***ИССЛЕДОВАНИЕ ОСНОВНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ИНФОРМАЦИОННОГО РЫНКА УСЛУГ***Chakalaev S.S.,**Magomaeva L.R.**Grozny State Oil Technical**University named after academician M.D. Millionshchikov***RESEARCH OF THE MAIN CHARACTERISTICS OF THE INFORMATION MARKET OF SERVICES****Аннотация.**

В работе исследуются три этапа рынка научной и технической информации, а также сделан обзор по компонентам рынка информационно-коммуникационных технологий. Автором делается вывод, что цифровые интернет-технологии способствуют сокращению числа уровней в каналах реализации информационного рынка. А в таких условиях выживают те посредники, которые способны повысить ценность продукта для конечного пользователя.

Abstract.

The paper examines three stages of the scientific and technical information market, and provides an overview of the components of the information and communication technologies market. The author concludes that digital Internet technologies help to reduce the number of levels in the channels of the information market. And in such conditions, those intermediaries who can add value to the product for the end user survive.

Ключевые слова: рынок информационно-коммуникационных технологий, информация, информационная услуга, информационный продукт.

Keywords: information and communication technologies market, information, information service, information product.

Информационно-коммуникационные технологии и цифровая экономика являются одним из приоритетных направлений перехода к экономике, основанной на знаниях. Принято определять информационные и коммуникационные технологии (ИКТ) как технологии, использующие средства микроэлектроники для сбора, хранения, обработки, поиска, передачи и представления данных, текстов, образов и звука [1].

Фактический и потенциальный эффект развития ИКТ вызывает большой интерес на глобальном, национальном и региональном уровнях. Их развитие способствует повышению качества жизни населения, эффективности управления бизнесом и государством, появлению новых способов получения образования, коммуникации и социализации людей, обеспечению доступа к различным видам информации. Ускоренное развитие ИКТ, с одной стороны, и их быстрое «моральное и физическое устаревание», с другой, стимулируют спрос на новую продукцию, что является главным фактором экономического роста в современном мире.

Информационный рынок [2] – это система экономических, правовых и организационных отношений по торговле информационными продуктами, услугами и технологиями. Под экономическими отношениями здесь понимаются все отношения по купле-продаже информационных продуктов, услуг или их составляющих. Правовые отношения – это

сложная система авторских и смежных прав, которую мы будем подробно рассматривать в данном курсе. Пока важно отметить, что, хотя право – важный элемент любого рынка, информационный рынок и здесь имеет свою специфику. Авторское право конституирует информационный рынок, без него он практически не может существовать в сколько-нибудь развитом виде. Что касается организационных отношений, то они определяют всю систему логистики информационных продуктов и услуг, конкретные организационные роли производителей и продавцов в общей системе информационного рынка. Поскольку в продукции ИТ-отрасли практически всегда велика информационная составляющая (как минимум, в ПО и разработке самого продукта), продукты и услуги ИТ во многом подчиняются тем же закономерностям, что и информационные блага как таковые. Поэтому торговлю информационными продуктами и услугами мы далее будем называть информационным рынком в узком смысле, а с учетом также информационных и коммуникационных технологий (ИКТ) – в широком смысле слова.

Рынок научной и технической информации за последнее десятилетие развивался в три этапа.

Первый этап (1987–1992 гг.) характеризовался благоприятными условиями для развития информационного рынка. В результате активизации предпринимательской деятельности возникли новые ин-

формационные потребности, появился относительно надежный платежеспособный спрос. Наличие дешевого информационного «сырья», созданного в рамках государственных информационных структур, позволило множественным коммерческим информационным структурам-посредникам вести целевое, направленное на конкретного потребителя информационное обслуживание.

Второй этап (1992–1997 гг.) был отмечен либерализацией экономики, которая привела к ухудшению макроэкономических условий для развития рынка информационных продуктов и услуг. Их производство стало нерентабельным, что особенно проявилось в секторе научной и технической информации. Небольшие коммерческие структуры были вынуждены либо прекратить свою деятельность, либо ориентироваться на платежеспособного потребителя. Производство же информационных продуктов и услуг в сфере научной и технической информации вновь сосредоточилось в рамках государственных структур, финансирование которых было сведено к минимуму.

Третий этап начался в 1997 г. после принятия Правительством РФ постановления, утвердившего Положение о государственной системе научной и технической информации. Этот документ свидетельствовал об осознании руководством страны необходимости оказания содействия сфере научной и технической информации, финансовой поддержки крупнейшим информационным центрам – создателям и хранителям национальных информационных ресурсов.

Сейчас Россия входит в четвертый этап – этап создания национальной системы научной и технической информации, которая на правовом и нормативном уровне призвана объединить элементы государственной системы НИИ, библиотечной системы, архивных фондов, частного бизнеса. Эти меры должны быть направлены на активизацию процесса интеграции страны в мировое информационное пространство.

Таким образом, рынок информационной продукции и услуг является одним из наиболее динамично развивающихся секторов мирового рынка. Экономическое и геополитическое значение его по мере перехода к информационному обществу будет неуклонно возрастать. В связи с этим ведущие страны мира усилят конкурентную борьбу, попытаются укрепить свои позиции в глобальном информационном пространстве.

Рынок ИКТ включает следующие компоненты [3]:

1. ИТ-оборудование: серверы, персональные компьютеры и планшеты; периферийные устройства (принтеры и мониторы); системы хранения данных; телекоммуникационное оборудование: мобильные телефоны и смартфоны и др.

2. Программное обеспечение: инфраструктурные программные комплексы, инструменты разработки, развёртывания и реализации компьютерных и мобильных приложений, а также сами приложения.

3. ИТ-услуги: обеспечение потребителям некоторой совокупности технических и организационных решений, которые обеспечивают поддержку одной или нескольких бизнес-функций (бизнес-процессов) потребителей и воспринимаются потребителями как единое целое (предоставление доступа в интернет, услуги проектирования, внедрения, операционного управления, поддержки и обучения и др.).

Теперь остановимся на предоставлении услуг на рынке ИТ. Традиционный сегмент ИТ-рынка включает в себя вендоров (поставщиков оборудования и/или ПО), дистрибьюторов и розничные сети. В основном это супермаркеты электроники либо специализированные магазины вычислительной техники, которая в наше время включает в себя компьютеры, смартфоны, планшеты, периферийные устройства и различные аксессуары. Наконец, некоторые крупные вендоры, например, Apple или Sony, имеют собственные фирменные магазины, т.е. используют механизм прямых продаж. ПО в настоящее время практически полностью ушло из традиционного сегмента и реализуется по онлайн-каналам. В роли последних выступают прежде всего мобильные платформы AppStore и Google Play, которые контролируют львиную долю рынка ПО для мобильных устройств. В то же время рынок ПО для персональных компьютеров сегодня остается децентрализованным. Онлайн-продажи существуют у вендоров, дистрибьюторов, розничных сетей и независимых интернет-магазинов. Наряду с ПО эти магазины продают также те или иные виды оборудования, перечисленные выше. Наконец, практически каждый вендор имеет свой онлайн-магазин, т.е. использует канал прямых продаж. Несмотря на бурный рост новейших платформенных рынков в сегментах мобильных устройств, рынок традиционного ПО (компьютеры включая персональные) остается приверженным ранним формам онлайн-продаж через собственные сайты. Вместе с тем, именно в данном сегменте развиваются новейшие формы продаж оборудования и ПО как услуг – модели SaaS, PaaS, IaaS. Вероятно, рынок ПО перейдет к этим новейшим формам продаж, минуя платформенные рынки. Медийный рынок традиционно был основан на модели прямых продаж либо одноуровневом канале реализации в виде подписки на почте на газеты и журналы. Для электронных СМИ, которые длительное время вещали исключительно в эфире, модели продаж, как таковой, практически не было – подавляющее большинство зрителей автоматически получали доступ к услугам этих СМИ автоматически при покупке телевизора или радиоприемника.

Онлайн-технологии пока не внесли принципиальных изменений в эти схемы, за исключением мощной конкуренции интернет-платформ, работающих также по медийной модели, таких как Google, Yandex или Mail.ru. При этом сами СМИ практически все и работают в онлайн-режиме, и освоили бизнес-модель Freemium, позволяющую получать доходы от размещения контента в интер-

нете. Мультимедійні можливості інтернету підвищили і цінність інформаційного контенту, який тепер може комбінувати текст, ілюстрації, відео і інфографіку, наглядно представляючи ідеї. Також слід врахувати, що, хоча онлайн-платформи конкурують з традиційними СМІ за рекламу, останні залишаються єдиним джерелом медійного контенту як такового. Новинні розділи Google, Yandex і інших онлайн-агрегаторів представляють собою не що інше, як посилання на новинні матеріали, підготовлені традиційними або спеціалізованими електронними СМІ. Слід врахувати і «довгий хвіст» СМІ – блогосферу, ставшую настільки популярною в останні десятиліття.

Таким чином, можна зробити висновок, що цифрові інтернет-технології сприяють со-

кращенню числа рівнів в каналах реалізації інформаційного ринку. В таких умовах виживають ті посередники, які здатні підвищити цінність продукту для кінцевого користувача.

Список літератури

1. Абдрахманова Г. И., Гохберг Л. М., Ковалева Г. Г. Информационное общество: тенденции развития в субъектах Российской Федерации : стат. сб. / Высш. шк. экономики. М., 2015. 160 с.
2. Скрипкин К.Г. Экономика информационных продуктов и услуг: Учебник. – М.: Экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 2019. – 192 с.
3. Радчук В. А. Роль рынка информационных услуг в развитии социально-экономических систем // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2012. № 1. С. 318–319.

УДК: 65.01: 339.137.2

Чухліб А. В.

кандидат економічних наук, доцент,

Національний університет біоресурсів і природокористування України, Київ

ІНСТРУМЕНТАРНО-МЕТОДИЧНЕ ЗАБЕЗПЕЧЕННЯ МОДЕЛЮВАННЯ СТРАТЕГІЧНОЇ КОНКУРЕНТОСПРОМОЖНОСТІ ПІДПРИЄМСТВ АГРАРНОГО СЕКТОРУ

Chukhlib A. V.

economic sciences, associate professor,

National University of life and environmental sciences of Ukraine, Kiev

APPARATUS - METHODOLOGICAL SUPPORT OF STRATEGIC COMPETITIVENESS MODELING AGRICULTURAL SECTOR ENTERPRISES

Анотація.

Розглянуто сутність понять «модель», «моделювання», «стратегічна конкурентоспроможність підприємства». Розкрито методичний інструментарій моделювання стратегічної конкурентоспроможності підприємств аграрного сектору, його складові елементи.

Abstract.

The essence of the concepts «model», «modeling», «strategic competitiveness of the enterprise» is considered. Methodical apparatus for modeling the strategic competitiveness of agricultural enterprises, its constituent elements are revealed.

Ключові слова: *методичний інструментарій, модель, моделювання, конкурентоспроможність, якість, ефективність, стратегія.*

Keywords: *methodical instrumentation, model, modeling, competitiveness, quality, efficiency, strategy.*

На сьогоднішній день не втрачає актуальності питання моделювання стратегічної конкурентоспроможності підприємств аграрної сфери. Обґрунтована стратегія розвитку конкурентоспроможності аграрних підприємств сприяє їх стабільному функціонуванню, забезпеченню стійкості конкурентних позицій.

Питання моделювання конкурентоспроможності суб'єктів господарювання знаходять своє відображення у наукових працях О. Гуглі, О. Зими, Д. Іванова, А. Кириліної, М. Клімової, О. Николук, Т. Носової, С. Савчук, Т. Сумкіної та інших науковців.

Застосування методу моделювання дозволяє здійснити теоретичний аналіз, уточнити сутність досліджуваних явищ і процесів, побудувати модель, відтворити властивості та характеристики об'єкта дослідження.

В англійській мові для визначення категорії моделювання використовують два терміни: 1) modeling – моделювання, засноване на теоретичних положеннях; 2) simulation – імітаційне моделювання, яке полягає у відтворенні, імітації стану системи на підставі аналізу її поведінки [2].

Термін «модель» походить від латинського «modulus», що означає аналог, міра, зразок. Модель відтворює суттєві особливості та основні параметри досліджуваного об'єкта. На сьогодні залишається дискусійним і потребує детальнішого вивчення питання щодо розкриття сутності терміну «модель».

Класичне визначення моделі сформульовано В. Штоффом наприкінці 60-х років ХХ століття. Автор визначає модель як подумки представлену

або матеріально реалізовану систему, яка відтворює об'єкт дослідження та здатна його замінити таким чином, що в результаті її вивчення отримують нову інформацію про досліджуваний об'єкт [6, с. 19].

А. Уємов доповнив визначення сутності «моделі», пов'язавши його із різними формами пізнання, теорією та гіпотезами. А. Уємов та І. Новік стверджують, що моделювання використовується з метою теоретичного та практичного дослідження об'єкта. При цьому безпосередньому вивченню підлягає не сам об'єкт, а деяка допоміжна штучна/природна система/ модель, яка: 1) знаходиться в певному об'єктивному співвідношенні з об'єктом дослідження; 2) здатна замінити об'єкт на певних етапах пізнання; 3) надає інформацію про об'єкт моделювання [4].

Узагальнивши трактування сутності категорії «модель», можна виокремити такі загальні її характеристики, як формалізація, системність, аналогія та подібність, здатність замінити об'єкт дослідження, параметричність, інформаційність, аналітичність.

Одним із ключових методів дослідження, на думку Ф. Шродт, слугує математичне моделювання, оскільки побудована математична модель становить сукупність співвідношень, що відображає характеристики стану об'єкта моделювання та їх прогнози значення [3].

Для виявлення способів збереження і/або посилення конкурентних переваг суб'єкта господарювання та утримання конкурентної позиції на ринку протягом тривалого часового періоду доцільно застосовувати моделювання стратегічної конкурентоспроможності.

Стратегічна конкурентоспроможність підприємств аграрної сфери – ймовірна перспективна їх здатність зберігати і/або посилювати комплекс стійких конкурентних переваг, що сприятимуть їх конкурентоспроможності у стратегічному періоді. На відміну від досягнутої конкурентоспроможності аграрних підприємств, що відображає результати минулої діяльності суб'єктів господарювання, стратегічна конкурентоспроможність орієнтована на перспективний період протягом якого суб'єкти господарювання здатні утримувати конкурентні переваги на ринку.

Моделювання стратегічної конкурентоспроможності підприємств аграрного сектора базується на синергетичному підході, що забезпечує комплексність дослідження. Системність і комплексність моделювання стратегічної конкурентоспроможності суб'єктів господарювання забезпечують взаємопов'язаність показників стратегічної конкурентоспроможності та економічного розвитку підприємств, варіантність, адекватність теоретичним аналогам, оптимальність співвідношення корисного ефекту та передбачуваних витрат.

В процесі моделювання стратегічної конкурентоспроможності аграрних підприємств виявляють найбільш значущі чинники конкурентоспроможності, агрегують їх в одну модель, оцінюють конкурентоспроможність виробленої продукції на ринку,

визначають закономірності зміни окремих параметрів конкурентоспроможності продукції та конкурентоспроможності суб'єкта господарювання.

Економіко-математичне моделювання стратегічної конкурентоспроможності аграрних підприємств доцільно здійснювати у наступній послідовності:

1. Формулювання мети моделювання, аналітична оцінка досліджуваної проблематики.
2. Побудова економіко-математичної моделі.
3. Математичний аналіз моделі.
4. Підготовка вихідної інформації.
5. Розробка алгоритму розв'язку задачі.
6. Аналіз результатів моделювання, верифікація моделі.

Враховуючи, що стратегічна конкурентоспроможність аграрних формувань характеризується їх здатністю формувати та зберігати і/або посилювати конкурентні переваги, в основі моделі стратегічної конкурентоспроможності повинні бути показники, що кількісно відображатимуть ці переваги. При розробці моделі важливо врахувати особливості діяльності аграрних підприємств, оскільки чинники впливу на конкурентні переваги значно варіюють від виду діяльності суб'єкта господарювання. Формування нових переваг напряму залежить від впровадження інновацій.

Методичним підґрунтям прогнозування стратегічної конкурентоспроможності підприємств аграрного сектору слугує теорія розвитку об'єкта, що розкриває сутність закономірностей, основних причинно-наслідкових зв'язків досліджуваного явища або процесу.

Методичний інструментарій прогнозування використовують з метою дослідження причинно-наслідкових зв'язків між конкурентними чинниками та системою їх зворотного впливу на формування стратегії конкурентоспроможності суб'єкта господарювання, ступеня впливу конкретних закономірностей на процес дослідження, представлення об'єкта прогнозування у вигляді динамічної системи та відтворення цієї системи у майбутньому з певним ступенем ймовірності.

Враховуючи особливості виробництва продукції аграрного сектору, властивості чинників конкурентоспроможності та вплив ендогенних факторів на розвиток конкурентоспроможності аграрних формувань, для прогнозування доцільно використовувати методи математичної екстраполяції та різного роду модифікації цих методів - метод експоненціального згладжування з регульованим трендом, метод адаптивного згладжування та ін. У якості прогностичних функцій стратегічної конкурентоспроможності суб'єктів господарювання можна застосувати логістичні та експоненціальні функції.

Прикладний аспект використання регресійних однофакторних/багатофакторних лінійних/нелінійних моделей для прогнозування стратегічної конкурентоспроможності аграрних підприємств може бути реалізований лише після оцінки суттєвості коефіцієнтів регресії та перевірки моделі на адекватність.

Таким чином, моделювання виступає важливим елементом формування концепції управління стратегічною конкурентоспроможністю, надає якісну характеристику стратегічної конкурентоспроможності підприємств аграрного сектору, дозволяє об'єднати процеси стратегічного управління та заходи, що сприяють забезпеченню стратегічної конкурентоспроможності суб'єктів господарювання в одну систему чітко визначених, цілопрямованих управлінських дій.

Список літератури

1. Ветрова Е. Н. Управление стратегической конкурентоспособностью: монография. Саарбрюккен: LAP LAMBERT, 2013. 60 с.

2. Ибрагимов И.М., Ковшов А. Н., Назаров Ю.Ф. Основы компьютерного моделирования наносистем : учебное пособие. Санкт-Петербург : Из-во «Лань», 2010. 384 с.

3. Мангейм Дж.Б., Рич Р.К. Политология: Методы исследования. М.: Издательство «Весь Мир», 1997. 544 с.

4. Новик И. Б. Вопросы стиля мышления и естествознания. М.: Политиздат, 1975. 144 с.

5. Сумкіна Т.О. Моделювання конкурентоспроможності продукції підприємства. Вісник Бердянського ун-ту менеджменту і бізнесу. 2009. №4 (8). С. 69–73.

6. Штофф В. А. Моделирование и философия. Москва-Ленинград: Наука, 1966. 300 с.

JURISPRUDENCE

УДК: 314.72

*Гайдарева Инна Николаевна,**к.с.н., доцент**Ешев Марат Альбекович,**к.с.н., доцент**Кушников Александр Владимирович**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Адыгейский государственный университет»***ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И ПРАКТИКА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В РОССИИ (XV–НАЧАЛО XX В.)***Gaidareva Inna Nikolaevna,**PhD in Sociology associate professor**Eshev Marat Albekovich,**PhD in Sociology associate professor**Kushnirov Aleksandr Vladimirovich**Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Adygea State University»***HISTORY OF FORMATION AND PRACTICE OF LEGAL REGULATION OF MIGRATION
PROCESSES IN RUSSIA (XV-BEGINNING OF XX CENTURY)****Аннотация.**

В статье рассмотрены правовые основы реализации миграционной функции в контексте исторического развития Российского государства, что позволило выделить один из основных исторических этапов (цикла) - имперский. В рамках выделенного этапа устанавливаются как специфика миграционных процессов, так и соответствующие ей существенные различия в правовых формах реализации миграционной функции в период развития Российского государства в XV – начало XX в.

Abstract.

In the article, the consideration of the legal basis for the implementation of the migration function in the context of the historical development of the Russian state made it possible to distinguish one of the main historical stages (cycle) - imperial. Within the framework of the selected stage, both the specifics of migration processes and the corresponding significant differences in the legal forms of the implementation of the migration function during the development of the Russian state in the 15th – early 20th centuries are established.

Ключевые слова: миграция, миграционный процесс, нормативный акт, правовой режим, переселенцы, иностранцы.

Keywords: migration, migration process, normative act, legal regime, immigrants, foreigners.

Миграция населения является сложным, своеобразным процессом, зависимым от определенных социальных факторов – социально-экономических, социально-культурных, социально-политических, социально-идеологических и социально-психологических. Это дает основание для теоретической разработки и практической оценки ее влияния на социальные процессы в различные периоды времени. Для того чтобы оценить их, необходимо обратиться к истории и практике развития миграционных процессов.

В период своего существования Российская империя была тесно связана с освоением окраин. На каждом историческом этапе миграция населения имела специфические черты, но в целом для нее была характерна относительная устойчивость в направлениях, преемственность между ранними и последующими этапами.

Многие миграционные процессы обуславливались социальными неурядицами (природными бед-

ствиями, набегами соседей, войной и т.д.). Как считает М.Н. Ремизова, «отсутствие мира на Русской земле, постоянные притеснения со стороны захватчиков делали условия жизни коренного населения почти невыносимыми; чтобы уйти от уплаты огромных податей, сохранить свое имущество, право на мирный труд, свои жизни, честь и покой в семье, люди целыми селениями уходили со своих земель, вынуждены были скрываться в лесах, бегать в другие земли» [2, с. 82].

С появлением новых государств население Руси образует новые потоки миграции. Значительные переселения происходят в конце XV – начале XVI в. Надзор, осуществляемый за переселенцами в Древней Руси, был не столько правительственным, сколько общественным [4, с. 25]. Все общество было заинтересовано в обеспечении своей безопасности.

В XVI столетии Правительство стало само наблюдать за проезжающими людьми в связи с

опасностью причинения вреда исключительно государству, что явилось основной причиной введения в России «проезжих грамот», по которым иноземцы въезжали в Русскую землю, а русские подданные отправлялись за границу. В течение XVII в. без особых жалованных грамот иностранцы не могли въезжать в Россию, тем более свободно перемещаться по ее территории.

Во время княжения Ивана III (1462-1505), а также его сына Василия III (1505-1533) поводом для миграции населения были как экономические, так и социальные (образование новых торговых точек и прогрессивное развитие торговых отношений, формирование новой системы органов власти и управления и создание новой социальной опоры для великокняжеской власти) проблемы. Иностранцы, особенно промышленники, были принимаемы во всех главных центрах Русской земли на основании заключаемых с ними договоров. С усилением централизации приезд иностранцев стал все больше ограничиваться, во-первых, по политическим причинам, чтобы враждебно настроенные иноземные княжества не узнали внутреннюю обстановку в стране, во-вторых, чтобы сохранить монополию христианской религии от проникновения и распространения других религиозных учений. Таким образом, Русь ограждала себя от иностранного влияния как в идеологическом плане, так и из экономических соображений.

Соборное уложение 1649 г. впервые нормативно утвердило необходимость удостоверения личности для подданных. С этого момента законодательно закрепились практика оформления выездов за рубеж. В период устойчивого экономического подъема, с 60-х гг. XVI в., миграционные процессы характеризовались сочетанием внутренней колонизации в традиционных областях с достаточно интенсивным освоением новых районов по верхней Оке, к югу от среднего ее течения, а также Нижегородского края и южных, юго-западных окраин Рязанщины [4, с. 28].

Предпосылками для установления миграционного контроля послужили различные мотивы – политические, экономические, религиозные и военные, в совокупности определявшие новый уровень развития социального устройства, которое уделяло много внимания безопасности населения и охране границ страны. Первым государственным законодательным актом по урегулированию передвижения населения стало Соборное уложение 1649 г.

При Петре I право свободного передвижения подверглось очередным ограничениям, вылившимся впоследствии в сложную паспортную систему. Указы Петра I устанавливали обязательность «проезжих писем» и «пашпартов» для всех отъезжающих в другие губернии или за границу. Без наличия этих документов губернаторам и войводам запрещалось пропускать проезжих через свои территории [4, с. 48]. Развитию законодательства о паспортах сильно содействовали, с одной стороны, установление подушной подати и рекрутства, с другой – увеличение числа беглых крестьян и холопов, уходивших от рекрутчины, налогового

гнета, произвола помещиков и религиозного преследования. Паспорт стал средством контроля мигрантов, среди которых государство стремилось выявить «гулящих и подозрительных людей».

Одним из нормативных актов, регулировавших правовой режим пребывания и деятельности иностранных граждан, был Новоторговый устав 1667 г. Согласно Уставу торгующие иностранцы допускались в Москву и другие города только при наличии жалованных грамот о торгах за красной печатью государя.

Манифестом от 4 декабря 1762 г. Екатерина II разрешила въезд в Россию всем желающим, кроме евреев, на поселение с указанием места поселения. Именно этот документ послужил новым толчком для массового въезда в страну жителей Европы в небывалом до этого количестве.

22 июля 1763 г. издан новый Манифест, детально регламентировавший правовой статус иностранцев, желающих въехать на поселение в Россию. Положения этих и последующих манифестов и указов оставались незыблемыми вплоть до начала 70-х гг. XIX в. и надолго определили уклад жизни тех иностранцев, которые въезжали в Россию для постоянного проживания.

Петр I и Екатерина II приглашали иностранцев в Россию на выгодных условиях, в том числе обещая им свободу вероисповедания; иностранным переселенцам даже предлагалась помощь в возведении церквей на их новом месте жительства.

Законодательные меры контроля над передвижением населения применялись по двум направлениям: когда житель страны был вынужден временно отлучиться со своего постоянного места жительства или когда он покидал прежнее место жительства и уезжал на другое постоянное место.

Нормативная систематизация всех правил, касающихся паспортного режима, началась при издании Свода законов в 1832 г., когда все «паспортные указы и распоряжения» были сведены в один Устав о паспортах, который в 1895 г. дополнен Положением о видах на жительство. Новый Указ о паспортах издан в 1903 г. [1, с. 19].

К концу XIX в. законодательством определен статус подданных и лиц, приезжающих из-за границы. В случае выезда с места постоянного проживания без надлежащих документов такое лицо по прибытии рассматривалось местной полицией либо как бродяга, либо как беглый. Строгому контролю подвергался срок действия паспорта: лица, пойманные с просроченным документом, наказывались наравне с беспаспортными.

Причиной ускоренного формирования законодательства в области миграции во второй половине XIX в. стали соображения национальной безопасности. Процесс миграции был естественным и происходил зачастую стихийно, поэтому он мог угрожать народными волнениями, неподконтрольными полицейскому надзору.

С 1881 по 1889 г. в России продолжается работа в законодательной сфере, касающейся миграции. Обсуждались функции переселения, право на

него различных сословий, роль государства в организации переселения, оценивались методы стимулирования и др. [4, с. 31].

Переселенцам передавались казенные земли в постоянное пользование, предоставлялись, помимо налоговых, льготы по исполнению воинской обязанности, отпуску леса, выдаче денежных пособий «на прокормление» в пути, по упрощению всех механизмов переселения.

Наращение революционного кризиса в России в начале XX в. вынудило власть полностью отказаться от традиционной политики ограничения и перейти к политике свободы переселения. Право на него получали все желающие независимо от их имущественного положения. Новый курс переселенческой политики был окончательно оформлен Законом от 6 июня 1904 г. «О добровольном переселении сельских обывателей и мещан-земледельцев». С принятием Закона завершился целый период в истории русской переселенческой политики ограничительного характера, а новый этап начал строиться на принципиальном признании крестьянского переселения могущественным орудием аграрной политики [3, с. 603].

В начале XX в. юридическая практика оформления постоянного местожительства в качестве права и обязанности всех жителей страны считалась первым условием в общественной жизни. Для удостоверения этого права устанавливаются так называемые книги населения. Вместе с тем необходимость постоянной регистрации не исключала возможности перемены постоянного местожительства или временной из него отлучки. Такое позволение было связано с экономической выгодой тех или иных перемещений, которые признавались одним из существенных условий правильного экономического развития народа [2].

Исходя из изложенного, можно выделить следующие этапы становления свободы передвижения в дореволюционной России:

- 1) середина XI в. по XV в. характеризуется заселением и освоением окраин Российской империи;
- 2) XV в. – первая половина XVI в. – во время образования новых государств население Руси образует новые потоки миграции;

3) середина XVI – первая половина XVII в. характеризуется многосторонним кризисом (трудности в развитии сельского хозяйства), Ливонской войной, голодом. В это время в Соборном уложении 1649 г. закреплена возможность передвигаться по территории государства;

4) вторая половина XVII – середина XIX в. – привлечение иностранных граждан на работы и проживание на территории Российского государства;

5) середина XIX в. – до Великой Октябрьской социалистической революции – отказ от традиционной политики ограничений и переход к политике свободы переселения.

Таким образом, миграционные процессы атрибутивны как для этой сферы в целом, так и в конкретных правоотношениях и выступают как способы (механизмы) реализации каждого на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства.

Список литературы:

1. Березнев, А. История органов внутренних дел России. Ч. I / А. Березнев. – Воронеж: ВВШ МВД России, 1998. – 79 с.
2. Косарева, В.В. Правовые формы реализации миграционной функции современного российского государства (вопросы общей теории и юридической техники) [Электронный ресурс]: дис. канд. юрид. наук / В.В. Косарева. – Саратов, 2019. – 263 с. – Режим доступа: <http://test.ssla.ru/dissertation/dissert/13-02-2019-1d.pdf>
3. Полное собрание законов Российской империи [Электронный ресурс]. – СПб., 1907. Т. XXVII. – 1276 с. – Режим доступа: <https://runivers.ru/bookreader/book10030/#page/1/mode/1up>
4. Суслин, Э.В. Правовое регулирование миграции и свободы передвижения в России в XIX - XX вв. Историко-правовое исследование [Электронный ресурс]: дис. ... д-ра юрид. наук / Э.В. Суслин. – М., 2006. – 308 с. – Режим доступа: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_003010852?page=1&rotate=0&theme=white

*Ганеев Тимур Фанирович**Студент**Стерлитамакский филиал Башкирского Государственного Университета**Научный руководитель: Антонова Н.А.**доц., к.п.н. кафедры германских языков*

ЗНАЧЕНИЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В ПРОЦЕССЕ ЕГО ИЗУЧЕНИЯ НА ЮРИДИЧЕСКИХ ФАКУЛЬТЕТАХ

*Ganeev Timur Fanovich**Student**Sterlitamak branch of the Bashkir State University**Supervisor: Antonova N.A.**associate professor, candidate of pedagogical sciences Department of Germanic Languages*

THE IMPORTANCE OF THE ENGLISH LANGUAGE IN THE PROCESS OF ITS LEARNING IN LEGAL FACILITIES

Аннотация.

В данной статье характеризуется значение иностранных языков, в частности, английского, при изучении их на юридических факультетах. Также, рассматриваются аспекты перспектив развития для студентов-юристов, в учебных заведениях которых изучается английский язык.

Abstract.

This article characterizes the importance of foreign languages, in particular English, when studying them at law faculties. Also, aspects of development prospects are considered for law students in whose educational institutions English is studied.

Ключевые слова: *Английский язык, юридический факультет, значение, цель, изучение, перспектива.*

Key words: *English language, Faculty of Law, value, purpose, study, perspective.*

Обеспечение страны квалифицированными кадрами - один из важнейших элементов построения правового государства. Задачей новых специалистов будет выступать разрешение множественных проблем, которые затрагивают общество. Продуктивно подготовить профессионалов такого рода можно в процессе их обучения. Глобализация юридической профессии в настоящее время требует от юриста-практика не только профессиональной знаний в своей деятельности, но и определенного уровня владения иностранным языком.

В современном обществе, где международные отношения становятся ключевым фактором развития страны, одно из важнейших мест в градации учебных дисциплин занимает английский язык. Владение им - основа формирования профессиональных качеств предполагаемого специалиста в любой деятельности.

Стоит заметить, что с тех пор, как Россия была включена в мировой рынок, а также расширилось сотрудничество с зарубежными странами, значительно увеличилась возможность контакта с зарубежными странами для представителей различных социальных групп. В последние годы появились условия для работы и получения образования за границей, для обмена школьниками, студентами и специалистами. Соответственно, роль иностранного языка в обществе значительно возросла. Английский язык стал средством достижения профессиональной реализации личности, а не просто образовательным предметом.

Однако не стоит забывать, что достичь того или иного уровня в изучении английского языка можно, учитывая возможности самих студентов, а также путём непрерывного, систематического образования.

Отметим, что одной из главных черт хорошего юриста является грамотная речь и хорошо сформированный речевой аппарат. Именно это и является особенностью изучения английского языка на юридических факультетах - формирование речевого аппарата, а также развитие межличностных отношений. Во время изучения иностранного языка улучшается слуховое и зрительное восприятие, а также совершенствуются навыки и умения студента, которые касаются выражения мыслей.

У студентов, изучающих и знающих английский язык, всегда будет преимущество в виде перспективы обучения в лучших университетах мира, которые, соответственно, находятся за рубежом. А также, наличие диплома одного из таких учебных заведений отличный трамплин для устройства на приличную работу.

Можно отметить, что ещё одним преимуществом изучения английского языка является возможность чтения книг на исходном иностранном языке, а не в переводе. Многая интереснейшая юридическая литература, которая касается международной юриспруденции, есть только на английском языке. Перевод, как правило, осуществляется на основе субъективного мнения и поэтому он не такой точный, как исходный текст.

С целью повышения качества образования, в образовательную систему пытаются внедрить изучение нескольких иностранных языков. Данная идея является довольно противоречивой, но ни у кого не вызывает равнодушного отношения. Множество как противников, так и защитников данной идеи. Защитники данного нововведения убеждены, что при изучении большего количества языков, качество их знания также увеличивается. Противники уверены, что введение дополнительных языков усилит нагрузку на преподавателей и учащихся и лучше выучить в совершенстве один язык, чем поверхностно знать три или четыре иностранных языка.

Также, немаловажным аспектом знания английского языка выступает работа с документами на иностранном языке. Особенно это актуально для юристов, которые специализируются на международном и хозяйственном праве, а также корпоративных и консалтинговых юристов. Специалисту юриспруденции, работающему с документами на иностранном языке, обязательно хорошо разбираться в своей деятельности, потому что цена ошибки может быть велика. К примеру, компания может потерять репутацию, разориться, оплатив огромные штрафы или же упустить многие финансовые выгоды.

Определив роль английского языка в работе юриста, стоит обратиться к особенностям данного языка. Не случайно преподавание английского для юристов выносится в отдельный курс, включающий в себя отработку навыков свободного владения терминологией, актуализацию необходимой грамматики, составление профессионального глоссария и многое другое.

Отметим, что для выяснения отличий разговорного английского от языка для юристов, стоит

внимательнее обращать внимание на типичные особенности их профессионального сленга. Имеется в виду и пунктуация, и письменная речь, и особый порядок слов, и даже неожиданное значение фраз и слов.

Подводя итоги вышесказанному, можно сделать вывод, что английский язык действительно необходим в юридической профессии. Иностранный язык в настоящее время является неотъемлемой частью всего образовательного процесса. Его изучение позволяет получить необходимые знания, которые понадобятся на протяжении всей жизни. Владея языком, открывается возможность достижения поставленных целей. Без знания данного языка работа в юридической сфере становится затруднённой, отпадает карьерный рост и возможность заниматься работой, которая касается иностранных государств. Этим и обусловлено введение специального курса «иностранный язык в юриспруденции» в высших учебных заведениях.

Список литературы

1. Беляева И.Г. Работа с ментальными картами в процессе обучения немецкому языку в неязыковом вузе // В сборнике: Перспективы развития современных гуманитарных наук Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. 2016. С. 44-46

2. Кротовская М.А. Дебаты - новый подход в обучении английского языка // Педагогические науки. 2016. С. 46-50.

3. Прохорова А.А. Особенности реализации технологии мультилингвального обучения в практике образовательного процесса неязыкового вуза // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. С. 90-94.

<http://www.colloquium-journal.org/podat-zayavku/>

*Головко О. Д.**Київський Національний університет імені Тараса Шевченка***АКТУАЛЬНЕ ПИТАННЯ РЕАЛІЗАЦІЇ ПРИНЦИПІВ ЮРИДИЧНОЇ ВІДПОВІДАЛЬНОСТІ В КОНТЕКСТІ РОЗБУДОВИ ПРАВОВОЇ ДЕРЖАВИ***Golovko O.D.**Taras Shevchenko National University of Kyiv***CURRENT ISSUE OF IMPLEMENTATION OF PRINCIPLES LEGAL RESPONSIBILITY IN THE CONTEXT OF BUILDING THE RULE OF LAW****Аннотація.**

В статтє автор рассматривает актуальный вопрос, касающийся реализации принципов юридической ответственности в условиях построения правового государства. Автор дает характеристику принципам юридической ответственности, которые являются неотъемлемой составляющей верховенства права, как основополагающего базиса правового государства.

Abstract.

In the article, the author examines a topical issue related to the implementation of the principles of legal responsibility in the context of building a legal state. The author characterizes the principles of legal responsibility, which are an integral part of the rule of law, as the fundamental basis of the rule of law.

Ключевые слова: правовое государство, гражданское общество, маргинальное правосознание, правовая культура, пробел в праве, законодательство, юридическая ответственность, личность, правонарушение, юридическая наука.

Keywords: the rule of law, civil society, marginal legal awareness, legal culture, a gap in law, legislation, legal responsibility, personality, offense, legal science.

Статтею 1 Конституції закріплено, що Україна є суверенна і незалежна, демократична, соціальна, права держава [1]. Правовою є держава, в якій забезпечено верховенство права і закону, рівність усіх перед законом і незалежним судом, визнаються і гарантуються права і свободи людини, а в основу організації державної влади покладений принцип поділу влади [3, ст. 248].

Однак слід підкреслити, що від проголошення ідеї щодо розбудови правової держави до її реалізації в практичному житті має сплинути тривалий час. В багатьох країнах Заходу ця ідея проголошена вже давно, але ще жодна держава її не реалізувала [2, ст. 18]. На ці причини впливає чисельна кількість причин: недостатній рівень розвитку громадянського суспільства, маргінальна правосвідомість та низький рівень правової культури в цілому, прогалини в законодавстві тощо.

На думку автора, важливим аспектом у розбудові правової держави є реалізація основоположних принципів юридичної відповідальності. Саме завдяки їй право реалізує своє призначення в суспільстві як антипод беззаконня і свавілля [5, ст. 305].

Юридичною відповідальністю вважається застосування до осіб, які вчинили правопорушення, передбачених законом заходів примусу у встановленому для цього процесуальному порядку [3, ст. 367]. Інститут юридичної відповідальності займає одне з провідних місць у правовій науці, оскільки виступає найважливішою ланкою в системі упорядкування відносин в суспільстві і державі [9, ст. 28].

Принципи юридичної відповідальності – це незаперечні вихідні вимоги, що ставляться до правопорушника й дозволяє забезпечити правопорядок у суспільстві. Вони є різновидом міжгалузевих принципів права, відображають його глибинні усталені закономірні зв'язки [6, ст. 432]. Юридична відповідальність незалежно від галузевої приналежності переслідує дві мети: захист правопорядку і виховання громадян у дусі поваги до права [10, ст. 240].

Варто наголосити на тому, що принципами юридичної відповідальності є невід'ємною складовою верховенства права – базису правової держави, а саме:

1. Правова визначеність підстав, наслідків, юридичної відповідальності; прав та обов'язків як осіб, які притягаються до юридичної відповідальності, так і осіб, які уповноважені здійснювати таку діяльність [5, ст. 306].

2. Законність підстав юридичної відповідальності [5, ст. 306]: вона може мати місце тільки за ті діяння, які за законом є правопорушеннями і застосовується відповідно до вимог процесуального права [8, ст. 287]. Передбачається також недопустимість притягнення до юридичної відповідальності за діяння, яке на час вчинення не визнавалося законом як правопорушення. Цей принцип базується на відомому з часів римського права постулаті *nullum crimen, nulla poena, sine lege* [5, ст. 310].

3. Невідворотність юридичної відповідальності полягає в тому, що будь-яке визначене законом правопорушення, не повинно залишитися без негативних наслідків для правопорушника [5, ст. 307].

Це принцип, без якого неможливо уявити стабільність у соціумі та правопорядок (які є важливими складовими правової держави), адже відчуття непокараності є основною причиною постійно зростаючого рівня злочинності та беззаконня. В цьому аспекті визначальною є злагоджена та ефективна робота правоохоронних та судових органів.

4. Принцип рівності всіх перед законом знайшов своє втілення у юридичній відповідальності як рівність підстав для всіх осіб, тобто однакових, закріплених у законодавстві прав і обов'язків для суб'єктів однієї категорії, які притягаються до юридичної відповідальності [5, ст. 306].

5. Принцип справедливості. Він охоплює своїм змістом такі вимоги:

- не можна за провини встановлювати кримінальні покарання;

- неприпустимо застосовувати покарання, що принижують людську гідність;

- «Lex retro non agit»: закон, що встановлює відповідальність або посилює її, не може мати зворотної сили;

- принцип «non bis in idem», закріплений в ч. 1 ст. 61 Конституції України: «ніхто не може бути двічі притягнений до юридичної відповідальності одного виду за одне й те саме правопорушення» [1].

- покарання має відповідати тяжкості вчиненого правопорушення [10, ст. 240].

6. Неможливість притягнення до юридичної відповідальності двічі за одне і те саме правопорушення – принцип, закріплений ст. 61 Конституції України [1].

7. Принцип доцільності гарантується правом суду обирати і застосовувати найбільш доцільну санкцію до винної особи, чим забезпечується індивідуалізація примусових заходів. Це дає можливість досягти цілей відповідальності (виховання, корекція поведінки особи та ін.) саме тому, що вона покладена на конкретного правопорушника, який відповідає особисто, а примусові заходи до нього є максимально індивідуалізованими. Принцип доцільності також передбачає обов'язок державних органів вирішувати питання про можливість пом'якшення міри відповідальності або відмову від їх застосування, якщо можливо досягти мети юридичної відповідальності без застосування державно-примусових заходів. Отже, головне полягає не в тому, яку саме буде обрано міру відповідальності, а в питанні про те, чи забезпечить застосування такої міри до конкретної особи досягнення суспільно значущих цілей юридичної відповідальності [4, ст. 390].

Можна дійти висновку, що юридична відповідальність є важливим засобом зміцнення законності, їй належить першорядна роль у вихованні законотруслих громадян, вона є методом підвищення рівня правової свідомості та правової культури, принципом діяльності правової держави, засобом охорони та відновлення порушених суб'єктивних прав [7, ст. 505].

Враховуючи усе вищезазначене, вважаємо, що між принципами юридичної відповідальності та правовою державою існує тісний взаємозв'язок ат

взаємовплив. Так, реалізація принципів законності, доцільності, невідворотності юридичної відповідальності забезпечує стабільність та правопорядок у суспільстві, без яких неможливо уявити правову державу, яку ми так прагнемо побудувати.

Список літератури

1. Конституція України від 28.06.1996 р. №254к/96-ВР. Відомості Верховної Ради України. 1996. № 30. Ст. 141.

2. Котюк В. О. Основи держави і права. Навчальний посібник. - 3-тє вид., доп. і перероб.- К.: Атіка, 2001. - 432 с.

3. Загальна теорія права: Підручник / За заг. ред. М.І. Козюбри. – К.: Ваїте, 2015. – 392 с.

4. Теорія держави і права. Академічний курс: Підручник / За ред. О. В. Зайчука, Н. М. Оніщенко. – 2-е вид., перероб. і допов. – К.: Юрінком Інтер, 2008. – 688 с.

5. Теремцова Н.В. Проблема існування позитивної відповідальності в умовах сучасного державотворення в Україні. Малий і середній бізнес. Економіко-правовий науково-практичний журнал «Право, Держава, Економіка». № 1-2 (64-65), –2016, Вид. Навчально-консульт. Центр в Інституті законодавчих передбачень і правової експертизи. – К. 2016. – С. 73-80. – 128с.

6. Теремцова Н.В. Проблема визначення юридичної відповідальності: загальна характеристика. / Актуальні питання реформування правової системи: зб. матеріалів XIII Міжнар. Наук.-практ. Конф. (Луцьк, 24-25 червня 2016 р.). // уклад. Л.М. Джурак. – Луцьк.: Вежа-Друк, 2016. –352 с. – С. 68-71.

7. Теремцова Н.В. Теоретико-методологічні проблеми змісту юридичної відповідальності. Матеріали доповідей укладено за матеріалами Міжнародної науково-практичної конференції «Соціолого-правові та теоретико-методологічні засади розвитку галузевої структури права». – м. Київ, Україна / Київський нац. університет ім. Т. Шевченка, юридичний фак., кафедра теорії права та держави; Асоціація українських правників; Центр польського права, – 20 квітні 2016р. Вид: Видавничий дім «АртЕк». –м. Київ, Україна. – С. 67-69. –76 с. УДК 340.1; ISSN 2413-6433.

8. Теремцова Н.В. Особливості юридичної відповідальності у контексті правомірної та прогипотезованої поведінки: соціальний аспект. Соціологія права. Науково-практичний журнал № 1-2(7-8), 2014. Вид. Інститут законодавчих передбачень і правової експертизи. –К. 2014. – 159 с. – С.111-117.

9. Теремцова Н.В. Теоретико-правові проблеми розширення Європейського Союзу: сучасний стан та перспективи. Юрид. вісн. повітр. і косм. право. – 2011. – № 1. – С. 51-53.

10. Общая теория права и государства: Учебник / Под ред. В.В. Лазарева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 1996. – 472 с.

11. Захарченко, Р. О., & Теремцова, Н. В. Актуальне питання відносно принципу справедливості за кримінальним законодавством України. Редакційна колегія, 54.

12. Teremtsova N. (2016) The essence of this research is that the legal liability is a dynamic category. International Journal of "Supremance of Law". 2, 15-20.

13. Teremtsova, N. (2019). The problem of differentiation between private and public law. Journal Transition Studies Review, 26(2), 15-22.

14. Kopotun, I. M., Durdynets, M. Y., Teremtsova, N. V., Markina, L. L., & Prisnyakova, L. M. (2020). The Use of Smart Technologies in the Professional Training of Students of the Law Departments for the Development of their Critical Thinking. International Journal of Learning, Teaching and Educational Research, 19(3).

УДК: 343.953

*Зайнетдинова А.А.,
Реязов А.А.*

Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета

АНАЛИЗ ТИПОВ ЛИЧНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРЕСТУПНИКОВ

*Zaynetdinova A. A.,
Rezyapov A. A.*

Sterlitamak branch of Bashkir state University

ANALYSIS OF PERSONALITY TYPES OF JUVENILE DELINQUENTS

Аннотация.

В статье представлен анализ типов личности несовершеннолетних преступников: дана криминологическая характеристика каждому представленному типу, приведены существующие классификации типов личности по насильственному признаку, представлено соотношение типов личности несовершеннолетних субъектов преступления по приведенным классификациям.

Abstract.

The article presents the analysis of personality types of juvenile delinquents, given criminological characteristics represented by each type, given the existing classification of personality types on enforced basis, the correlation of personality types a minor is a crime according to the above classifications.

Ключевые слова: *несовершеннолетние, тип личности, насильственный признак, мотив, особенности поведения.*

Key words: *minors, type of personality, the violent character, motive, behavior.*

Причины преступного поведения заключены именно в личности преступника. Чтобы понять, какие криминогенные черты сформированы в человеке, нужно понять, какие внешние явления и процессы повлияли на личность физического лица. Само преступное поведение необходимо изучать, в первую очередь, для уяснения причин его возникновения. Ведь причины порождают следствие, соответственно, их искоренение является одним из способов предупреждения преступлений. Особенно это является важным при предупреждении преступности несовершеннолетних, так как последние в своем возрасте проходят этап становление их как личности. Следовательно, все лица, которые каким-либо образом причастны к воспитанию несовершеннолетних лиц, должны не упустить тот момент, когда человек начинает склоняться к девиантному поведению, то есть к поведению, которое является отклонением от общепринятых норм поведения.

Однако чтобы достаточно уяснить особенности преступного поведения несовершеннолетних, необходимо учитывать, что оно не является у всех лиц одинаковым. Главную роль в формировании преступного поведения играют психологические особенности человека. Какие черты, в первую очередь, отличают преступника от законопослушного гражданина? Отчужденность (отсутствие близких

взаимоотношений), слабая адаптированность (нежелание приспосабливаться к новым и (или) изменяющимся условиям), импульсивность (склонность действовать по первому убеждению или под влиянием каких-либо внешних условий), агрессивность (выражение открытой неприязни), опасность (возможность нанесения вреда тем общественным отношениям, которые охраняются государством).

Учитывая то, что мы рассматриваем в данной статье личность несовершеннолетних преступников, необходимо выяснить, что оказывает влияние на развитие вышеуказанных черт. Это, конечно же, семья, в которой воспитывается ребенок; близкое окружение (родственники, друзья); отношение к ребенку в школе со стороны педагогического состава; интересы несовершеннолетнего лица и так далее. То есть влияние внешней среды, также формирует сознание человека в юном возрасте.

Следует также отметить, что совершение как несовершеннолетним, так и взрослым человеком, того или иного преступления зависит напрямую от его сформировавшегося поведения. То есть если лицо на протяжении определенного периода времени совершает такое преступление, как кража, грабеж или разбойное нападение, это не говорит о том, что данное лицо обязательно совершит убийство. На наш взгляд, причисление лица к преступ-

нику, который готов на совершение любого общественно-опасного деяния независимо от его тяжести и категории, является стереотипом.

В трудах ученых существует немало классификаций типов личности несовершеннолетних преступников по таким основаниям, как: по степени общественной опасности личности и ее криминальной активности; в зависимости от мотивов совершения преступления; в зависимости от роли, занимаемой в групповых преступлениях; в зависимости от социального положения; в зависимости от вида совершенного преступления и другие. В данной статье будут рассмотрены типы личности несовершеннолетних преступников, совершающих насильственные преступления.

В литературе приводится несколько классификаций по выбранному нами критерию. Так, например, Слободенюк М.А. по данному критерию выделяет такие типы личности несовершеннолетних преступников, как: а) латентный; б) замещающий; в) сознательный; г) фанатичный. В основу такой классификации также было положено и желание или нежелание достичь определенного результата. Так, например, латентный тип не предполагает собой достижение какого-либо результата при совершении преступления, потому как оно совершается по бессознательным причинам и, как правило, имеет влияние со стороны окружающих сверстников. В свою очередь, замещающий тип личности желает достичь результата при совершении преступления, но при этом здесь не ставится цель, какой именно результат должен быть достигнут; в данном случае совершение преступления – это способ привлечь внимание к себе. Сознательный тип личности в отличие от замещающего, ставит перед собой конкретный результат, что обусловлено продуманностью действий при подготовке и совершении преступления, а также сокрытию следов общественно-опасного деяния. Фанатичный тип личности совершает преступления в силу своих внутренних убеждений, отклонение от которых является недопустимым; такая форма поведения для несовершеннолетнего – норма [3].

Энрикеш В.Д.К. считает, что при классификации несовершеннолетних преступников по насильственному признаку, необходимо учитывать также их роль в групповом преступлении. Так, по его мнению, к агрессивно-неустойчивому типу относятся несовершеннолетние лица, которые прибегают к совершению насильственных преступлений в силу «эмоционального напряжения и неблагополучия в семье»; оказание физического и психического давления на ребенка в данном случае приводит к тому, что последний ищет способ избавиться от всей накопившейся негативной энергии в форме применения насилия, которое было применено к нему самому. Опеко-эксплуатирующий тип – это тип подростков, которые выполняют роль опекуна в отношении иных лиц, входящих в преступную группу, то есть это, как правило, организаторы преступления, имеющие опыт в совершении корыстно-насильственных деяний. Подростки, относящиеся к

эмпато-дефицитарному типу, примыкают к преступным группам в силу нехватки общения и эмоционального тепла со стороны родных и друзей; данный пробел несовершеннолетние пытаются восполнить в референтных группах (группа, которая является образцом поведения), которые зачастую оказываются преступными, то есть, как и с замещающим типом личности, подростки таким образом пытаются привлечь к себе внимание, которого им не хватает. Эмпато-дефицитарный тип – это подростки, играющие роль наблюдателя или исполнителя при совершении преступления. Также роль исполнителя и (или) соучастника преступления играют лица, относящиеся к отчужденному типу; эти подростки, как и лица, относящиеся к латентному типу, не имеют желания совершить преступление: на данный шаг их толкает влияние лидера группы или желание показать себя как бесстрашного и способного на выполнение целей, поставленных группой [4].

Рудь В.Г. в основе классификации типов личности несовершеннолетних преступников, помимо насильственного признака, также указывает мотивацию совершения преступления и преступный опыт. Среди типов личности несовершеннолетних преступников он указывает: ситуационный, неустойчивый, устойчивый, агрессивно-сексуальный и злостный. Так, к ситуационному типу относятся несовершеннолетние, которые, как латентный и отчужденный типы личности несовершеннолетних преступников, совершают общественно-опасные деяния под воздействием неблагоприятно сложившейся ситуации: такие лица «из-за личностных психологических особенностей попадают в жесткую зависимость от ситуации и в результате недостаточного нравственного воспитания не находят социально-приемлемого способа ее разрешения». Мотивом преступлений у таких лиц является необходимость добыть денежные средства, например, на продукты питания. То есть подростки, относящиеся к ситуационному типу, таким образом пытаются обеспечить свое существование, не пытаясь при этом найти иного способа разрешения возникшей ситуации. Мотивом совершения преступлений у подростков неустойчивого типа также является стремление добыть денежные средства, но на спиртные напитки, а также на наркотические и психотропные вещества; отличием в данном случае является и то, что подростки данного типа, как правило, уже имеют опыт совершения административных правонарушений. Устойчивый тип личности отличается агрессивно-насильственной направленностью; для таких несовершеннолетних лиц характерно совершение преступлений по мотивам мести или из солидарности с товарищами. Также субъекты, относящиеся к данному типу, как правило, неоднократно привлекались к административной ответственности агрессивной направленности и возмездно состоят на профилактическом учете. Специфическими чертами агрессивно-насильственного типа являются: определенность мотива (совершение преступления, как игра); примитивное

отношение к взаимоотношениям полов (противоположный пол – способ удовлетворить сексуальное желание); отсутствие преград на пути к удовлетворению полового влечения; моральная распушенность. Немаловажным в данном случае является то, что к данному типу относятся лица из разряда «золотая молодежь» [2]. В 2008 году британская газета «The Times» выпустила статью «Русская «золотая молодежь» – будущий правящий класс или клиенты реабилитационных центров?», автором которой является Денис Фрунзе. И вот, к какому выводу он приходит: «Часть этих детей, вне всякого сомнения, станут рулевыми новой российской политики и бизнеса. Другая часть – самыми почетными пациентами дорогих реабилитационных клиник. Единственное, что можно сказать – они не повторят путь своих отцов». Злостный тип, как и фанатичный, «отличается четко выраженной и устойчиво направленной, который носит глубоко укоренившийся доминирующий злостный характер»; конфликтная ситуация нередко возникает по инициативе субъектов преступления для удовлетворения своей потребности совершить преступное посягательство [5].

В.В. Голина и О.В. Маршуба на примере Украины выделяют следующие типы личности несовершеннолетних преступников: скрытно-рациональный, демонстративно-дерзкий, неустойчиво-внушаемый и смешанный. Скрытно-рациональный тип личности, как и сознательный, отличается тем, что их действия заранее продуманы не только на случай совершения преступления, но и на случай обеспечения своего алиби; в силу наличия плана действия, можно считать, что такие подростки обладают определенным уровнем интеллектуального развития, самоуверенностью. Демонстративно-дерзкий тип личности - это те же подростки, которые относятся к отчужденному типу личности: несовершеннолетние совершают преступления из-за желания заработать «авторитет» в глазах своих сверстников. Неустойчиво-внушаемые подростки совершают преступление под влиянием иных лиц, в которых, как правило, играют роль пособника; такие лица «вливаются» в референтные группы с целью показать себе и окружающим, на что они способны. В данном случае мы наблюдаем сходство с эмпато-дефицитарным типом личности. Несовершеннолетние лица смешанного генезиса – это подростки, сочетающие в себе одновременно «роль активного участника, проявление дерзости и агрессивности во время совершения корыстно-насильственного преступления и полная подавленность, безволие и удрученное состояние во время расследования события правонарушения», или наоборот. Что ожидать от такого подростка в дальнейшем – непонятно, так как меры воспитательного воздействия могут дать либо положительный результат, либо не оказать никакого должного влияния: все будет зависеть от методики выбранной программы [1].

Рассмотрев несколько предложенных классификаций, мы приходим к выводу, что, несмотря на

различие наименований типов личности, их характерные черты и особенности во многом друг с другом сходятся. Так, например, из приведенных четырех классификаций один из типов личности нашел свое отражение во всех: латентный, он же отчужденный, он же ситуационный, он же демонстрационно-дерзкий. Другие типы личности, предложенные, например, Слободенюк М.А. также нашли свое отражение в иных классификациях: замещающий – аналогичный тип личности несовершеннолетнего преступника представлен в классификациях Энрикеш В.Д.К. (эмпато-дефицитарный) и В.В. Голиной и О.В. Маршуба (неустойчиво-внушаемый); сознательному типу аналогичен скрытно-рациональный, представленный в той же типологии, принадлежащей В.В. Голиной и О.В. Маршуба; фанатичный тип личности несовершеннолетнего преступника нашел свое отражение злостном типе, представленным в классификации Рудь В.Г.

Для каждого типа личности характерны определенные черты и особенности, которые необходимо учитывать при расследовании преступлений, а также при выборе программы профилактики, направленные на перевоспитание несовершеннолетнего преступника в законопослушного гражданина.

Список литературы

1. Голина В. В., Маршуба М. О. Криминологическая характеристика личности несовершеннолетнего корыстно-насильственного преступника в Украине: моногр. Харьков: Право. 2014. 280 с.
2. Рудь В.Г. Типы личности несовершеннолетнего насильственного преступника // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2012. № 1 (15). С. 58 – 63; Научная электронная библиотека «Киберленинка» [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tipy-lichnosti-nesovershennoletnego-nasilstvennogo-prestupnika> (дата обращения: 15.10.2020).
3. Слободенюк М.А. Криминологическая характеристика личности несовершеннолетнего преступника, совершающего насильственные преступления по мотиву национальной ненависти // Вестник Сургутского государственного университета. 2016. № 4 (14). С. 115 – 120; Вестник Сургутского государственного университета [Электронный ресурс]. URL: <https://surguvest.elpub.ru/jour/article/viewFile/65/66> (дата обращения: 13.10.2020).
4. Энрикеш В.Д.К. Криминологическая характеристика групповых корыстно-насильственных преступлений, совершаемых несовершеннолетними (по материалам Республики Ангола): Автореф... дис. кан. юр. наук. СПб: 2011. 26 с.; DissertCat – электронная библиотека диссертаций [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dissertcat.com/content/kriminologicheskaya-kharakteristika-grupprovyykh-korystno-nasilstvennykh-prestuplenii-soversha> (дата обращения: 13.10.2020).
5. The Times: «Русская «золотая молодежь» – будущий правящий класс или клиенты реабилитационных центров»? // Новый день – российское информационное агентство. 2004 – 2018. URL: <https://newdaynews.ru/moskow/176677.html> (дата обращения: 15.10.2020).

Камалова Фарида Ярагиевна,

*Северо-Кавказский институт ВГУЮ (РПА Минюста России) филиал г.
Махачкала студентка 2 курса ОЗО по направлению магистратура*

Таилова Айша Габиевна

*Научный руководитель, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного
права Северо-Кавказского института ВГУЮ (РПА Минюста России) филиал*

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ФАЛЬСИКАЦИЮ ДОКУМЕНТОВ

Kamalova Farida Yaragievna

North-Caucasian Institute of VSUU

(RPA of the Ministry of Justice of Russia) branch of Makhachkala, 2st year student

Tailova Aisha Gabibova

*Scientific supervisor-candidate of legal Sciences, associate Professor, criminal law Department,
North-Caucasian Institute UGWU (RPA of the Ministry of justice)branch in Makhachkala*

CRIMINAL LIABILITY FOR FALSIFICATION OF DOCUMENTS

Аннотация.

В статье рассмотрены вопросы уголовной ответственности за посягательства на порядок официального документооборота. Детально исследуются объективные признаки составов преступлений, посягающих на официальные документы, к которым относятся приобретение, сбыт, похищение, уничтожение, повреждение, сокрытие, а также подделка официальных документов, сбыт поддельных официальных документов и их использование. Рассмотрены вопросы субъективной стороны данных преступлений.

Abstract.

The article deals with the issues of criminal liability for encroachments on the order of official document flow. The objective signs of corpus delicti encroaching on official documents, which include the acquisition, sale, abduction, destruction, damage, concealment, as well as forgery of official documents, the sale of forged official documents and their use, are investigated in detail. The questions of the subjective side of these crimes are considered.

Ключевые слова: документ, удостоверение, подделка официальных документов, приобретение, сбыт, похищение, уничтожение, повреждение официальных документов, использование документов.

Keywords: official document, identification, forgery of official documents, acquisition, sale, abduction, destruction, damage to official documents, use of documents

Подделка официальных документов может выражаться в двух формах: полная подделка и частичная. При полной подделке изготавливается полностью новый поддельный документ с использованием, например, похищенных бланков, множительной, копировальной техники. Что касается частичной подделки, то она выражается во внесении в настоящий официальный документ изменений, искажающих его действительное содержание. Обязательным признаком выступает то, что содержание документа должно измениться, например, вносятся заведомо ложные сведения или вытравливается часть текста, содержащего важную информацию. Если изменения не касаются сути документа и не являются ложными, то подделкой это не является. Документ в результате подделки должен изменить свое содержание.

Пока поддельные документы не поступили в обращение, никаких неблагоприятных изменений в государственном регулировании документооборота не происходит. Во-вторых, быстрыми темпами развивается система электронного документооборота, и в ближайшем будущем большая часть документов будет представлена в электронном виде, что гораздо удобнее и безопаснее.

Следует отметить, что обязательным признаком подделки выступает цель – использование заведомо подложного документа [1]. Сбыт заведомо подложного документа предполагает любой способ его отчуждения, к которым могут относиться продажа, дарение, обмен и другие возможные варианты отчуждения, как возмездные, так и безвозмездные. Законодатель дифференцировал ответственность за подделку официальных документов и сбыт поддельных официальных документов в зависимости от вида документа. В качестве квалифицирующего признака на сегодняшний день выступает подделка паспорта или удостоверения гражданина, предоставляющего права или освобождающего от обязанности.

Как подделка официального документа, так и подделка паспорта или удостоверения относятся к преступлениям небольшой тяжести, что свидетельствует о нецелесообразности выделения подделки паспорта или удостоверения в качестве квалифицирующего состава.

Если учесть, что, по данным Судебного Департамента при Верховном Суде РФ, к лишению свободы до одного года за подделку официальных до-

кументов в 2019 г. было всего привлечено 15 человек, за все остальные преступления были назначены наказания, не связанные с лишением свободы (штраф, обязательные работы) [1].

Представляется, что если умыслом лица охватывалась подделка сразу нескольких официальных документов или сбыт различных документов, то целесообразнее рассматривать данные действия как единичное продолжаемое преступление. Если подделка осуществляется в разное время и умысел каждый раз возникает самостоятельно, то следует квалифицировать по совокупности преступлений. В качестве обязательного признака субъективной стороны приобретения, хранения и перевозки поддельных официальных документов законодатель указывает на цель этих действий – использование поддельных официальных документов либо их сбыт. Таким образом, если лицо приобретает или хранит, либо перевозит поддельный документ, не собираясь его использовать, то состава преступления не будет. Здесь правоприменитель столкнется с проблемами доказывания цели приобретения, и тем более – хранения или перевозки [3, с.7].

Таким образом сама собой отпадет проблема хранения, перевозки официальных документов и их приобретения. Также возникнет вопрос о возможности их подделки. Скорее всего, речь будет идти о неправомерном доступе к компьютерной информации (ст. 272 УК РФ) и подделке официальных документов. Часть 4 ст. 327 УК РФ предусматривает квалифицированный состав двух самостоятельных преступлений: подделка официального документа, предоставляющего права или освобождающего от обязанностей, в целях его использования или сбыт такого документа и приобретение, хранение, перевозка в целях использования или сбыта либо использование заведомо поддельных паспорта гражд-

данина, удостоверения или иного официального документа, предоставляющего права или освобождающего от обязанностей, штампов, печатей или бланков.

Очень часто подделка официальных документов является приготовлением к мошенничеству и его видам (ст. 159, 159.1, 159.2, 159.5 УК РФ), незаконному получению кредита (ст. 176 УК РФ), фиктивной регистрации граждан РФ по месту пребывания или по месту жительства в жилом помещении в Российской Федерации и фиктивной регистрации иностранного гражданина или лица без гражданства по месту жительства в жилом помещении в Российской Федерации (ст. 322.2 УК РФ), фиктивной постановки на учет иностранного гражданина или лица без гражданства по месту пребывания в Российской Федерации (ст. 322.3 УК РФ) и другим. Поддельный документ в таких случаях определяет способ совершения преступлений [2, с.99].

Список литературы

1. Данные судебной статистики. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2019 год. [Электронный ресурс]: Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. – Режим доступа: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5259> (дата обращения: 07.10.2020)
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 07.04.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.10.2020) // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, № 25, ст. 2954.
3. Бойцова Ж.А., Калининская Я.С. Новеллы уголовного законодательства в сфере оборота официальных документов, печатей, бланков, штампов и государственных наград // Вестник Московского университета МВД России. – 2019. – № 7. – С. 98-101.

Mangora V.V.*Candidate of Pedagogic Sciences,**Associate Professor,**Associate Professor of the Department History of Ukraine and Philosophy**Vinnitsia National Agrarian University,**Vinnitsia, Ukraine***LEGAL REMEDIES AS PART OF THE BULLYING AGAINST SYSTEM****Summary.**

In the article the author considers legal means as a part of system of counteraction to bullying, characterizes features of legal assessment of bullying and features of legal responsibility, legal responsibility of minors for manifestations of bullying, analyzes data of judicial practice, defines ways of struggle against bullying.

Key words: *bullying, bullying system, bullying, legal means of bullying, legal assessment of bullying, legal liability for bullying, legal liability of minors for bullying, ways to combat bullying.*

Formulation of the problem. The first step of the legal strategy to combat bullying in Ukraine was to transfer bullying to the rank of an administrative offense. The question is whether this step will be effective and efficient in accordance with its original purpose, because historically there are many cases that the severity of the law for committing an act reduces the real indicators of this phenomenon in practice (a clear example is the introduction of death punishment as a type of punishment for a particular category of crimes that continued to be committed after its legalization).

On December 18, 2018, in the second reading, the Verkhovna Rada of Ukraine adopted the Law of Ukraine № 2657-VIII "On Amendments to Certain Legislative Acts of Ukraine on Combating Bullying (Harassment)" [1].

Analysis of recent research and publications. Researchers T. Alekseenko, M. Artamonova, I. Berdyshev, I. Gomzyak, Y. Gradova, O. Drozdov, G. Efremova, O. Ivaniy, V. Kozachenko, D. Lane, L. Lushpay, E. Miller, O. Ozhiyova, N. Opolska, I. Novitska, T. Postoyan, O. Prots, R. Romankiv, Y. Savelyev, T. Salata, D. Semegina, I. Sidoruk, I. Skoribun, S. Stelmakh, O. Tymoshenko, T. Fedorchenko, O. Flyarkovska, G. Usatenko, K. Yanishevskaya consider legal means of counteracting bullying.

V. L. Andreenkova, V. O. Melnichuk, O. A. Kalashnik are the authors of the manual "Countering bullying in education: a systematic approach." This manual should promote a systematic approach to the development of a safe educational environment with the involvement of employees of educational institutions and directly students, namely - children and youth [2].

The purpose of this article is to disclose legal remedies as part of the anti-bullying system. To achieve this goal it is necessary to solve the following tasks: to characterize the features of the legal assessment of bullying and the features of legal liability, including minors for manifestations of bullying, to identify ways to combat bullying.

Presenting main material. Law of Ukraine № 2657-VIII "On Amendments to Certain Legislative Acts of Ukraine on Combating Bullying (Bullying)" supplemented Article 173-4 of the Code of Administra-

tive Offenses of Ukraine, which stipulates that participants in the educational process are prosecuted, and if the acts are committed by minors, the responsibility will be borne by the parents or guardians. To bring the perpetrator to justice, you should contact the head of the educational institution or the National Police of Ukraine. The Code of Administrative Offenses establishes administrative liability in the form of a fine of fifty to one hundred non-taxable minimum incomes or community service for a period of twenty to forty hours for bullying [3]. There are also qualifying features of the act: the commission of such acts by a group of persons or repeatedly within a year after the imposition of an administrative penalty, minors or minors aged fourteen to sixteen, a minor or a minor aged fourteen to sixteen.

Bullying (harassment) against a minor or such a person against other participants in the educational process is punishable by a fine of 850 to 1700 UAH or community service from 20 to 40 hours.

Such acts committed repeatedly during the year after or by a group of persons are punishable by a fine of UAH 1,700 to 3,400 or community service for a period of 40 to 60 hours.

In the case of bullying (harassment) by minors under 16, his parents or guardians will be held accountable. They will be fined from UAH 850 to UAH 1,700 or community service for a period of 20 to 40 hours.

Responsibility for concealing the facts of bullying (harassment) is provided separately. If the head of the educational institution does not inform the National Police of Ukraine about known cases of bullying among students, he will be fined from 850 to 1700 UAH or correctional labor for up to one month with deduction of up to 20% of earnings.

In fact, this norm imposes a legal obligation on principals, chairmen, heads and other heads of educational institutions to respond to relevant violent cases by informing them.

According to the new amendments to the Law of Ukraine "On Education" № 2145-VIII of September 5, 2017, the heads of educational institutions have a range of responsibilities to combat bullying. Namely, they have:

- develop, approve and publish a plan of measures aimed at preventing and combating bullying (harassment) in the educational institution;

- consider reports of cases of bullying (harassment) of students, their parents, legal representatives, other persons and issue a decision on the investigation; convene a meeting of the commission to consider cases of bullying (harassment) to make a decision on the results of the investigation and take appropriate response measures;

- to ensure the implementation of measures to provide social and psychological and pedagogical services to students who have committed bullying, became and his witnesses or victims of bullying (harassment);

- to inform the authorized units of the National Police of Ukraine and the Service for Children about cases of bullying (harassment) in the educational institution [4].

That is, according to the innovations, the head as the head of a certain educational institution is endowed with a range of powers that contribute to combating bullying at the local level, within a particular institution. He, in turn, in the presence of the relevant illegal situation, informs higher authorities about such cases, as well as the relevant state authorities and local governments. Thus, a "step-by-step" system is built, in which the central authorities remain informed about cases of bullying in specific institutions in the regions. The relevant obligation to notify also rests with pedagogical, scientific-pedagogical and scientific workers, other persons involved in the educational process. Thus, in Ukraine, a "built" system of comprehensive condemnatory reaction to any manifestations of bullying in teams [1].

In addition, in Ukraine, under the auspices of openness and transparency, each educational institution is obliged to provide on its web portals open access to action plans aimed at preventing and combating bullying (harassment) in the educational institution; the procedure for submitting and reviewing (with confidentiality) applications for bullying cases; the procedure for responding to proven cases and the responsibility of those involved [1]. From a practical point of view, this is a strategically correct step, because on the one hand the possibility of open access to these resources is one of the ways of control by the public, which is not indifferent to this problem, and on the other - a practical "guide" to action in a real conflict situation.

Every domestic applicant, within the rights granted to him by the educational institution, has the right to receive social and psychological-pedagogical services as a person who has suffered from bullying (harassment), witnessed it or committed bullying (harassment) [1]. The Institute for Psychological Assistance provides an opportunity for a person involved in bullying (actually a bully, a victim or a witness) to find out the cause of a conflict situation from the middle, from the very beginning. In practice, this is a necessary tool for a "safe" way out of the situation, because violence, both physical and mental, has a great impact on the consciousness and mental development of the child, which may affect his worldview in the future. That is, the rights of victims of bullying are protected and all

conditions for a high-quality, impartial investigation of situations of adolescent violence and harassment are created. If a child has become a victim or witness of bullying, he can turn to the school principal, who will be obliged to take certain measures, primarily informational [5, p. 39].

The victim can also contact the social service for family, children and youth, call the hotline for combating domestic violence and protection of children's rights, the National Police, as well as the Center for Free Legal Aid.

Today, all schools have psychologists and social workers who provide social care to detect and prevent school bullying. They carry out several activities to prevent bullying: introductory lectures, explanatory talks, testing, for younger age groups - coloring books, pictures, etc. It is also possible to provide comprehensive assistance to a particular family (the child is admitted to a psychologist together with the parents to help in mutual understanding).

Countering bullying requires a set of educational and preventive measures. As a result of harassment through the information effect, which can form a model of behavior of the whole group, harm is caused not only to the victim of bullying, but also to witnesses of these actions.

That is why the amendments to the Law of Ukraine "On Education" oblige to develop anti-bullying programs, oblige teachers and parents to report bullying, as well as administrative liability of heads of educational institutions for failure to report bullying to the National Police [4].

To date, there is evidence of case law in 58% of court decisions were imposed in the form of a fine of 50 tax-free minimum incomes, amounting to 850 (eight hundred and fifty) hryvnias, 18% of cases received a maximum fine of 1700 UAH. In addition to the fine, the courts practice a measure of influence in the form of a warning with a probability of 13%. In addition, courts practice the use of community service, remarks, and even public apologies. In the appellate procedure, the decisions of the courts of first instance in the vast majority of cases (97%) are not appealed [6]. Cases involving bullying through the use of modern Internet technologies do not contain proper electronic evidence, and as a result, liability arises only if a party is found guilty. The existing case law indicates the diversity of the evidence base, which can both help to prosecute and release from liability. In our opinion, it seems a gap that only one parent is responsible, not both, which is a violation of the principle of equality before the law for the upbringing of children.

As the Law of Ukraine № 2657-VIII "On Amendments to Certain Legislative Acts of Ukraine on Combating Bullying (Harassment)" does not provide for amendments to the Criminal Code of Ukraine regarding the introduction of criminal liability for committing offenses related to bullying (harassment), as committing other acts by the offender while bullying (harassment) are qualified by the relevant articles of the Criminal Code of Ukraine, in particular - causing bodily harm of various gravity, etc., therefore, in this case the offender

will bear the appropriate criminal penalty without further indication in the Code of Administrative Offenses.

To qualify bullying, it is necessary to take into account all the circumstances of the case. It is worth agreeing with the conclusion of the Main Scientific and Expert Department of the Office of the Verkhovna Rada of Ukraine that, depending on the circumstances of the case, the actions can be qualified under Art. 1732 of the Code of Administrative Offenses (Committing domestic violence, gender-based violence, failure to comply with an urgent injunction or failure to notify the place of his temporary stay ") or under a number of articles of the Criminal Code of Ukraine (Article 120" Suicide ", Article 121" Intentional grievous bodily harm "). ", Article 122" Intentional moderate bodily injury ", Article 125" Intentional minor bodily injury ", Article 186" Robbery ", Article 187" Robbery ", Article 189" Extortion ") [7, p. 45].

When bullying may result in an attempted suicide or suicide, such acts may lead the perpetrator to criminal liability under Article 120 of the Criminal Code of Ukraine (hereinafter - the Criminal Code of Ukraine) [9].

Thus, the Law stipulates that bringing a person to suicide or attempted suicide as a result of ill-treatment, blackmail, systematic humiliation of his human dignity or systematic unlawful coercion to actions contrary to his will, inclination to suicide, and others actions that promote suicide are punishable by restriction of liberty for up to three years or imprisonment for the same period (part one of Article 120 of the Criminal Code of Ukraine);

- The same act committed against a person who was materially or otherwise dependent on the perpetrator, or against two or more persons is punishable by restriction of liberty for up to five years or imprisonment for the same period (part two of article 120 of the Criminal Code of Ukraine) ;

- An act provided for in parts one or two of this article, if it was committed against a minor, is punishable by imprisonment for a term of seven to ten years (part three of article 120 of the Criminal Code of Ukraine) [9].

Given the special threat to life, health, freedom, honor and dignity of the person as goods that are in Ukraine under criminal law protection, certain manifestations of bullying may fall under Art. 127 of the Criminal Code of Ukraine and qualify as torture. Actions during bullying are very similar, and can sometimes be identical to those committed during torture. These include: hitting the body, causing physical pain, using or threatening to use a plastic bag to prevent breathing, various encroachments on sexual integrity, suppression, pouring cold water, inciting dogs, forcing them to eat inedible substances, and so on. These actions are always accompanied by severe stress, feelings of uncontrollable horror and the ability to humiliate a person, to break him morally. Each type is bound to have severe physical pain or severe moral distress. In both cases, there are aggressors who, in order to achieve their goal, commit acts against the other person in the form of verbal, physical or emotional abuse. Bullers as objects of torture are aware that their actions do not comply with

generally accepted rules of conduct in society, are intentional, purposeful and socially dangerous [8, p. 109].

Effective counteraction to bullying is possible provided that all participants in the educational process, heads of educational institutions, their founders, the Ministry of Education and Science of Ukraine, government agencies, the management of which includes educational institutions, educational ombudsman, NGOs, etc. Much has already been done in this direction by amending some anti-harassment legislation. Legal means of counteracting bullying are: legislative definition of bullying; establishment of administrative responsibility for harassment of a participant in the educational process, for failure of the head of the educational institution to notify the authorized units of the National Police of Ukraine about cases of bullying; legislative consolidation of the rights and responsibilities of students, their parents, pedagogical, scientific-pedagogical, scientific workers, other persons involved in the educational process, aimed at combating bullying; legislative consolidation of the powers of heads of educational institutions, their founders, the Ministry of Education and Science of Ukraine, state bodies, the sphere of management of which includes educational institutions, educational ombudsman, local governments, public organizations to combat bullying.

Consider the legal liability of minors for acts of bullying. Thus, according to the Civil Code (hereinafter - the Civil Code of Ukraine), a child under the age of 14 has partial civil capacity and is not liable for the damage caused by it. That is, the child's parents will be responsible for any actions of the child related to the harm. In addition to compensation for the above damage, the parents of such a child may be held administratively liable (imposition of a fine).

According to the general rule enshrined in Part 1 of Art. 1166 of the Civil Code of Ukraine, property damage caused by illegal decisions, actions or omissions of personal non-property rights of a natural or legal person, as well as damage caused to property of a natural or legal person, is reimbursed in full by the person who caused it [11].

According to Art. 1179 of the Civil Code of Ukraine, a minor (aged fourteen to eighteen years) is liable for the damage caused by him independently on general grounds.

If a minor does not have sufficient property to compensate for the damage caused to him, this damage is compensated in the part that is missing, or in full by his parents (adoptive parents) or guardian, if they do not prove that the damage was caused through no fault of their own.

When defining harm to mental health, the concept of moral harm is also used, which is defined in the Civil Code of Ukraine.

When defining harm to mental health, the concept of moral harm is also used, which is defined in the Civil Code of Ukraine.

Moral harm is:

1) in physical pain and suffering suffered by a person in connection with an injury or other damage to health;

2) in the mental suffering that a person has suffered in connection with illegal behavior towards himself, members of his family, close relatives;

3) in mental suffering suffered by a person in connection with the destruction or damage of his property;

4) in humiliation of honor and dignity of a person, as well as business reputation of a natural or legal person "[11].

The mental health of a person is defined in the statutes of the World Health Organization (WHO).

In particular, the WHO characterizes mental health as a state of well-being in which a person is able to realize his or her potential, overcome ordinary life stresses, work productively and productively, and contribute to the life of his or her community.

The criteria (signs) of mental health as defined by the WHO are:

1) awareness and sense of continuity, permanence and identity of their physical and mental "I";

2) a sense of permanence and identity of experiences in similar situations;

3) criticism of oneself and one's own mental products (activities) and its results;

4) the correspondence of mental reactions (adequacy) to the strength and frequency of environmental influences, social circumstances and situations;

5) the ability to manage their own behavior in accordance with social norms, rules and laws;

6) the ability to plan their own lives and implement these plans;

7) the ability to change behavior depending on changes in life situations and circumstances.

Bullying should also be combated in the early stages, when bullying cannot yet be classified as inflicting bodily harm or inflicting physical pain, but only in terms of moral harm and mental suffering, ie mental health, as defined by the WHO.

For the commission of administrative offenses against minors between the ages of sixteen and eighteen, the following measures of influence may be applied: the obligation to apologize publicly or in another form to the victim; warning; reprimand or severe reprimand; transfer of a minor under the supervision of parents or persons replacing them, or under the supervision of the teaching or labor team with their consent, as well as individual citizens at their request.

In the case of persons between the ages of 16 and 18 committing certain administrative offenses (for example, petty theft of property, shooting with a firearm or air gun, malicious disobedience to a lawful order of a police officer, petty hooliganism), they are liable on general grounds.

In particular, a person between the ages of 16 and 18 may be fined for petty hooliganism: a fine, community service, correctional labor, or administrative arrest.

If a person has committed petty hooliganism between the ages of 14 and 16, his or her parents will be fined.

According to the general rules, the responsibility for bullying occurs when a person turns 16 years old (Article 12 of the Code of Administrative Offenses) [3]. And she will be responsible for her actions on her own.

If the bullying was committed by a child under the age of 16, the parents or guardians will be responsible for its actions.

Bullying committed by minors between the ages of fourteen and sixteen entails the imposition of a fine on parents or persons replacing them, from fifty (UAH 850) to one hundred (UAH 1,700) non-taxable minimum incomes or community service. term from twenty to forty hours (part three of article 173-4 of the Code of Administrative Offenses) [3];

Bullying is committed by a group of persons or repeatedly during the year by a minor aged fourteen to sixteen years, which entails a fine on parents or persons replacing them, from one hundred (UAH 1,700) to two hundred (UAH 3,400) non-taxable minimum incomes or public works for a period of forty to sixty hours (part four of Article 173-4 of the Code of Administrative Offenses) [3];

However, if bullying is committed by persons aged 16 to 18, but there are mitigating circumstances (sincere repentance, elimination of harm, change of behavior for the better, psychological rehabilitation and anger management classes, etc.) instead of a fine or community service the following measures of influence may be applied (Article 24-1 of the Code of Administrative Offenses):

1) the obligation to apologize publicly or in another form to the victim;

2) warning;

3) reprimand or severe reprimand;

4) transfer of a minor under the supervision of parents or persons replacing them, or under the supervision of the teaching or labor team with their consent, as well as individual citizens at their request [3].

The control over observance of the specified provisions of the law is carried out by heads of educational institutions who are obliged to report the facts of bullying of employees of bodies of National police of Ukraine who, in turn, have the right in case of detection of offenses in this sphere.) [3].

Consideration of cases of this category by the Law is referred to the jurisdiction of the court. The first decision on bullying was made by a judge of the Boryspil City District Court of Kyiv region on February 5, 2019. It was then that the person was found guilty of committing an offense under Article 173-4 of the Code of Administrative Offenses of Ukraine [12].

Most often, reports on administrative offenses are drawn up for the actions of minors, persons aged 14 to 18 years. Next - the age group up to 14 years, currently recorded a case of the actions of a first-grader. Teachers and students go almost equally as adult participants in the educational process. It should be noted that based on the provisions of Article 10 of the Law of Ukraine "On Education", the education system includes higher education and adult education, including postgraduate education, and under such conditions the range of persons who can be prosecuted - significantly expands. Actually, the list of subjects of the educational process is also provided in Part 8 of Art. 1 of the Law of Ukraine "On Education" - "8) students - pupils, students, cadets, students, trainees, graduate students (adjuncts), doctoral students, other persons who receive education in

any type and form of education ». Based on this rule, any illegal acts during the implementation / receipt of such functions of educational functions / services - can be classified as bullying and further require the prosecution of the perpetrators [4].

Bullying directly results in only administrative liability. However, in cases where bullying is physical in nature and harms human health, in addition to the Code of Administrative Offenses, the Criminal Code of Ukraine applies to the offender.

In the case of bullying, which led to suicide attempt or suicide of the victim, a person over the age of 16 will be subject to criminal liability. Coercive measures of an educational nature may be applied by a court to persons between the ages of 11 and 16.

Criminal liability, as a general rule, occurs from 16 years, but for certain types of crimes, a person can be prosecuted from 14 years (eg premeditated murder, premeditated grievous or moderate bodily injury, theft, robbery, robbery, hooliganism).

If a juvenile has committed a crime of minor or medium gravity, sincerely repented and has impeccable conduct at the time of sentencing, the following coercive measures of an educational nature may be applied to him: warnings; restriction of leisure and establishment of special requirements for the behavior of a minor; transfer of a minor under the supervision of parents or persons replacing them, or under the supervision of the teaching or labor team with his consent, as well as individual citizens at their request; imposing on a minor who has reached the age of fifteen and has property, funds or earnings, the obligation to compensate for property damage; referral of a minor to a special educational institution for children and adolescents for his correction, but for a period not exceeding three years. The conditions of stay of minors in these institutions and the procedure for their leaving are determined by law.

In other cases, juveniles are liable for a crime on general grounds, including the following types of punishment: fines, community service, correctional work, arrest, imprisonment for a specified period.

Harm to physical health is defined in the Criminal Code of Ukraine as infliction of bodily injuries of varying severity (mild, moderate, severe) and infliction of physical pain without causing bodily harm (Articles 121, 122, 125 of the Criminal Code of Ukraine). Physical pain is understood as a mental state of a person, which is characterized by suffering due to physical impact. Repeated infliction of pain is called muzzle (Article 126). If the intentional infliction of physical pain or moral suffering was intended to motivate the victim to take actions contrary to his / her will - this is torture (Article 127 of the Criminal Code of Ukraine) [9].

The current Criminal Code of Ukraine stipulates that a person over the age of 14 is criminally liable, according to Articles 121 "Intentional grievous bodily harm", Art. 122 "Intentional moderate bodily injury". That is, a child between the ages of 14 and 16 may be prosecuted if he or she inflicts injuries on a classmate or any other person that may qualify as moderate or severe [7].

Intentional grievous bodily harm is an injury that is life-threatening or has resulted in the loss of any organ, its functions, mental illness, abortion, irreparable disfigurement of the face or other health disorder combined with permanent disability of at least one third.

Moderate injuries include those that cause long-term health problems lasting more than 3 weeks (more than 21 days) and loss of more than a third of the ability to work. Sanity also comes from the age of 14.

Minor injuries include such that:

- have minor transient consequences, lasting no more than six days (bruising, scratching, etc.);
- short-term health disorder, lasting more than six days, but not more than three weeks (21 days);
- slight permanent disability (up to 10%).

Liability for minor injuries begins at the age of 16.

According to the Criminal Code of Ukraine, damage to mental health is included in the signs that determine the severity of injuries, in particular, serious injuries are those that caused a mental illness established by a psychiatric examination.

In the case of bullying, which led to suicide attempt or suicide of the victim, a person over the age of 16 will be subject to criminal liability. Coercive measures of an educational nature may be applied by a court to persons between the ages of 11 and 16.

According to Art. 121 of the Criminal Code of Ukraine intentional grievous bodily injury, ie intentional bodily injury, life-threatening at the time of infliction, or that caused the loss of any organ or its functions, genital mutilation, mental illness or other health disorder associated with persistent loss of ability to work for at least one third, or termination of pregnancy or irreparable mutilation of a person - is punishable by imprisonment for a term of five to eight years [9].

Intentional grievous bodily harm committed in a manner of special torture or by a group of persons, as well as with the purpose of intimidating the victim or other persons, or on the grounds of racial, national or religious intolerance, or committed to order, or caused death victim - is punishable by imprisonment for a term of seven to ten years.

According to Art. 122 of the Criminal Code of Ukraine intentional moderate bodily injury, ie intentional injury that is not life-threatening and did not entail the consequences provided for in Article 121 of this Code, but such that caused long-term health disorders or significant permanent disability less than for one third, - is punishable by correctional labor for up to two years or restriction of liberty for up to three years, or imprisonment for up to three years. 2. The same acts committed with the purpose of intimidating the victim or his relatives or coercing them into certain actions or on the grounds of racial, national or religious intolerance - shall be punishable by imprisonment for a term of three to five years [9].

Given the current practice in Ukraine, the actions of bullies are often classified as hooliganism (Article 296 of the Criminal Code of Ukraine). Thus, the Zalizchuk Department of the Chortkiv Local Prosecutor's Office filed a criminal case under Part 2, Part 4 of Art. 296 (hooliganism committed by a group of persons, using items pre-prepared for infliction of bodily

harm) and Part 2 of Art. 146 of the Criminal Code of Ukraine - (illegal imprisonment of a minor). During the pre-trial investigation it was established that on November 5, 2017 a group of 5 people (3 of them minors and one minor), being on the street of one of the villages of Zalishchyk district, grabbed the minor victim and put 2 plastic balls on the boy's head, body with scotch tape. Despite the crying and screaming of the juvenile, the defendants placed the boy in the trunk of the car and took the victim to the abandoned territory of the tractor crew. There the accused beat the victim and, threatening physical violence, aimed a pistol-like object at the juvenile and pressed the trigger several times, after which they stopped their criminal actions, before recording them on a mobile phone camera [13, p. 291].

Bully children under the age of 16 who have committed acts that constitute torture are not criminally liable under Art. 127 of the Criminal Code of Ukraine, as Part 2 of Art. 22 of the Criminal Code of Ukraine, this crime is not provided in the list of those for whom criminal liability occurs from 14 years [8, p. 109].

The aspect that the administrative penalty in the form of a fine for bullying is in fact largely imposed on the parents of the bullies or their substitutes is highly questionable as to the effectiveness of the legal liability of minors. From a legal point of view, this is true, but from a psychological point of view, it will be ineffective. In this case, it is not necessary to punish, but to explain to potential bullies, their victims and just witnesses of these actions to what acts of violence can ultimately lead. And the consequences are unpleasantly impressive: for victims of bullying it starts with a psychological trauma and ends with suicide, for a bully administrative liability can become a real term under criminal law.

We hope that the legislative changes combined with psychological and pedagogical work will bring positive results aimed at combating bullying in Ukrainian society.

According to Art. 16 of the Convention on the Rights of the Child, the latter has the right to protection from unlawful encroachment on his honor and dignity [14]. Therefore, the main duty of the state is to take all measures of social, administrative, criminal and other nature in order to give the child the right to full and harmonious development of personality.

In Ukraine, the problem of bullying is actively taken care of by the Commissioner of the President of Ukraine for Children's Rights (Ombudsman). The Ukrainian Institute for the Study of Extremism and the Glavkom News Agency, with the support of the Ukrainian President's Commissioner for Children's Rights, presented a special project to combat bullying at the Stop School Terror School (Safe School). There is a National Children's Helpline (short number 116-111). The Program "Prevention and overcoming of bullying in educational institutions" (Compiler E. Vorontsova) is being implemented. In 2017, the Office of Juvenile Prevention was established as a result of the implementation of the "Beijing Rules" adopted by the UN General Assembly, which clearly states that the law enforcement system should include "child" police officers

who are well versed in law, trained and work with children. committed an offense or became witnesses, victims of a crime. The School and Police project is being implemented in educational institutions. In 2018, a bill was registered in the Verkhovna Rada of Ukraine, which provides for fines for bullying. Under the law, children, their parents, teachers and the school principal can be prosecuted. The development of inclusive educational space, in particular, the creation of inclusive classrooms in schools, will potentially work to prevent mobbing and bullying. In the European Union, the link between school violence and the propensity for radical action and participation in extremist movements is increasingly being explored. In this regard, the Council of Europe has launched in Albania a special three-year project to combat bullying and extremism worth 600 thousand euros, which was completed on January 31, 2019. Its goal is to create a new school culture based on the priority of human rights and democracy to eradicate bullying from school and create a safe learning environment [15].

In Ukraine, organizations dealing with bullying are UNICEF (informing parents and children about bullying and counteracting it), the Kiddo Charitable Foundation (combating bullying), the NGO Studena (non-discriminatory training), the Ukrainian Institute for the Study of Extremism (child violence), Women's Consortium of Ukraine (prevention and overcoming of violence in children), Ukrainian Foundation for the Welfare of Children (teaches children to protect themselves), International Women's Human Rights Center "La Strada-Ukraine" (combating domestic and school violence) [5, p. 38].

Depending on the atmosphere in which children are, their mood, their health, their desire to learn, to come to school. A safe, friendly atmosphere based on trust and respect is the best basis to prevent bullying in an educational institution.

Manifestations of violence, including bullying, can occur for a variety of reasons. In order for such manifestations to occur as infrequently as possible and not to develop into a systemic phenomenon, each educational institution must develop a set of measures to combat bullying.

In a comprehensive approach, there are two key areas: management and education. The management approach is organized and implemented by the head of the educational institution. It includes:

- analysis of the situation in the educational institution (physical and emotional-psychological environment), in particular by interviewing students about the feeling of safety during work and study;
- elaboration of the official position of the educational institution on bullying and informing all participants of the educational process about it;
- developing rules of conduct for all - students, parents, teachers and informing about them;
- definition of duties and responsibilities of participants of educational process concerning creation and observance of safe behavior in educational institution;
- instructing employees, students and parents [15].

Teachers and parents believe that the most effective actions that will help reduce the number of cases of

violence in the educational environment are the conduct of systematic educational activities on nonviolent behavior (61.7% - parents, 89.7% - teachers), the implementation of quality prevention programs (51.3% - parents, 76.0% - teachers), the creation of anti-bullying policy (51.0% - parents, 80.8% - teachers) [2, p. 4].

The educational approach is informing, explaining, developing skills of tolerant and non-violent behavior, communication and interaction of all participants in the educational process.

The leading role in the fight against bullying is assigned to pedagogical staff of educational institutions, which, in particular, are responsible for conducting educational work with participants in the educational process to prevent and combat bullying; informational and educational activities; the need for immediate information of statutory bodies about bullying cases that have become known to them; organization of work of a practical psychologist and / or social pedagogue with affected children, etc.

Today, Ukraine, unlike other countries in the world, is at the initial stage of developing an anti-bullying strategy. The state is very consistently trying to resort to any reforms to make them as effective and efficient as possible, namely, initially, before the introduction of relevant legislative innovations on bullying, the Ministry of Education and Science of Ukraine planned to conduct a series of trainings for teachers and students on bullying prevention. Ukraine. This is a well-founded decision, which is an explanatory work among the participants in the educational process about the actual harmful effects of bullying and its consequences. Another argument for the need for such programs is that during such training teachers are taught the basics of proper external and psychological assistance to all those who are victims of this phenomenon [10, p. 273].

To ensure the implementation of tasks assigned to educational institutions on the prevention and combating of bullying, such work should be carried out in coordination with children's services, units of the National Police of Ukraine, guardianship authorities, NGOs, etc.; to submit these issues for consideration by pedagogical councils.

By involving public organizations, juvenile prevention workers, and school police officers in educational activities, such work can be made more diverse and interesting for children.

It is recommended to make the principles of observance of human rights, tolerant behavior, non-discrimination, cooperation and mutual respect cross-cutting topics for lessons, thematic events, meetings, conversations, consultations.

Today, all schools have psychologists and social workers who provide social care to detect and prevent school bullying. They carry out several activities to prevent bullying: introductory lectures, explanatory talks, testing, for younger age groups - coloring books, pictures, etc. It is also possible to provide comprehensive assistance to a particular family (the child is admitted to a psychologist together with the parents to help in mutual understanding).

Unfortunately, the effectiveness of the help of a psychologist is questionable, because psychologists without the necessary professional experience often work at school (cases of bullying are considered one of the most difficult cases from a professional point of view, especially when it occurs in a child team), so students simply do not accept their advice. and recommendations as appropriate [16].

An important aspect, which is not given enough attention in practice, is, in our opinion, the work of a qualified psychologist not only with children but also with their parents, as they may be indirectly involved in bullying. It has been repeatedly emphasized that the danger of bullying is that it has a powerful effect on the child's psyche, which may have consequences in his life in the future. Therefore, parents are also not always able to adequately assess the situation in which their child is involved. It is extremely important that parents are also involved in the psychological help provided to the child, as often the emotional manifestation of buller behavior is a reaction to misunderstandings in the family.

It is very important that the practical psychologist and social educator, as well as other employees of the educational institution, have the necessary competencies and can prevent, detect and counteract bullying. It is important to remember that bullying has a negative effect on the mental health of all parties to this phenomenon, so the psychological service should provide the necessary support, psychological assistance and support to all participants in the case. To do this, you can introduce consultation hours with a practical psychologist, social educator, place hotlines and information about hotlines. Helplines (on the screen) - Children's line 116 111 or 0 800 500 225 (from 12.00 to 16.00); - Bullying hotline 116,000; - Domestic Violence Prevention, Trafficking in Persons and Gender Discrimination Prevention Hotline 116 123 or 0 800 500 335; - Verkhovna Rada Commissioner for Human Rights 0 800 50 17 20; - Commissioner of the President of Ukraine for the Rights of the Child 044 255 76 75; - Free Legal Aid Center 0 800 213 103. All necessary information should be made publicly available and written in simple and clear language. It should be posted on the institution's website, on the bulletin board, and distributed during the parent meeting [16].

Another nuance of modern practice, in our opinion, is that most anti-bullying measures are aimed at ending the situation that has already occurred and bringing the perpetrators to justice.

It is quite logical that such measures should take place, but, in our opinion, it is more correct to focus on the prevention of undesirable situations, prevention of their commission. Therefore, from a practical point of view, it is more appropriate to increase the number of preventive measures: outreach by teachers, psychologists, social workers, older adolescents, the public, conducting various interactions, activities that promote team cohesion, and more.

Therefore, in Ukraine today the anti-bullying campaign is at the stage of its initial development. The effectiveness of anti-bullying measures implemented and existing cannot be denied. However, the experience of

the advanced countries of the world proves that the priority should be given to the prevention of this phenomenon, which will be more effective, because preventing the negative impact, you do not need to worry about how to overcome its consequences.

Conclusions. Legal means of counteracting bullying are: legislative definition of bullying; establishment of administrative responsibility for harassment of a participant in the educational process, for failure of the head of the educational institution to notify the authorized units of the National Police of Ukraine about cases of bullying; legislative consolidation of the rights and responsibilities of students, their parents, pedagogical, scientific-pedagogical, scientific workers, other persons involved in the educational process, aimed at combating bullying; legislative consolidation of the powers of heads of educational institutions, their founders, the Ministry of Education and Science of Ukraine, state bodies, the sphere of management of which includes educational institutions, educational ombudsman, local governments, public organizations to combat bullying.

The provisions of the Law of Ukraine № 2657-VIII "On Amendments to Certain Legislative Acts of Ukraine on Combating Bullying (Harassment)" establish administrative liability and do not provide for amendments to the Criminal Code of Ukraine regarding the introduction of criminal liability for bullying (harassment), as the commission by the offender in the commission of bullying (harassment) of other acts, are qualified by the relevant articles of the Criminal Code of Ukraine.

Direct bullying only results in administrative liability for minors. However, in cases where bullying is physical in nature and causes harm to human health, in addition to the Code of Administrative Offenses, the offender is subject to the Criminal Code of Ukraine, a person may be prosecuted from 14 years (for premeditated murder, premeditated murder or moderate bodily harm), injury, suicide, hooliganism, torture).

The effectiveness of measures of criminal law influence on juveniles should be ensured by maintaining a reasonable balance of its punitive and educational aspects.

Bullying should be addressed by school leaders, educators, children, juvenile police and civil society institutions that can be involved in combating violence against children. Ukraine should study and borrow international experience in this area, especially those countries that already have special programs, the analysis of which confirmed the high results - the educational environment has become safer, the number of cases of bullying and other anti-social manifestations has decreased. The best course of action is to prevent bullying. Taking preventive measures is the most effective way, because they prevent the actual conflict situations of bullying, and, consequently, its likely negative consequences.

References

1. Countering bullying in an educational institution: a systematic approach. Methodical manual. / Andreenkova V. L., Melnichuk V. O., Kalashnik O. A. K: LLC "Agency Ukraine", 2019. 132 p.
2. On amendments to some legislative acts of Ukraine on combating bullying: Law of Ukraine of December 18, 2018 № 2657 – VIII. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2657-19> (access date: 14.10.2020).
3. Code of Ukraine on Administrative Offenses of December 7, 1984 № 8073-X (as amended on February 7, 2020). Information of the Verkhovna Rada of the Ukrainian SSR. 1984. Supplement to № 51. Art. 1122
4. On education: Law of Ukraine of September 5, 2017 № 2145-VIII. Information of the Verkhovna Rada of Ukraine. 2017. №38-39. St. 380.
5. Gradova Y., Artamanova M. Regulatory regulation of bowling: national and foreign experience. Bulletin of V. N. Karazin Kharkiv National University. Law series. Issue 28. 2019. pp. 33-41.
6. Gomzyak I. Law enforcement practice regarding bullying: what a human rights activist needs to know URL: <http://zakon1.rada.gov.ua/laws/show/254k/96-vr>. (appeal date 15.10.2020).
7. Melnichuk O. F. Legal means to combat bullying. Scientific Bulletin of Uzhhorod National University. Law series. 2019. Vip. 55. T. 2. S. 44–47.
8. Ivaniy O. M. Social and criminal characteristics of bullying. Scientific Bulletin of Kherson State University. Series: Legal Sciences. 2018. Issue 3. Volume 2. pp. 107-110.
9. Criminal Code of Ukraine. K.: Center for Educational Literature. 2020. 175 p.
10. Prots O. E., Romankiv R. V. Countering bowling: Legal aspects of protecting children from violence. Scientific Bulletin of Uzhhorod National University. Law series. 2020. Vip. 60. S. 127–130.
11. Civil Code of Ukraine. K.: Center for Educational Literature. 2020. 296 p.
12. In Ukraine, a court ruled on bullying at school. URL: <https://tsn.ua/ukrayina/v-ukrayini-sud-vinipershe-rishennya-za-buling-u-shkoli-1296255.html> (accessed 15.10.2020).
13. Kozyachenko V. V., Semegina D. I. Bullying in Ukraine as a new concept of hooliganism among minors. Dive-anvltic law. 2018. № 5. pp. 289–292.
14. Convention on the Rights of the Child of 20 November 1989 URL: <https://www.unicef.org/ukraine/en/convention>
15. Alekseenko T. F. Bullying and mobbing: causes of development and ways of prevention URL: http://lib.iitta.gov.ua/712116/1/01_18 (access date 15.10.2020).
16. Organization of counteraction and prevention of bullying (harassment) in an educational institution. Author's team: Skorbun I., Flyarkovska O., Usatenko G. URL: <https://nupp.edu.ua/uploads/files/0/main/deps/ps/buling/module2/konpekt.pdf> (access date 15.10. 2020).

Mangora T. V.
Candidate of Law Sciences
Associate Professor of Law
Vinnytsia National Agrarian University

PECULIARITIES OF THE LEGAL STATUS OF BIPATRIDS IN INTERNATIONAL LAW

Summary.

In the article the author considers the problem of growth of migration processes. Over the past thirty years, these processes in Western Europe and North America have led to a significant increase in the number of people with the citizenship of two or more states. The sovereign right of states to independently regulate the issue of citizenship cannot, of course, ensure full harmonization of the laws on citizenship of different states. In many cases, collision inevitably arise between them. The result of these collisions is dual citizenship. Among scientists, there are both supporters and opponents of this phenomenon. The main argument of the latter is the threat to national security. However, the vast majority of European countries do not deny bipatrim.

Key words: migration processes, bipatrim, dual citizenship, bipatrim.

Formulation of the problem. Citizenship is of fundamental importance to a person because it determines his political and social status, material and spiritual well-being. Citizenship expands the sovereignty of the state and especially its ability to enjoy state guarantees of its rights and legitimate interests both within the country and abroad.

Bipatrim (ie persons with the citizenship of two or more states) are not a problem of poor or rich countries. This problem is the result of the conflict of laws on citizenship of different states. And it can arise and spread in a completely natural way, for example in the case of the birth of children from parents with different citizenship, in the case of naturalization of persons and so on. Nowadays, the phenomenon has become widespread, when many countries around the world "sell" citizenship to individuals who will make a contribution to the economy, industry, real estate, banking, etc. The size of such contributions is quite large and affordable for wealthy people. Thus, there is an acute problem regarding the status of persons with dual citizenship, the legality of having two or more citizenships, as well as the question of whether it is necessary to officially allow multiple citizenships in some states.

Analysis of recent research and publications. A significant number of scientific works have been devoted to the theoretical and practical issues of the institute of citizenship in Ukraine, in particular the phenomenon of the existence of several citizenships, the status of bipatrim: R. B. Bedriya, Yu. O. Busol, V. V. Lazareva, O. A. Malinovskaya, I. D. Sofinskaya, M. I. Surzhinsky, Y. M. Todik, I. A. Tolkachov, P. F. Chaly and others. Among the foreign scholars who have devoted their work to the issues of citizenship, the status of bipatrim, and the international regulation of dual citizenship, it is necessary to mention W. Beck, W. Gasen, J. Mazing, and P. Wason.

Given the results of their research, it can be concluded that the institution of dual citizenship is as interesting as it is confusing and unregulated.

The opinion of O. Yu. Busol is correct, who noted that citizenship is of fundamental importance for a person, as it determines his political and social status, material and spiritual well-being [6, p. 37].

M. I. Surzhinsky noted that concealment of multiple (dual) citizenship is not a socially dangerous act to establish criminal liability for it. At the same time, he considers it necessary to make appropriate changes and additions to the current Law of Ukraine "On Citizenship of Ukraine". The researcher proposes to supplement the Law with provisions on the obligation of a citizen of Ukraine to report the fact of acquisition or stay in citizenship (citizenship) of another state (states), as well as to establish liability not only officials but also other individuals for violations of citizenship legislation.

S. V. Dryomov notes that "... a bipatrim is one who has two citizenships at the same time. However, when a person has more than two nationalities, the use of the term "bipatrim" is not entirely correct. Such persons are called polypatrim, and the phenomenon itself is called polypatrim.

Thus, the topic is extremely relevant, as a large number of Ukrainians would like to have the citizenship (citizenship) of another state. The facts of having several citizenships of civil servants and financially secure persons are constantly coming out. Therefore, this topic needs further in-depth study.

The purpose of this article is to determine the features of the legal status of bipatrim, to reveal the legal status of bipatrim taking into account international experience and analysis of its positive and negative sides.

Presenting main material. The institution of citizenship replaced the institution of citizenship, even under feudal absolutism symbolized the complete dependence of man on the monarch and his duty to be "under the control" of his master and obediently carry out his will. In modern conditions, the term "citizenship" is used only in monarchical countries as a synonym for citizenship. Since the XVIII century, when the state recognized man as a free and equal participant in social relations, an active participant in the exercise of sovereign power of the state, the term "citizenship" has been finally enshrined in law.

Most often, dual citizenship arises as a result of the conflict of national laws of states. Yes, it occurs when a child is born in the territory of a state that applies the "right of land", and the parents of such a child will be

citizens of a state that uses the "right of blood", or in the case of a woman marrying a citizen of a state that automatically grants citizenship to women. marriage to her citizen. Dual citizenship often occurs in the case of naturalization of a person, when he does not lose his previous citizenship. Sometimes dual citizenship can result from territorial changes in states. For example, a number of people with Slovenian-Croatian citizenship were formed. In determining the circle of its citizens after the proclamation of its independence, Slovenia was guided by the territorial principle, as a result of which Croats also received Slovenian citizenship, while retaining Croatian citizenship. Some citizens of the former USSR also received dual citizenship.

There is no prohibition of dual citizenship in international law. The norms of international law are absolutely neutral to it: they do not prohibit or require its mandatory introduction. Thus, the solution of this issue belongs entirely to the internal jurisdiction of the state and is under its exclusive sovereignty. That is, states are completely free to choose to allow or prohibit dual citizenship. However, Art. 14 of the 1997 European Convention on Nationality contains provisions that recommend that states allow dual citizenship to children who have automatically acquired different nationalities at birth, as well as citizenship that is acquired automatically in connection with marriage [9].

Different countries, which allow their citizens to simultaneously be citizens (citizens) of other states, have their own purpose, the task of such a decision. It depends largely on the historical conditions under which the formation of states, customs and traditions that prevailed in a given society. Among the European countries in which multiple citizenship is allowed or actually allowed, we can single out Ireland, Germany, the Netherlands, Italy, Turkey, Greece. However, there are countries in which the presence of persons of second citizenship is strictly prohibited. Among them, in particular, Austria, Norway, Sweden.

The spread of bipatriism in Central Europe, we can highlight Bulgaria, Romania, Hungary, Slovakia. These states are quite liberal in the phenomenon of multiple citizenship. The spread of the latter was facilitated by the desire of countries of origin to maintain ties with compatriots abroad, to interest them in the affairs of the homeland. If we take into account the world practice in general, the most important factor influencing the emergence of dual citizenship was a significant increase in the number of immigrants among the world's leading countries and the possible socio-political dangers of having a large number of foreign nationals deprived of full rights and opportunities.

As noted, most states do not have a special legal status for bipatrids. From the point of view of national legislation, they are considered either as their own citizens or as foreigners.

The issue of bipatrids became acute immediately after World War II, in connection with the so-called displaced persons, and later, in connection with the Jewish movement for resettlement to Israel.

Thus, we believe that throughout the history of bipatrids, different countries of the world wanted to consolidate at the constitutional level, but constant

clashes between countries have not been able to do so, so as not to harm the constitutional order, sovereignty, territorial integrity of the country.

The sovereignty of any state is organically linked to its institution of citizenship. Citizenship means the legal relationship between an individual and the state, which is reflected in their mutual rights and responsibilities. That is, the content of citizenship is a set of rights, freedoms and responsibilities of the individual and the state to each other. An essential purpose of citizenship as an institution is the legal regulation of relations between the individual and the state.

Legal regulation of the legal status of bipatrids in international law is carried out by relevant documents: the UN Charter, the Universal Declaration of Human Rights of December 10, 1948, the International Covenant on Civil and Political Rights of December 16, 1966, the International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination of 7 March 1966, the Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women 1979, the Convention on the Rights of the Child of 20 November 1989, the European Convention on Nationality of 7 November 1997, etc.

Yes, Art. 15 of the Universal Declaration of Human Rights of 1948 proclaims the right of every person to citizenship. Which means not the right to demand citizenship from a particular state, but establishes that no one can be arbitrarily deprived of his citizenship or the right to change his citizenship.

The first international legal act codifying the principles and norms relating to citizenship is the 1997 European Convention on Nationality. This convention stipulates that states must bring their domestic law into line with its principles and norms. It emphasizes the mutual interest in legal relations regarding citizenship both on the part of the individual and on the part of the state. The right to citizenship is confirmed. It is proposed to avoid stateless cases [9].

The UN Charter was signed on June 26, 1945 by representatives of 50 countries - the UN norms create the necessary most general international legal basis for the activities of UN human rights bodies. The formation of statutory obligations to respect human rights is obviously related to the definition of the list of such rights by the main statutory bodies of the United Nations or to the formation of a general customary rule of international law, which recognizes the relevant law.

The main acts on citizenship in Ukraine are the Constitution of Ukraine and the Law of Ukraine "On Citizenship of Ukraine" of January 18, 2001. In general, they meet international standards.

Thus, the legal framework is rich enough to address the legal status of bipatrids, including the Universal Declaration of Human Rights, the UN Charter, the Convention on the Reduction of Multiple Nationality and Conscription in Multiple Nationality, and the International Convention on the Elimination of Multiple Nationality. all forms of racial discrimination.

Bipatriism or multiple citizenship is the legal status of an individual who is simultaneously a citizen of two or more states.

The term "dual citizenship" means the stay of a person simultaneously in the citizenship of two or more states. Simultaneous residence in the citizenship of several states means the term "multiple citizenship". Consider the reasons for the legal status of bapatrids.

The emergence of the legal status of bapatrides is due to many reasons, among which are:

- conflict of laws of two or more states, each of which secures for a certain person his citizenship. For example, the parents of a newborn child have the citizenship of different states, and each of them has established a rule according to which the child acquires the citizenship of that state if one of the parents is its citizen. If these states do not recognize the rights of their citizens to the citizenship of another state, such a child will not have dual citizenship, although each state will consider him or her a citizen. But if the states by virtue of international treaties or rules of domestic law recognize the possibility of such a child being simultaneously in the citizenship of each of them, then this child has the status of a bapatrid;

- independent acquisition by a citizen of one state of the citizenship of another state in the order of naturalization with the subsequent recognition by the first state of the right of this person to the second citizenship;

- official permission of a citizen to acquire the citizenship of another state while retaining the first citizenship. Such permission may be contained both in the domestic law of the state and in the international treaties concluded by it. For example, dual citizenship agreements have been concluded between the Russian Federation and Turkmenistan and Tajikistan [2].

- restoration of the citizenship of a person previously deprived of citizenship with the preservation of the citizenship of another state, which he acquired during this time.

Bipatrid has the opportunity to enjoy the rights under the laws of the states of which he is a citizen. At the same time, he has double responsibilities. It is within this framework that conflicts may arise. This leads to interstate disputes of legal, political and socio-economic nature. Regarding the issue of "legal connection of a person with the state", a number of decisions have been made by international judicial bodies, which have become precedents.

One of the best-known decisions in the case of Canevaro, who "by right of blood" acquired Italian, and by "right of soil" - Peruvian citizenship. The Permanent Chamber of International Justice, in 1912, ruled that Canevaro held Peruvian citizenship because he had been elected to the Senate in Peru and had been appointed Consul General in the Netherlands. Thus, the court enshrined the concept of "active or effective state affiliation" in international law, which became the basis for resolving interstate disputes concerning the application of diplomatic protection to bapatrides and their military service [22, p.35].

Criteria for effective citizenship are: permanent residence or longest stay; place of work, military or civil service; a place where a person actually enjoys political or civil rights; sometimes - the location of real

estate. According to S. V. Chernichenko, the application of this principle is contrary to international law, because "in deciding on the effectiveness of a citizenship by an internal court, he puts himself in a position above the state body. The application of this principle is possible only by an international court, as states have voluntarily referred the dispute to this international body."

Bipatrids enjoy the same rights and responsibilities as citizens of the country in which they live. At the same time, they have rights and obligations in relation to the state in which they do not reside, but are its citizens. Therefore, a bapatrid should carry out transactions only under the law of one state by a citizen of his choice, and not use in legal relations the various laws of different states that are more favorable to him in each case. The issue of the legal status of bapatrides in relation to privatization processes is difficult, for example. There are also difficulties in exercising their right to private ownership of land, real estate in the states of their citizenship, and so on. They often need to resolve the issue of the procedure for exercising the right to housing, education and more. A person with dual nationality cannot ensure equal performance of duties in relation to each state of which he or she is a national. In this way, a person discriminates against the state for which he performs less duties. At the same time, the state can discriminate against the bapatrid himself [22, p.36].

Thus, the peculiarity of the bapatrid is that he has the opportunity to enjoy the rights under the laws of the states of which he is a citizen. At the same time, he has double responsibilities. It is within this framework that conflicts may arise. Bipatrid performs transactions in accordance with the laws of the state, and not use the laws of different states at its discretion.

In the modern world, bipatrim or polygamy has become the norm, for which there are certain objective factors. Significant migration processes that took place during the 20th century in Western Europe and North America, have led to a significant increase in the number of persons with the citizenship of two or more states. Over time, polygamy has become commonplace in these states.

However, the issue of dual citizenship has become particularly acute in the world due to the influx of refugees from Eastern Europe, where hostilities are taking place, to Western Europe, as well as mass emigration from economically underdeveloped to industrialized countries and the desire to obtain European or American citizenship.

Given the above, it should be emphasized that dual citizenship has positive and negative consequences.

In our opinion, the positive consequences of establishing dual citizenship may be:

- additional guarantees for the realization and protection of the rights and freedoms of the person (persons who have dual citizenship have equal rights and responsibilities with the citizens of the country in which they live, maintaining cultural ties with the country of origin);

- advantages regarding the right to reside in two or more states, the right to return and retain citizenship in a mixed marriage;

- a simplified procedure for the state to accept a resident with dual citizenship than for a foreign citizen, and the state of origin maintains contact with its citizen, which is important for developing countries;

- a significant number of people with dual citizenship will help strengthen ties between states, etc.

At the same time, dual citizenship has certain negative consequences:

- able to create additional responsibilities for a person, which are difficult or too burdensome (for example, the obligation to serve in the military in two or more states, to pay taxes in two or more states);

- a person with dual citizenship has much less rights to diplomatic protection, which is confirmed by international practice of states;

- inevitable conflicts in the legal status due to contradictions in the legislation of two or more states are resolved not in favor of this person;

- in the case of dual citizenship, difficulties arise in the field of interstate relations, as, on the one hand, there may be a dispute over the citizenship of a person between states that consider him or her a citizen and, on the other, a third state may have to decide, which citizenship of a person with dual citizenship to prefer;

- a person with dual citizenship will always be perceived as insufficiently loyal;

- dual citizenship does not solve the problem of cultural, linguistic and other integration [17, p.39].

It is certain that immigration does not automatically give rise to poly-citizenship. Most immigrants acquire it under the laws of the state of immigration. Some states, for example, offer dual citizenship to second-generation migrants.

In Europe, this issue is regulated by a special convention on citizenship, which stipulates that each state has the right to decide what consequences in its domestic law has the fact of acquiring another citizenship or belonging to another citizenship [9]. For example, in the Netherlands and Italy, the authorities simply "close their eyes" to multiple citizenship - the law does not allow it, but does not prohibit it. In Spain, only some states are allowed to have "additional" citizenship. A Swiss citizen can buy a passport of another state, but he loses his own forever. Conversely, a person who has obtained a Swiss passport is required by law to renounce all his other passports.

Dual citizenship is quite common, it is legalized in countries such as Spain, Great Britain, France, Hungary, Belgium, Finland, Canada, USA, etc.

Thus, among the positive consequences are the following: additional guarantees for the realization and protection of individual rights and freedoms (persons with dual citizenship have equal rights and responsibilities with citizens of the country in which they live, maintaining cultural ties with the country of origin) ; benefits regarding the right to reside in two or more states, the right to return and retain citizenship in a mixed marriage. The negative consequences include the following: a person with dual citizenship will al-

ways be perceived as insufficiently loyal; dual citizenship does not solve the problem of cultural, linguistic and other integration; a person with dual citizenship has fewer opportunities for diplomatic protection.

The problem of dual citizenship in the world in recent years is becoming increasingly important, due primarily to the peculiarities of development. Consider the problems of the legal status of bipatrids in international law and their solutions.

One of the first problems of the legal status of bipatrids in international law is the provision of diplomatic protection. There are two possible cases in which a state should endow its bipatrid with its diplomatic protection. The first case in which a dispute arises between two states of which he is a national at the same time. Accordingly, a state may not exercise diplomatic protection of its citizen in another state of which that person is also a citizen.

The legal status of bipatrids is also affected by the fact that within a third country, a person who has more than one nationality is considered to have one. The second case: a person with dual citizenship finds himself in the territory of a third state and in the territory of this state a dispute arises, however, which of the states of his nationality should provide diplomatic protection. The authorities of the host state usually in this case consider this person a citizen of the state with which the person has the closest connection (the principle of "effective citizenship") [22, p. 36].

To solve such problems, the so-called principle of "effective" citizenship can be applied, which creates a predominant legal connection of the bipatrid with the state where the person resides. However, even the application of this principle does not eliminate all conflicts related to dual citizenship. Thus, an effective way to resolve this issue is to conclude an international agreement between the states.

The next problem is that male citizens with dual citizenship are generally required to do military service in each state of their citizenship. In practice, this is not possible, so a bipatrid who has served in the military in one state and is in another state of his or her nationality will inevitably be prosecuted for evading military service or for service in a foreign army without permission, or for both at the same time. And yet this issue can be resolved only by concluding international agreements.

The Convention on the Reduction of Cases of Multiple Nationality and on Conscription in Cases of Multiple Nationality, as well as the European Convention on Nationality, are addressed to the military service of bipatrids [14].

The problem of military service can be solved only by concluding bilateral agreements between states. For example, a dual citizenship agreement was concluded between Portugal and Germany. The term of military service in these countries is different: in Germany - one and a half years, and in Portugal - one year. If a person, having the citizenship of both these states, has served a year in the Portuguese army, then after crossing the German border, he must serve another six months under German law.

Thus, a more effective way to address the legal status of bipatrids is for States to adopt relevant bilateral and multilateral international treaties.

Depending on the functional focus, there are three main types of international agreements aimed at resolving issues of dual citizenship:

1) agreements aimed at mutual recognition of the right of citizens to multiple (usually dual) citizenship and settlement of issues that arise. Examples of such agreements are the already mentioned agreements on dual citizenship between the Russian Federation and Turkmenistan and Tajikistan, as well as similar agreements between the Kingdom of Spain and the former Spanish colonies - in particular, Venezuela, Colombia, Costa Rica, etc.;

2) agreements aimed at the elimination of multiple citizenship as a phenomenon. Such agreements include the Convention between the Government of the USSR and the Government of the Mongolian People's Republic of September 11, 1975, the Treaty between Ukraine and the Republic of Uzbekistan on the Prevention of Dual Citizenship of December 5, 1996, and the Treaty between Ukraine and Georgia on the Prevention of Dual Citizenship. and the abolition of the already existing dual citizenship of 28.10.1997, etc. The main mechanisms for preventing dual citizenship under such agreements are the commitment of states not to grant citizenship to persons without providing evidence of renunciation of previous citizenship, as well as the imposition on persons with dual citizenship, within a specified period of time to choose a single their citizenship (compulsory individual option).

3) agreements that do not prohibit multiple citizenship, but are aimed at overcoming its negative consequences. Most often, such agreements are aimed at settling issues of diplomatic protection of polypatrids in the territory of third countries, their military, police or civil service, etc. St. 21 of the European Convention on Nationality 1997 indicates that persons holding the nationality of two or more States Parties shall perform their military service in only one of those States. Also in Art. 6 of the Convention on the Reduction of Cases of Multiple Nationality and of Conscription in Cases of Multiple Nationality states that a person may perform his military duty for the benefit of the country in which he resides. However, it is stated that a person under the age of 19 has the right to choose to perform military service as a volunteer in relation to another party of which he or she is a national for a full term, possibly also for the term required by the first party.

Thus, many problems arise with the provision of diplomatic protection to persons with dual citizenship and the performance of military duty to the state. These issues can be resolved only by concluding bilateral, multilateral international agreements, which would be aimed at eliminating the negative consequences of dual citizenship, as well as at resolving conflicts.

The problem of bipatrim is acute in almost all ethno-political regions of Ukraine. These include primarily Transcarpathia, Bukovyna, Crimea. In these regions of Ukraine, cases of voluntary acquisition of foreign citizenship by citizens of Ukraine, using ethnicity, have become more frequent. Thus, the number of

bipatrids is increasing every day, despite the bans, threats from the state to apply appropriate sanctions. This situation requires a rapid response from Ukraine. The issue of legal regulation of bipatrim in the legislation of Ukraine becomes urgent.

Given the complexity of the problem, it is necessary to identify the factors that influence the emergence of persons with dual citizenship. First, we must identify the external factors that contribute to the emergence of this phenomenon:

1. Migration processes. Today's migration cannot be stopped, it has become intensive. According to the census of different countries, 6.6 million people born on its territory live outside Ukraine, which is 14.4% of the population.

2. Liberalization of the international treaty mechanism for regulating dual citizenship. For example, the European Convention on Nationality, signed on November 6, 1997 in Strasbourg (Ukraine ratified this document in 2006). This convention is an example of the recent trend towards the liberalization of dual (multiple) citizenship in international law. Under this Convention, a State Party automatically allows citizens to acquire another nationality at marriage and children at birth. The Convention also provides for the important provision that nationals of a State Party who have another nationality in the territory of the State Party where they reside have the same rights and obligations as nationals of that State.

3. Foreign and domestic policy of individual states, within which the idea of unification of the entire ethnic nation, regardless of the boundaries that divide its representatives. Examples are the following neighbors of Ukraine: Hungary, Romania, Poland, Russia.

4. Extensive financial, political, cultural, social support by foreign states of ethnic diasporas. Appropriate charitable foundations are being set up to provide advice and assistance in drawing up and submitting documents for citizenship. An example is the office of MEP Bailey Kovacs, who is a representative of the Hungarian Jobbik party, which actively promotes the idea of strengthening the entire Hungarian ethnic nation. The tasks of the office are charitable in the field of culture, education, economy, as well as providing advice and assistance to Transcarpathian Hungarians in the preparation and submission of documents for Hungarian citizenship. In 2009, the Hungarian authorities allocated about UAH 3 million for ethnic Hungarians in Transcarpathia to implement cultural and educational programs. In 2011, this figure increased by 18 percent compared to 2010. The Faculty of Humanities and Natural Sciences with the Hungarian language of instruction was also established at Uzhhorod National University.

5. Intensification of processes for granting dual citizenship in the countries bordering Ukraine. In particular, laws have already been adopted in Hungary, Romania, and Poland, which significantly simplify the procedure for acquiring citizenship for members of ethnic diasporas [16, p.208].

Consider the internal factors:

1. Since the independence of Ukraine, all nationalities - the Ukrainian people - have been united on the

basis of citizenship and free expression of each national minority.

2. Conflict, vagueness of the Law of Ukraine "On Citizenship" on bipatriism and the lack of a mechanism that would allow the registration of citizens of Ukraine who have acquired citizenship of other countries.

3. Ethnic revival, active integration processes in Europe contribute to the growth of the role of national minorities in Ukraine. This process is accompanied by the expansion of the network of institutions designed to serve the cultural needs of ethnic communities, the revival of culture, the desire to promote and develop, to establish relationships. Many public organizations have been established, for example, the Democratic Union of Hungarians of Ukraine and the Society of Hungarian Culture of Transcarpathia. Two political parties, the Party of Hungarians of Ukraine and the Democratic Party of Hungarians of Ukraine, were also established.

4. The low level of socio-economic protection of citizens in Ukraine, the high level of unemployment, poverty, reduced production, uncertainty about the future, encourages citizens to leave the country. Such tendencies are especially observed in young people. Many Ukrainian professionals want to emigrate. Young people are dissatisfied with the political and economic situation in the country. Young people are looking for work abroad because there are more opportunities, better to show their potential. The main reason for emigration is the lack of a good future for themselves and their families in Ukraine, they are convinced that it is better to emigrate at a young age.

It should be emphasized the dangers of dual citizenship:

1. Bipatriism inhibits the process of forming common values, priorities for the development of the nation and, accordingly, the unity of the people.

2. The institution of bipatriism destroys the strength of the stable legal relationship that exists between the citizen and the state, weakening the institution of citizenship.

3. The spread of the practice of acquiring dual citizenship may result in international conflicts (Russia-Georgia, Ukraine-Romania), weakening the state's ability to influence its citizens, as well as protect their interests abroad.

4. Bipatriism is often used to evade the duties of a citizen to the state, ie to perform military service, pay taxes, to facilitate criminal activity.

5. Mass acquisition of dual citizenship of citizens of Ukraine may threaten the national security of Ukraine. Some states rightly fear that the huge number of bipatriids will contribute to the weakening of sovereignty, the possibility of interfering in their internal affairs.

Along with the negative aspects of dual citizenship, there are positive ones:

1. Obtaining the legal status of a bipatriide, a person may not sever ties with the country of origin and retain the citizenship of the state in which he resides, carries out employment.

2. The presence of citizenship of the country of residence is a guarantee of granting a person social, political, economic and other rights of citizens.

3. Ukraine could also grant its citizenship to Ukrainians living in other countries. And this could be a strong argument for protecting the rights of these people to national schools, universities, libraries and cultural centers in these countries. And it's not just about ethnic Ukrainians. Ukraine may provide diplomatic protection abroad to persons of other nationalities if they are former or current citizens of Ukraine. Tens of millions of Ukrainians are scattered around the world and have a different citizenship [16, p.210].

In order to ensure the uncontrolled emergence of dual citizenship, the elimination of negative consequences, protection of the rights and freedoms of citizens who have acquired foreign citizenship, it is proposed to legislate the rights and obligations of the citizen in whose territory he is. Amend the legislation on citizenship and provide that citizens of Ukraine have the right to acquire foreign citizenship only on the basis of relevant interstate bilateral agreements. Otherwise, such citizens are deprived of Ukrainian citizenship. A person with dual citizenship has in relation to each of the states of which he is a citizen, only those rights and obligations that are defined by the agreement between these states. In order to preserve the integrity and security of Ukraine, it is necessary to introduce into the legislation on civil service, law enforcement, local government and state secrets provisions on restricting access of persons with dual citizenship to positions and information constituting a state secret, and if such information is unprovided or closed to establish criminal liability. Also give a clear definition of the concept of "dual citizenship" for its unambiguous interpretation.

Also extremely important is the fact that the acquisition of dual citizenship by a citizen of Ukraine has no political context. The main reasons are to facilitate the procedure of going abroad related to work, study, leisure.

Thus, in Ukraine there are many preconditions to enshrine the permission for dual citizenship at the legislative level, but in Ukraine today there is political instability within the state and in its relations with some states. Consolidation of multiple citizenship in Ukraine, even if it happens, requires amendments to the Constitution, as well as to the Law of Ukraine "On Citizenship of Ukraine" for better implementation.

The history of the formation of the legal status of bipatriids in international law was considered. The legal institute of the status of bipatriides has passed the following stages of development: the first stage - XVIII - XIX centuries; second stage - XIX century. - XX century; the third stage - XX century. - XXI st.

The legal framework was found to be rich enough to address the legal status of bipatriids, including the UN Charter, the Universal Declaration of Human Rights of December 10, 1948, and the International Covenant on Civil and Political Rights of December 16, 1966, International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination of 7 March 1966, Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women 1979, Convention on the Rights of the Child of 20 November 1989, European Convention on Nationality of 7 November 1997 p.

The peculiarities of the legal status of bipatrids in international law were outlined. Bipatrim or multiple citizenship is the legal status of an individual who is simultaneously a citizen of two or more states. The peculiarity of the bipatrid is that he has the opportunity to enjoy the rights under the laws of the states of which he is a citizen. At the same time, he has double responsibilities. It is within this framework that conflicts may arise. Bipatrid performs transactions in accordance with the laws of the state, but he must not use the laws of different states at its discretion.

The positive and negative consequences of the legal status of bipatrids were highlighted. Among the positive ones are: additional guarantees for the realization and protection of the rights and freedoms of the individual (persons with dual citizenship have equal rights and responsibilities with the citizens of the country in which they live, maintaining cultural ties with the country of origin); benefits regarding the right to reside in two or more states, the right to return and retain citizenship in a mixed marriage. The negatives include: a person with dual citizenship will always be perceived as insufficiently loyal; dual citizenship does not solve the problem of cultural, linguistic and other integration; a person with dual citizenship has fewer opportunities for diplomatic protection.

The problems of the legal status of bipatrids in international law were considered. Many problems arise with the provision of diplomatic protection to persons with dual citizenship and the performance of military duty to the state. These issues can be resolved only by concluding bilateral, multilateral international agreements, which would be aimed at eliminating the negative consequences of dual citizenship, would be aimed at eliminating conflicts.

The following problems of the legal status of bipatrides in Ukraine are outlined. In modern conditions, when there are local wars, globalization, rapid migration processes, it is necessary to prevent the spread of the legal status of bipatrids. This is a threat to national security, the development of legislation in many countries. The legal status of bipatrids can be used as a new stage in the development of national and international associations, such as the European Union. It is proposed to enshrine in law the rights and responsibilities of citizens in whose territory they are, to amend the legislation on citizenship and to provide that citizens have the right to acquire foreign citizenship only on the basis of relevant bilateral agreements. Also give a clear definition of the concept of "dual citizenship" for its unambiguous interpretation.

References

1. Bondarenko N. O. Constitutional - legal status of the person: theoretical and practical principles. Law Forum. 2016. № 4. P. 35 - 40. URL: file:///C:/Users/User/Downloads/FP_index.htm_2016_4_8.pdf (access date 14. 10.2020).

2. Busol O. Y. Bipatrim in the world: a monograph. Kyiv: NBU Center for Social Communications Research. 2018. URL: http://nbuviap.gov.ua/index.php?Option=com_content&view=article&id=2832:bip+atrim-u-sviti&catid=8&Itemid=350. (14. 10.2020).

3. Dryomov S. V. Institute of citizenship as a regulator of influence on the state of national security of Ukraine: analyt. ext. Kyiv: National Institute for Strategic Studies. 2017. 90p.

4. UN Universal Declaration of Human Rights of December 10, 1948. № 93. Official Gazette of Ukraine. 1948. № 93. Art. 3103. URL: http://apnl.dnu.in.ua/5_2018/10.pdf (access date 14. 10.2020).

5. Kavun V. F. To the problem of legal regulation of the status of persons with multiple citizenship: current status and prospects: monograph. Lviv. LA "Pyramid", 2013. 130p.

6. Kowalski V. Bipatrids: dual citizenship or dual life? Dangers of introducing dual citizenship in Ukraine. Legal Bulletin. 2017. №12.

7. Konstantinovskiy S. On the issue of multiple citizenship in Ukraine. Kyiv All-Ukrainian Scientific and Practical Economic and Legal Journal. Entrepreneurship, economy and law. 2018. № 5. S. 163–167. URL: <http://pgp-journal.kiev.ua/archive/2018/5/32.pdf>. (Access date 14. 10.2020).

8. Malinovskaya O. A. Dual citizenship in the context of migration in the era of globalization: a threat or a regularity ?. Strategic priorities. 2012. №1 (22).

9. On nationality: European Convention of 6 November 1997 № 994_392. Information of the Verkhovna Rada of Ukraine. 1997. URL: https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/994_004. (appeal date 14. 10. 2020).

10. On the State Migration Service of Ukraine: Resolution of the Cabinet of Ministers of Ukraine of August 20, 2014 № 583-2017-n. Information of the Verkhovna Rada of Ukraine. 2014. № 360. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/360-2014-%D0%BF> (appeal date 14. 10. 2020).

11. On civil service: Law of Ukraine of January 10, 2015. № 117- IX. Information of the Verkhovna Rada. 2016. № 4. Art. 43. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/889-19> (accessed 14 October 2020).

12. On the Elimination of All Forms of Racial Discrimination: International Convention of 4 February 1994. № 3936-XII. Information of the Verkhovna Rada of Ukraine. 1994. № 23. P. 169. URL: https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/995_105 (access date 14. 10.2020).

13. On local state administrations: Law of Ukraine of April 9, 1999 № 2671-VIII. Information of the Verkhovna Rada of Ukraine. 1999. № 20 - 21. Art. 190. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/586-14> (access date 14. 10.2020).

14. On the reduction of cases of polygamy and on conscription in cases of polygamy: Convention of 2 February 1993 № 994_037. Information of the Verkhovna Rada of Ukraine. 1993. URL: https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/994_302. (appeal date 14. 10.2020).

15. Rachok A. National security and defense: a monograph. Kyiv: Oleksandr Razumkov Ukrainian Center for Economic and Political Studies. 2016. № 7-8 P.165–166.

16. Rogach O. Ya. Problems of the legal status of bipatrids in Ukraine: monograph. Uzhhorod: Pravo, 2012. 208 - 210p.

17. Spodynsky O. O. Polycity: positive and negative sides. National Academy of Internal Affairs. Actual problems of domestic jurisprudence. 2018. № 5. S. 37–41. URL: http://apnl.dnu.in.ua/5_2018/10.pdf. (appeal date 14. 10.2020).

18. Surzhynsky M. I. Institute of Citizenship of Ukraine: constitutional and legal aspect: Scientific opinion. Kiev. 2011. 214p.

19. Surzhynsky M. I. Multiple (dual) citizenship and national security of Ukraine. Modern problems of the legal system of Ukraine: materials VII International. scientific-practical conf. (Lviv, November 26, 2015) Lviv: Galician Publishing Union, 2015. P.7–8.

20. Fenysh Ya. V. Administrative - legal provision of the right to citizenship in Ukraine: dis. Dr. Jurid. Science. Uzhhorod, 2019, 211p.

21. Chekhovych S. B. Dual (multiple) citizenship: the state and problems of legal regulation. Legal Bulletin. Air and space law. 2008. № 3. С. 40–46. URL: [file:///C:/Users/User/Downloads/Npnau_2008_3_10%20\(2\).pdf](file:///C:/Users/User/Downloads/Npnau_2008_3_10%20(2).pdf). (appeal date 14. 10.2020).

22. Yakymchuk O. V. Features of the legal status of bipatrids in international law. Priority directions of development of the legal system of Ukraine. Donetsk. 2013. P.35–38 URL: <http://molodyvcheny.in.ua/files/conf/law/01okt2013/10.pdf>. (appeal date 15. 01.2020).

УДК 340

Матушкіна І.В.

Київський Національний університет імені Тараса Шевченка

ОСОБЛИВОСТІ КОНСТИТУЦІЙНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛЮВАННЯ ФІЗИЧНОЇ КУЛЬТУРИ І СПОРТУ В УКРАЇНІ: ПОРІВНЯЛЬНО ПРАВОВИЙ АСПЕКТ НА ПРИКЛАДІ КРАЇН ЄС

Matooshkina I.

Taras Shevchenko National University of Kyiv

THE FEATURES OF CONSTITUTIONAL AND LEGAL REGULATION OF PHYSICAL CULTURE AND SPORT IN UKRAINE: COMPREHENSIVE LEGAL ASPECT ON THE EXAMPLE OF EU COUNTRIES

Анотація.

Стаття посвячена дослідженню особливостей конституційно – правового регулювання в області фізическої культури і спорту. Освецаються ключевые особенности регулювання отрасли фізической культуры и спорта в Украине. На примере некоторых стран Европы проанализировано систему источников конституційно – правового регулювання в области фізической культуры и спорта.

Abstract.

The article is devoted to the study of the features of constitutional and legal regulation in the field of physical culture and sports. The key features of the regulation of the branch of physical culture and sports in Ukraine are highlighted. On the example of some European countries, the system of sources of constitutional and legal regulation in the field of physical culture and sports has been analyzed.

Ключевые слова: *законодавство, конституція, міжнародно - правовые стандарты фізическая культура, фізическое воспитание, спорт, здоровье.*

Keywords: *legislation, constitution, international legal standards physical culture, physical education, sports, health.*

Актуальність статті. Загальновізнано, що зайняття фізичною культурою і спортом є проявом здорового способу життя та складовою частиною здоров'я населення.

Фізична культура і спорт відіграють важливу роль у формуванні, збереженні та зміцненні рівня здоров'я громадян, підвищенні працездатності та збільшенні тривалості життя, фізичному та духовному розвитку населення, економічному і соціальному прогресі суспільства, утвердженні міжнародного авторитету держави у світовому співтоваристві [4]. Висвітлення актуальних проблем сьогодення сфери фізичної культури і спорту, прогнозування подальшого розвитку цієї сфери, її дер-

жавно-правового регулювання характеризує новизну цієї роботи й актуальність практичного значення її результатів [6].

Мета статті полягає у необхідності дослідити як саме врегульовано питання щодо фізичного виховання, фізичної культури і спорту в конституціях різних країн Європи та України зокрема.

Виклад основного матеріалу. У законодавстві України регулювання спорту здійснюється шляхом приєднання держави до міжнародних конвенцій та закріплення основних засад у Конституції як акті вищої юридичної сили, і регулятивних положень в законах та підзаконних нормативно-правових актах.

Відповідно до ч. 3 ст. 49 Конституції України – держава дбає про розвиток фізичної культури і

спорту, забезпечує санітарно-епідемічне благополуччя. Тобто, в Україні саме на державу, в особові відповідних органів покладається обов'язок сприяти розвитку фізичного компоненту здоров'я населення.

На законодавчому рівні було прийнято Закон України від 24.12.1993 р. № 3808-ХІІ «Про фізичну культуру і спорт», де більш детально регулюються основні аспекти цієї сфери суспільного життя, зокрема щодо суб'єктів сфери фізичної культури та спорту, категоріальна база окремо фізичної культури та спорту, організаційне, кадрове та фінансове забезпечення діяльності у сфері фізичної культури та спорту.

Також, важливе значення мають такі закони, як Закон України «Про анти - допінговий контроль у спорті», Закон України «Про запобігання впливу корупційних правопорушень на результати офіційних спортивних змагань»

На виконання положень законодавства виконавчими органами влади приймається низка підзаконних актів, серед яких найбільш ґрунтовними є Постанова Кабінету Міністрів України від 06 серпня 2008 р. № 704 «Про деякі питання заохочення спортсменів з видів спорту осіб з інвалідністю України – чемпіонів, призерів Параолімпійських і Дефолімпійських ігор і їх тренерів», Порядок використання коштів, передбачених у державному бюджеті на прикладні розробки у сфері розвитку окремих видів спорту та методики підготовки спортсменів, затверджений наказом від 29 березня 2006 р. № 995 [26], Положення про центри фізичного здоров'я населення «Спорт для всіх», затверджене Наказом від 31 січня 2014 р. № 323.

Надалі, важливим є детальне дослідження положень основних законів різних країн Європи для аналізу основних відмінностей у правовому регулюванні фізичної культури та спорту в них.

Так, згідно з положеннями ст. 52 Конституції Республіки Болгарії «Держава захищає здоров'я громадян і сприяє розвитку спорту та туризму. »

У ст. 45 Конституції громадянам Республіки Білорусь гарантується право на охорону здоров'я, включаючи безоплатне лікування в державних установах охорони здоров'я. Право громадян Республіки Білорусь на охорону здоров'я забезпечується також розвитком фізичної культури та спорту, заходами щодо оздоровлення навколишнього середовища, можливістю користування оздоровчими установами, удосконаленням охорони праці [5].

Також, у ст. 53 Конституції Литовської Республіки зазначено, що «Держава заохочує фізичну культуру суспільства і створює сприятливі умови для спорту».

Ч. 1-2 ст. 64 «Охорона здоров'я» Глави І Конституції Португальської Республіки передбачає, що кожен має право на охорону здоров'я і зобов'язаний його зберігати і зміцнювати. Право на охорону здоров'я реалізується: 1) через універсальну загально- національну службу охорони здоров'я і, беручи до уваги матеріальний та соціальний стан громадян, в основному на безкоштовній основі; 2)

шляхом створення економічних, соціальних, культурних та екологічних умов, що забезпечують захист дітей, молоді та людей похилого віку, і шляхом систематичного поліпшення умов життя і праці, сприяння фізичній культурі і спорту в навчальних закладах та суспільстві в цілому, а також шляхом розвитку санітарної освіти і практики здорового способу життя.

В свою чергу, глава третя «Керівні принципи соціальної та економічної політики» Конституції Королівства Іспанії «Державні органи сприяють медичній освіті, розвитку фізичного виховання і спорту, також заохочують правильну організацію дозвілля (ч. 3 ст. 43 Конституції)».

Спорт знаходиться під захистом і верховним наглядом держави відповідно до ч. 9 ст. 16 «Освіта, мистецтво, наука» Конституції Грецької Республіки. Держава дотує і контролює будь-які спортивні об'єднання, як це визначено законом. Закон також передбачає виплату допомоги, що надається кожному датованому об'єднанню відповідно до їх призначення.

Статтею 47 Конституції Республіки Македонії визначено, що: «Республіка заохочує і підтримує науково-технічний розвиток, заохочує і підтримує технічну культуру і спорт».

Конституція Республіки Хорватії в ст. 69 гарантує «Держава заохочує і допомагає піклуватися про фізичну культуру та спорт».

Відповідно до статті XX Конституції Угорщини: «Кожен має право на фізичне і духовне здоров'я. Для здійснення права на фізичне і духовне здоров'я Угорщина сприяє підтримкою спорту та систематичного заняття фізичною культурою

Конституція Швейцарської Конфедерації в ст. 68 «Спорт» гарантує, що «Конфедерація сприяє розвитку спорту, зокрема спортивній підготовці. Вона керує спортивними школами. Вона може приймати закони щодо молодіжного спорту та визначати фізичне виховання в школах обов'язковим»

Водночас Конституція Республіки Франції взагалі не містить положень щодо прав громадян у сфері фізичної культури і спорту, завдань держави чи конкретних її органів у даній сфері.

А в Конституції Республіки Словенія лише в ст. 51 міститься право на охорону здоров'я.

Основний закон Федеративної Республіки Німеччини також не містить норм, що врегульовують суспільні відносини у сфері фізичної культури і спорту.

Так само в ст. 42 «Освіта» Конституції Республіки Ірландії держава підтверджує, що першим і природним вихователем дитини є Сім'я, і гарантує повагу до невід'ємного права і обов'язку батьків відповідно до їх спроможності забезпечувати своїм дітям релігійне і моральне, інтелектуальне, фізичне і соціальне виховання.

Як бачимо, у переважній більшості країн Європи на конституційному рівні розвиток фізичної культури та спорту визначається як одна з передумов реалізації, гарантування здійснення права на охорону здоров'я, медичного обслуговування чи медичної допомоги.

Поряд з цим, спостерігається інша тенденція, де конституційними нормами гарантується сприяння розвитку спорту, зокрема спортивній підготовці, фізичному вихованню чи фізичному розвитку (наприклад, Швейцарська Конфедерація, Республіка Ірландія тощо).

Отже, аналіз джерел конституційно-правового регулювання фізичної культури і спорту, розвитку і забезпечення прав людини у даній сфері в країнах Європи засвідчує можливість виокремлення таких підходів:

1) розгляд їх у контексті соціальних прав людини і громадянина, відповідних завдань держави (Республіка Болгарія, Республіка Білорусь, Литовська Республіка, Португальська Республіка, Королівство Іспанія);

2) віднесення до групи культурних прав людини і громадянина (Грецька Республіка, Республіка Македонія, Республіка Хорватія);

3) розглядаються як самостійна група прав людини і громадянина (Угорщина, Швейцарська Конфедерація);

4) визначаються загальні засади державної політики у сфері фізичної культури і спорту або взагалі відсутня згадка про дану сферу на конституційно-правовому рівні регулювання.

Висновки. Очевидним є звернення уваги на міжнародно-правовому рівні регулювання до питань забезпечення розвитку фізичної культури і спорту, поряд зі здоровим способом життя і благополуччям населення, їх включено до цілей сталого розвитку, стратегій діяльності міжнародних організацій.

Однак по-різному здійснюється регулювання сфери фізичної культури і спорту в окремих державах, регламентовані відповідні гарантії забезпечення і реалізації. У більшості країн Європи, в тому числі в Україні, обов'язок піклування про громадян у сфері фізичної культури і спорту покладений на державу, що прямо передбачено в Основному Законі та відображено в низці галузевих нормативно-правових актів [3].

Що стосується інших держав, то питання розвитку фізичної культури та спорту не завжди безпосередньо врегульовано конституцією, іноді закріплюється в контексті права на охорону здоров'я, на медичну допомогу, тобто соціальних прав, а в ряді випадків у контексті права на освіту, передбачаючи права на фізичне виховання, фізичну культуру, тобто культурних прав людини. Так само різняться повноваження відповідних органів публічної влади у даній сфері, у тому числі закріплені на рівні конституцій чи інших нормативно-правових актів. На наше переконання, у цьому підкреслюється самобутність конституційно-правового регулювання сфери фізичної культури і спорту, її специфіка та потреба подальшого ґрунтовного вивчення, зокрема, стосовно спеціального галузевого чи відомчого нормативно-правового регулювання, гарантії реалізації та захисту відповідних прав і свобод людини і громадянина.

Список літератури

1. Конституція України від 28.06.1996 р. No 254к/96-ВР. Відомості Верховної Ради України. 1996. No 30. Ст. 141.

2. Про фізичну культуру і спорт: Закон України від 24.12.1993 р. No 3808-XII. Відомості Верховної Ради України. 1994. No 14. Ст. 80.

3. Камінська Н.В., Палюх А.Я. Міжнародно-правові стандарти у сфері фізичної культури та спорту і їх імплементація у національне законодавство України. Право.ua. 2018. No 3. С. 10-13.

4. Чокля О.І., Фальковський А.О. специфіка державно-правового регулювання фізичної культури і спорту в Україні. Прикарпатський юридичний вісник. № 2(31) (2020) с. 3-9

5. Джафарова О.В., Іванов В.О. Спортивне право як підгалузь особливої частини адміністративного права. Юрист України. 2011. No 3. С. 44-49.

6. Алексеев С.С. Общие теоретические проблемы системы советского права. Москва : Госюриздат, 1961. 187 с.

7. Апаров А.М. Концепція спортивного права: огляд ключових аспектів. Вісник ОНУ ім. І.І. Мечникова. Правознавство. 2017. Т. 22. Вип. 1 (30). С. 6-19.

8. Гаро Г.О., Кушнір О.О. Спортивне право: огляд національного законодавства і міжнародних стандартів. URL: <https://protocol.ua/ua>. (дата звернення 12.05.2020).

9. Забара С. Поняття та особливості методів спортивного права України. Підприємництво, господарство і право. 2008. No 11. С. 141-144.

10. Теремцова Н.В. (2011) Теоретико-правові проблеми розширення Європейського Союзу: сучасний стан та перспективи. Юрид. вісн. повітр. і косм. право. 1. 51-53.

11. Теремцова Н.В. (2013) Соціологія права: питання правотворчого процесу в Україні; проблема та шляхи подолання. OUR LAW 6, 13-18.

12. Теремцова Н.В. (2019) Критерії поділу права на приватне і публічне. Соціологія права. 1-2 (26-27). 129-134.

13. Теремцова Н.В. (2014) Теоретичне питання про право та фізичну недоторканість. Матеріали доповідей укладено за матеріалами міжнародної науково-практичної конференції «Права та свободи людини і громадянина: механізм їх реалізації та захисту різними галузями права». – м. Братислава, Словачка Республіка, 19-20 вересня 2014 р. Вид: Паневропська висока школа, факультет права. – м. Братислава, Словенська Республіка. – С. 110- 112.

14. Teremtsova N. (2017) The main types understanding to legal liability: the theoretical aspect. European Perspectives (Politics, Economics, Law) 1. 12-18.

15. Teremtsova, N. (2019). The problem of differentiation between private and public law. Journal Transition Studies Review, 26(2), 15-22.

16. Kopotun, I. M., Durdynets, M. Y., Teremtsova, N. V., Markina, L. L., & Prisyakova, L. M. (2020). The Use of Smart Technologies in the Professional Training of Students of the Law Departments for the Development of their Critical Thinking. International Journal of Learning, Teaching and Educational Research, 19(3).

*Наумова В.Є.**Київський Національний університет
імені Тараса Шевченка***ПРОБЛЕМА ЗАСТОСУВАННЯ ТЕРМІНІВ
«МЕДИЧНА ДОПОМОГА» ТА «МЕДИЧНА ПОСЛУГА»***Naumova V.**Taras Shevchenko National University of Kyiv***THE PROBLEM OF USING THE TERMS "MEDICAL CARE" AND "MEDICAL SERVICE"****Аннотація.**

В статье рассмотрен вопрос касающийся применения терминов «медицинская помощь» и «медицинская услуга». Автор акцентирует раскрытие данного вопроса на содержании действующих подзаконно – нормативных актах, в которых применяется понятие с отсутствием четкого понимания содержания данных терминов, что создает проблему для их единого понимания.

Abstract.

The article deals with the issue of the use of the terms "medical care" and "medical service". The author focuses on the disclosure of this issue on the content of the existing by-laws and regulations, in which the concept is applied with a lack of a clear understanding of the content of these terms, which creates a problem for their common understanding.

Ключевые слова: *Право, здоровье, нормативно – правовой акт. Медицинская помощь, медицинская услуга.*

Keywords: *Law, health, regulatory legal act, medical care, medical service.*

Право на здоров'я гарантується статтею 49 Конституції України. Аналіз нормативно-правових актів, у яких детальніше розкривається даний припис свідчить про поширене застосування термінів «медична допомога» та «медична послуга».

У законодавстві немає прямої вказівки, як ми маємо розуміти та співвідносити дані поняття. Через таку правову невизначеність виникають правозастосовні проблеми, колізії, непорозуміння тощо.

Актуальність теми посилюються тим, що перелік підзаконних нормативно-правових актів, у яких використовуються поняття, збільшується з кожним днем, проте відсутність чіткого розуміння змісту цих термінів спричинює проблеми для їх єдиного розуміння.

Постановка завдання. Метою роботи є дослідити існуючі підходи до співвідношення згаданих вище категорій та запропонувати варіант їх розмежування.

Аналіз основних досліджень. Проблеми визначення понять «медична допомога» та «медична послуга», їх правова природа та особливості були предметом досліджень багатьох вітчизняних та іноземних вчених. Серед основних варто зазначити З. О. Надюк, Я. Ф. Радиш, Р. А. Майданіка, О. І. Смотров, Н.Б. Болотіну, О.О. Прасова, Г.Г. Польнікову та інших. У той же час єдиної думки щодо розуміння вказаних термінів на законодавчому рівні не знайдено, тому такі дослідження не втрачають актуальності й на сьогодні.

Результати дослідження. По-перше, варто дослідити існуючі в законодавстві визначення понять «медична допомога» та «медична послуга». Обидва терміни тлумачаться в статті 3 Основ законодавства України про охорону здоров'я:

- медична допомога - діяльність професійно підготовлених медичних працівників, спрямована на профілактику, діагностику, лікування та реабілітацію у зв'язку з хворобами, травмами, отруєннями і патологічними станами, а також у зв'язку з вагітністю та пологами;

- послуга з медичного обслуговування населення (медична послуга) - послуга, що надається пацієнту закладом охорони здоров'я або фізичною особою - підприємцем, яка зареєстрована та одержала в установленому законом порядку ліцензію на провадження господарської діяльності з медичної практики, та оплачується її замовником. Замовником послуги з медичного обслуговування населення можуть бути держава, відповідні органи місцевого самоврядування, юридичні та фізичні особи, у тому числі пацієнт.

Поняття «медична допомога» також міститься в Програмі подання громадянам гарантованої державою безоплатної медичної допомоги, а саме медична допомога – це вид діяльності, який включає комплекс заходів, спрямованих на оздоровлення та лікування пацієнтів у стані, що на момент її надання загрожує життю, здоров'ю і працездатності та здійснюється професійно підготовленими працівниками, які мають на це право відповідно до законодавства.

В законі України «Про соціальні послуги» надано визначення соціально-медичної послуги (можемо вважати це аналогом медичної послуги в цілях роботи): соціально-медичні послуги - консультації щодо запобігання виникненню та розвитку можливих органічних розладів особи, збереження,

підтримка та охорона її здоров'я, здійснення профілактичних, лікувально-оздоровчих заходів, прачетерапія.

Вбачається висновок, що медична допомога є більш широкою категорією та включає в себе медичну послугу та інші засоби забезпечення охорони здоров'я громадян.

Проте з прийняттям закону України «Про державні фінансові гарантії медичного обслуговування населення» така теза ставиться під сумнів. Згідно зі статтею 4 програмою медичних гарантій визначаються перелік та обсяг медичних послуг і лікарських засобів, оплата яких гарантується за кошти Державного бюджету України. У згаданій на початку статті 49 Конституції України прописано, що у державних і комунальних закладах охорони здоров'я медична допомога надається безоплатно; мережа таких закладів не може бути скорочена. [5]; [6].

Отже, якщо оплата послуги не прописана в бюджеті, то вона не може надаватися безоплатно навіть у державних і комунальних закладах охорони, що є порушенням норм Конституції України.

Цікавим із позиції правого аналізу нового законодавства про державні фінансові гарантії медичного обслуговування населення є правовий аналіз Рішення Конституційного суду України від 29.05.2002 р. у справі №1-13/2002 щодо офіційного тлумачення положення ч. 3 ст. 49 Конституції України: «У державних і комунальних закладах охорони здоров'я медична допомога надається безоплатно».

Зазначеним положенням передбачається, що в державних і комунальних закладах охорони здоров'я медична допомога надається всім громадянам незалежно від її обсягу та без попереднього, поточного або наступного їх розрахунку за надання такої допомоги. Поняття медичної допомоги, умови запровадження медичного страхування (в тому числі державного), формування та використання добровільних медичних фондів, а також порядок надання медичних послуг, які виходять за межі медичної допомоги, на платній основі в державних і комунальних закладах охорони здоров'я та перелік таких послуг мають бути визначені законом. [1]

Певна спроба врегулювати колізію на законодавчому рівні була зроблена у 2013 році. 5 червня 2013 до Верховної Ради надійшов законопроект №2235а «Про внесення змін до Закону України «Основи законодавства України про охорону здоров'я» (щодо визначення дефініцій «медична допомога» та «медична послуга»)). [2] Ним, зокрема, пропонувалося:

1. Абзац 3 статті 3 замінити новим абзацом такого змісту: медична допомога - комплекс діагностичних та лікувальних - профілактичних та реабілітаційних заходів, що забезпечуються професійно підготовленими медичними працівниками, з метою профілактики захворювань, встановлення діагнозу, усунення чи зменшення симптомів захворювання чи патологічного стану, з метою покращення чи відновлення стану здоров'я, а також у зв'язку з вагітністю та пологами;

2. Після абзацу 3 внести абзац 4 такого змісту: медична послуга – послідовно визначені дії або комплекс дій медичних працівників, направлені на профілактику, діагностику, лікування захворювання та реабілітацію, які мають самостійне закінчене значення і певну ціну;

3. Відповідно абзаци 3-10 вважати абзацами 4-11.

4. Абзац 3 статті 18 замінити новим абзацом такого змісту: Медична допомога надається безоплатно за рахунок бюджетних коштів у закладах охорони здоров'я, які є виробниками медичних послуг, із якими головні розпорядники бюджетних коштів укладають договори про медичне обслуговування населення. Особливості укладення договорів про медичне обслуговування населення визначаються законом.

Що ж до позицій науковців, то на сьогоднішній день вироблено чотири позиції стосовно співвідношення понять «медична послуга» та «медична допомога».

Вчені, В. Суховерхий, В. Ойгензіхт, А. Савицька, М. Малейн, відносини з приводу надання медичної допомоги вважають предметом цивільно-правового регулювання. Прихильники цього підходу свою позицію обґрунтовують тим, що основою надання медичної допомоги є договір, який за своєю природою є цивілістичним.

Згідно з другим підходом, запропонованим Г. Петровим, відносини щодо медичного обслуговування належать до галузі адміністративного права. У 70–80-х роках ХХ ст. сформувалася позиція, яка ґрунтувалася на тезі про визнання медичної допомоги одним із видів соціального забезпечення. Прихильники «медичного права» предметом цієї галузі визнавали комплекс суспільних відносин щодо лікування захворювань, суб'єктами яких постають державні медичні установи громадяни. Вони обґрунтували якісну своєрідність цих суспільних відносин через визнання сутності медичного права як соціального права, у якому елемент соціального надання належить до сфери «медико-соціальної допомоги».

Деякі вчені, Р.Іванова, В.Тарасова, розглядають медичне право як підгалузю права соціального забезпечення, аргументуючи цей висновок тісним зв'язком охорони здоров'я з державою, а медичне обслуговування розглядають як форму державних соціальних гарантій, подібну до пенсійного забезпечення.

Четверта позиція ґрунтується на визнанні права охорони здоров'я комплексною галуззю права (законодавства). Лікарським (медичним, охороннооздоровчим) правом, або правом про охорону здоров'я, визнається система нормативних актів(норм), що регулюють організаційні, майнові, особисті відносини, які виникають у зв'язку з проведенням санітарно-епідеміологічних заходів із наданням лікувально-профілактичної допомоги громадянам. [2]

Заслугує на увагу позиція, відповідно до якої медична послуга є більш широкою категорією, що пояснюється через особливості результату

діяльності при наданні медичних послуг і допомоги. Так, на думку С. Антонова, медична допомога завжди спрямована на досягнення лікувального, діагностичного або профілактичного результату, а при наданні медичної послуги може досягатися не лише лікувальний (відновлювальний) результат, а й додатковий естетичний ефект. Таким чином, у межах медичної послуги може надаватися не лише допомога, а й додаткові послуги естетичного характеру. [3]

Висновок. Тривалі наукові дискусії щодо розмежування понять «медична допомога» та «медична послуга» не дають необхідного результату, оскільки лише офіційне визначення категорій на законодавчому рівні може забезпечити їх однакове сприйняття та застосування.

Як вбачається з нормативно-правових актів, проаналізованих в роботі, навіть законодавство неоднозначно підходить до співвідношення досліджуваних термінів. Більш того, у міжнародному законодавстві також немає єдиної вказівки, як ми маємо сприймати дані поняття.

Тому, на нашу думку, правильним вирішенням такої тривалої колізії є прийняття відповідного акту, який би чітко визначив поняття «медична послуга» та «медична допомога» та їх місце стосовно один одного.

Список літератури

1. Таранчук Д. «Медична допомога» vs «медична послуга»: що є що? / Д. Таранчук. // Юридична газета. – 2018. – №7.
2. Черноус А. Г. Актуальні проблеми розмежування понять «медична допомога» та «медична послуга» / А. Г. Черноус. // Адміністративне право і процес. – 2015.

3. Крилова О. В. Цивільно-правове регулювання відносин по наданню медичної допомоги: автореф. ... дис. канд. юрид. наук / О. В. Крилова. — Одеса, 2006. — С. 8–9.

4. Антонов С. В. Цивільно-правова відповідальність за заподіяння шкоди здоров'ю при наданні платних медичних послуг : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / С. В. Антонов // НАН України. Ін-т держави і права ім. В. М. Корецького. — К., 2006. — 204 с.

5. Kopotun, I. M., Durdynets, M. Y., Teremtsova, N. V., Markina, L. L., & Prisyakova, L. M. (2020). The Use of Smart Technologies in the Professional Training of Students of the Law Departments for the Development of their Critical Thinking. *International Journal of Learning, Teaching and Educational Research*, 19(3). Index Scopus 2020 International ISSN: 1694-2116

6. Teremtsova, N. (2019). The problem of differentiation between private and public law. *Journal Transition Studies Review*, 26(2), 15-22.

7. Проблеми законодавчого регулювання порядку розробки та прийняття нормативно-правових актів : тези доп. та повідомл. сучасн. III Міжнар. наук.-практ. конфер. (м. Київ 2-3 листопад 2017р.) / за заг. ред. І. Д. Шутака. – м. Харків; Право, 2017. – 344с. – С. 166-168

8. Теремцова Н. В. (2010) Бюджетний процес за законодавством України. Монографія.

9. Оверчук О. М. (2020). Механізм правотворчого процесу міжнародних організацій: теоретико-правовий аспект. *Colloquium-journal*, 6 (58), 29-33. (Польща).

Дворянинова Елена Игоревна,

старший преподаватель кафедры иностранных языков для гуманитарных специальностей.

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)

ул. Большая Садовая, д. 69, г. Ростов-на-Дону, Ростовская область, 344006, Российская Федерация

Пархоменко Владислав Андреевич

студент 2 курса юридического факультета

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)

ул. Большая Садовая, д. 69, г. Ростов-на-Дону, Ростовская область, 344006, Российская Федерация

ОСОБЕННОСТИ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Dvoryaninova E.I.,

The Senior Lecturer at the Department of Foreign Languages for humanitarian specialties

Rostov State University of Economics (RINH)

Bolshaya Sadovaya Street 69, Rostov-on-Don, Rostov Region, 344006, Russian Federation

ORCID: 0000-0003-2520-6403

Parhomenko V.A.

The second-year student of the law faculty

Rostov State University of Economics (RINH)

Bolshaya Sadovaya Street 69, Rostov-on-Don, Rostov Region, 344006, Russian Federation

FEATURES OF THE JUDICIAL SYSTEM OF THE GREAT BRITAIN

Аннотация.

Цель данной статьи – разобрать основные аспекты судебной системы Соединенного Королевства, определить функции, юрисдикцию судебных органов и их положение в юридической иерархии этого государства.

Abstract.

The main objective of this article is to analyze the basic aspects of the judicial system of the United Kingdom, to determine the functions, jurisdiction of the judicial authorities and their position in the legal hierarchy of this state.

Ключевые слова: право, система, Соединенное Королевство, суд, власть, юрисдикция, функции, Англия, судебный орган, юридическая сила, иерархия.

Key words: law, system, the United Kingdom, court, authority, jurisdiction, functions, England, judicial authority, hierarchy.

Основа правовой системы Великобритании – прецедентное право, которое в свою очередь основано на всеобщем равноправии, нормативно-правовых актах парламента и Евросоюза. Правовая система Великобритании значительно отличается от систем других европейских государств, в которых всё работает на основе кодификации и закона. Право Евросоюза распространено на всю территорию Великобритании и при определенных условиях может иметь больше юридической силы, нежели местное право. Право Евросоюза применяется в большинстве случаев в местных судах, однако разбирательство крупных дел может идти в Суде Европейского Союза.

Вершина иерархической системы британского судопроизводства – Палата Лордов. Это одна из самых старых единиц судебной системы Великобритании. В ее состав входят двадцать шесть епископов Англиканской церкви, два архиепископа и семьсот шесть членов пэрства – светских членов Палаты Лордов. Палата Лордов имела законодательную и судебную власть до 2009 года, а также была высшей апелляционной инстанцией Великобритании, помимо Тайного Совета и Высшего уголовного суда Шотландии. Однако после принятия документа под названием «Constitutional Reform Act» судебные полномочия лордов перешли в Верховный суд Великобритании.

Верховный суд Великобритании – самая новая единица английской судебной системы, которая начала свою работу 1 октября 2009 года. Верховный суд включает в себя двенадцать независимых от парламента и правительства судей. Его компетенция – гражданские дела Великобритании, а также уголовные дела Англии, Уэльса и Северной Ирландии. Помимо этого, Верховный суд занимался некоторыми делами Тайного Совета, а именно – вопросами соответствия законодательства союзных королевств праву Соединенного Королевства.

Тайный Совет. Данный орган состоит из советников британской Королевы, однако в настоящее время не имеет столь сильного влияния. Почти все полномочия в руках комитетов, во главе которых – Кабинет министров. На сегодняшний момент высшая апелляционная инстанция Великобритании – Судебный комитет Тайного Совета, занимающийся вопросами религиозного и морского права. Почти вся работа Судебного комитета возложена на лордов-законников Палаты Лордов. Кроме них в заседаниях участвуют тайные советники, являющиеся в прошлом судьями гражданских апелляционных судов союзных королевств.

Верховный суд Англии. Это судебный орган, состоящий из Апелляционного суда, Высокого суда, суда Королевской Скамьи и отделения по семейным делам. В настоящий момент деятельность Верховного суда регулируется Законом о Верховном суде от 1981 г. Апелляционный суд занимает второе место в иерархии английской судебной системы. В нем рассматривают решения всех нижестоящих судов. Данный суд включает в себя двадцать восемь судей. Каждый год в Апелляционный суд поступает примерно 1700 гражданских дел из Высокого суда, специализированных судов и судов Графств.

Высокий суд – судебный орган, включающий в себя Суд Королевской

скамьи, Канцелярское отделение Высокого суда и отделение по семейным делам. В Высоком суде работают семьдесят восемь судей. Он может выполнять функцию апелляционного суда, а также суда первой инстанции. Отдел Королевской скамьи занимается вопросами общего и торгового права. Канцелярское отделение – только дела общего права. Под юрисдикцию отделения по семейным делам попадают такие вопросы, как бракоразводные процессы, усыновление и удочерение, опека, раздел имущества между супругами, судьба детей после развода супругов. Судья отделения по семейным делам обязательно должен быть барристером со стажем работы не менее 10 лет.

В 1846 году в Англии были основаны территориальные суды – суды графств. Под их юрисдикцию попадают исключительно гражданско-правовые дела. Деятельность таких судов регулируется законом о судах графств от 1894. Суды графств могут вести разбирательства по поводу практически любых гражданско-правовых дел.

Аналогично судам графств, действуют и Магистратские суды. Это местные суды, которые широко распространены в Англии и Уэльсе. Под их юрисдикцию попадают только уголовные дела. Рассмотрение уголовных дел в таких судах происходит без присяжных. Средний показатель рассмотрения дел в Магистратских судах – около двух миллионов случаев в год, что является не малым показателем для одной судебной отрасли. Так же данные суды могут рассматривать дела несовершеннолетних.

Отдельно стоит упомянуть специальные суды – органы, имеющие узкую направленность. Таковых всего пять: суд коронёра – орган, занимающийся делами о загадочных смертях; военные суды во главе с Апелляционным военным судом; суды

флотов; церковные суды; суд по делам запрещенной торговой практики.

Таким образом, судебная система Великобритании имеет следующие

ключевые особенности: во-первых, это не единая судебная система, а скорее некоторое количество отдельных судебных систем. А во-вторых, львиная доля гражданских дел рассматривается не в судах, а в досудебных и альтернативных процессах, участие в которых принимают судьи.

Список литературы

УДК 343.2/7

1. Романов А.К. «Правовая система Англии». М.: «Дело», 2000 г., 344 с.

2. Чиркин В. Е. Конституционное право зарубежных стран: Уч. / В.Е.Чиркин. – 8 изд., перераб. и доп. – М.: Норма: НИЦ ИНФРА-М, 2014 г., 528 с.

3. Апарова Т. В. Суды и судебный процесс Великобритании. Англия, Уэльс, Шотландия. – М.: Институт международного права и экономики. Издательство «Триада, Лтд», 1996 г. – 157 с.

Цеева С. К.,

*Адыгейский государственный университет,
г. Майкоп,*

Петрова Ю. Р.

*Адыгейский государственный университет,
г. Майкоп*

ВЗЯТОЧНИЧЕСТВО ПО УЛОЖЕНИЮ О НАКАЗАНИЯХ УГОЛОВНЫХ И ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ 1845 г.

Tseeva S.,

Petrova Ju.

Adyghe State University, Maykop

BRIBERY FOR THE PROVISION OF CRIMINAL AND CORRECTIVE PENALTIES 1845

Аннотация.

В статье представлен ретроспективный анализ актуальной проблемы, как в наши дни, так и в истории России, а именно проблемы взяточничества, что сейчас входит в современное понятие «коррупция». Авторами проанализированы нормы Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., предусматривающие уголовную ответственность за мздоимство и лихоимство.

Abstract.

The article presents a retrospective analysis of an urgent problem, both today and in the history of Russia, namely, the problem of bribery, which is now part of the modern concept of «corruption». The authors analyzed the norms of the 1845 Code of Criminal and Correctional Punishments, which provide for criminal liability for bribery and extortion.

Ключевые слова: *коррупция, взяточничество, мздоимство, лихоимство, преступление.*

Keywords: *corruption, corrupt practices, bribery, extortion, crime.*

Историческое знание явлений, событий или процессов, способствует лучшему пониманию предпосылок их возникновения, помогает более объективно объяснить тенденции их развития на современном этапе и в будущем. Всё это в полной мере можно отнести к такому явлению как коррупция, которая является непредсказуемым правовым, социальным и политическим феноменом. Коррупция нарушает все сферы общественной жизни, сдерживает полноценное экономическое и политическое развитие государства, а также мешает эффективному развитию социума.

Изучение исторического прошлого коррупционных проявлений и опыта борьбы с ними, позволяет сделать объективные выводы, избежать ошибок, которые были допущены в прошлом в борьбе с этим явлением.

Шестая глава пятого раздела Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. посвящена самому современному и распространенному в

среде чиновничества правонарушению – взяточничеству. Несмотря на то, что данная глава названа «О мздоимстве и лихоимстве», определение этих понятий в законе отсутствует, в следствие чего, приходилось устанавливать их путем толкования.

В науке уголовного права и в судебной практике под лихоимством понималось принятие должностным лицом подарка за совершение таких действий или за бездействие, которые являлись нарушением его служебных обязанностей. Если же должностное лицо за взятку совершало действия или бездействовало в пределах круга своих полномочий, то такое преступление считалось мздоимством [1]. Кроме того, термин лихоимство использовался и в широком смысле – для обозначения взяточничества в различных его проявлениях, и, напротив, в более узком, чем в ст. 402, смысле – как взимание недолжных налогов или иных сборов с населения, то есть излишка, лиха.

Ст. 401 Уложения предусматривала ответственность за «мздоимство» чиновника или иного лица, состоящего на государственной или общественной должности, который по делу или действию, касающемуся обязанностей его по службе, примет, хотя и без всякого в чем-либо нарушения своих обязанностей, подарок, состоящий в деньгах, вещах или в чем бы то ни было ином. В статье 402 речь шла об ответственности за «лихоимство» – получение взятки для учинения или допущения чего-либо противного обязанностям службы. Высшей степенью лихоимства признавалось вымогательство взятки (ст. 406) [2, с. 241].

Существенным признаком объективной стороны взяточничества в любой его форме являлось совершение только такого действия или бездействия, которое имело прямое отношение к обязанностям должностного лица по службе, и которое оно обязано было выполнять безвозмездно в соответствии со своими служебными функциями.

С субъективной стороны, как мздоимство, так и лихоимство всегда являются умышленными преступлениями: виновный сознает, что между подарком и его деяниями по службе существует причинная связь. Если же деньги были получены должностным лицом по ошибке, без какого бы то ни было корыстного умысла, то состав преступления взяточничества отсутствует.

Достаточно интересным является учение о субъекте взяточничества. Ст. 401 Уложения прямо обозначает, что виновным во взяточничестве может быть не только чиновник, но и всякое лицо, состоящее на государственной или общественной службе. Но так как взяточничество является преступлением по службе, то необходимо, чтобы должность принявшего взятку была установлена законом.

Если с момента принятия взятки проходило более трех дней, то деяние считалось совершившимся, (ст. 401), причем было необязательно, чтобы должностное лицо само приняло взятку, она могла быть принята его женою, детьми, родственниками, домашними или каким-либо другим лицом (ст. 401, 405).

Статья 403 Уложения устанавливает ответственность должностного лица также и за те случаи, когда взятки, как таковой не было, или, во всяком случае, она не доказана, но какое-то третье лицо в результате противоправных действий обвиняемого получает незаконную прибыль. В этом случае наказание определено по ст. 402 Уложения.

В общем говоря, в науке уголовного права назывались разные виды возможного лихоимства. Так, лихоимство могло быть совершено не только прямым принятием подарка, но и другими более тонкими и благовидными способами. Например, передачей чиновнику или кому либо другому с его ведома денег под предлогом проигрыша, продажи, мены или другой какой-либо мнимо-законной и благовидной сделки. Также чиновник мог приобретать сам или через подставное лицо имущество, составляющее предмет дела, по которому он производит следствие. Лихоимство могло быть замаскировано договором купли-продажи, когда разница между действительной стоимостью вещи и ценою, данною за неё чиновником, была слишком велика; договором мены, когда проситель менялся с чиновником хорошей и дорогой вещью на дешевую или плохую, когда ценностная разница вещей была весьма заметна.

Система наказаний включала как уголовные, так и исправительные виды и колебалась от строгого выговора до ссылки в каторжные работы в зависимости от тяжести совершенного преступления и тяжести наступавших последствий. Также были предусмотрены меры материального возмещения причиненного вреда.

Подводя итог, следует сказать, что коррупция, её масштабы, специфика и динамика – следствие общих политических, социальных и экономических проблем страны. Отсюда следует, что уменьшить и ограничить коррупцию можно, только одновременно решая проблемы её порождающие. И достижению этой цели будет способствовать формирование комплексного механизма противодействия коррупции, включающего широкий спектр экономических, политических, социальных, нравственно-этических мер.

Список литературы:

1. Лезина Е. П., Леонтьев А. В. Ретроспективный анализ истории уголовной ответственности за «Мздоимство» в России в период XIV-XIX вв // Огарёв-Online. – 2017. – №3 (92). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/retrospektivnyy-analiz-istorii-ugolovnoy-otvetstvennosti-za-mzdoimstvo-v-rossii-v-period-xiv-xix-vv> (дата обращения: 06.10.2020).
2. Российское законодательство X-XX веков: Законодательство первой половины XIX века. В 9-ти томах. Т. 6 / Отв. ред.: Чистяков О. И. – М.: Юрид. лит., 1988. – 432 с.

УДК 347.625.12

Севастьянова Алина Владимировна
магистрант кафедры гражданского права
Научный руководитель: *Мосиенко Татьяна Александровна*
профессор кафедры гражданского права, к.ю.н., доцент
Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПО МАТЕРИАЛЬНОМУ ОБЕСПЕЧЕНИЮ СУПРУГОВ (БЫВШИХ) СУПРУГОВ В РОССИИ И СТРАНАХ ЗАРУБЕЖНОГО ПРАВОПОРЯДКА

Sevastyanova Alina Vladimirovna
Master's student of the Department of Civil Law
Supervisor: *Mosienko Tatiana Alexandrovna*
Professor of the Department of Civil Law, Ph.D., Associate Professor
Rostov State University of Economics

CURRENT PROBLEMS OF MATERIAL SUPPORT FOR SPOUSES (FORMER) SPOUSES IN RUSSIA AND THE COUNTRIES OF FOREIGN LAW

Аннотация.

В статье рассматриваются актуальные проблемы материального содержания супругов (бывших супругов) как в России, так и в странах зарубежного правопорядка. Законодательство Российской Федерации в области алиментных обязательств имеет свои особенности практики правоприменения.

Автором акцентируется внимание на зарубежный опыт предоставления материального содержания супругу (бывшему супругу) и рассматриваются особенности отказа в получении материального содержания, если алиментополучатель признан судом недобросовестным.

Abstract.

The article examines topical problems of the material maintenance of spouses (former spouses) both in Russia and in countries of foreign legal order. The legislation of the Russian Federation in the field of alimony obligations has its own features of the practice of law enforcement.

The author focuses on the foreign experience of providing material support to a spouse (ex-spouse) and examines the specifics of refusal to receive material support if the alimony holder is recognized by the court as unfair.

Ключевые слова: супруги (бывшие супруги), суд, алименты, материальное содержание, соглашение, недобросовестный супруг, основания к взысканию алиментов.

Key words: spouses (former spouses), court, alimony, material support, agreement, unscrupulous spouse, grounds for collecting alimony.

Быстрое реформирование общества, обострение проблем занятости, резкое падение жизненного уровня большей части населения, негативные стороны сплошной коммерциализации, экологическое неблагополучие – таков далеко не полный перечень факторов, губительно сказывающихся на семье, а особенно семье с детьми.

Нельзя не отметить, что ежегодно прекращение брака становится настолько обыденным юридическим явлением, что супруги (бывшие) супруги не задумываются о правовых последствиях.

Жизнь супругов настолько многогранна и затрагивает различные стороны совместной жизни супругов, как личные неимущественные, так и имущественные отношения. Поэтому семейное законодательство Российской Федерации в основном регулирует имущественные отношения супругов, при этом практически не уделяет внимание личным отношениям супругов. На наш взгляд, действительно личные отношения супругов не должны быть слишком урегулированы законом, а должны строиться на основе любви и взаимопонимания.

Представляется необходимым провести срав-

нительный анализ имущественных отношений супругов, касающихся материальной поддержки друг друга.

В процессе семейной жизни у супругов, как правило, не возникает проблем по материальному содержанию друг друга, так как они заботятся друг о друге по взаимной договоренности исходя из жизненных потребностей и возможностей.

Глава 14 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ) [1] закрепляет положение об алиментных обязательствах супругов и бывших супругов.

Надо отметить, что в отличие от других видов алиментных обязательств они не предполагают полного материального содержания, а лишь предоставляют возможность супругу (бывшему супругу), нуждающемуся в дополнительной материальной поддержке и при наличии такой возможности у другого супруга предоставлять такую материальную помощь.

Действующее законодательство предоставляет право супругам требовать материального содержания, как в добровольном порядке, так и в судебном,

что чаще всего встречается на практике. Как правило, после расторжения брака супруги в основном не желают общаться и нередко становятся врагами, даже при наличии общих несовершеннолетних детей, либо совершеннолетних нетрудоспособных детей.

Право требовать предоставления алиментов в судебном порядке от другого супруга имеют:

- нетрудоспособный нуждающийся супруг;
- жена в период беременности и в течение трех лет со дня рождения общего ребенка;
- нуждающийся супруг, осуществляющий уход за общим ребенком-инвалидом до достижения ребенком возраста восемнадцати лет или за общим ребенком-инвалидом с детства I группы (ч. 2 ст. 89 СК РФ).

В данной норме закрепляется правовое положение обязанности супруга по обязательному материальному содержанию другого супруга, но необходимо отметить то, что такая обязанность у супруга будет возникать, если они состоят в семейно-брачных отношениях, либо прекратили брак путем его расторжения и если супруги записаны в свидетельстве о рождении ребенка в качестве родителей, при этом не имеет значение, ребенок является кровно рожденным или усыновлен.

Думается, что следует в вопросах материального содержания обратиться к законодательству зарубежных стран и проиллюстрировать правовые особенности в этих вопросах.

Так, в Израиле супруг обязан обеспечить жене достойное существование в соответствии с уровнем жизни, к которому она привыкла при совместной супружеской жизни, включая предоставление приемлемых условий проживания (дом, квартира, обстановка), одежды, необходимой медицинской помощи и прочее [2, С. 14].

Критерием для установления размера алиментов будет являться не получаемый доход мужа, а та сумма, которая должна быть им заработана, чтобы обеспечить жене (бывшей) жене достойное существование. Только в одном случае мужа могут освободить от уплаты алиментов, если жена имеет достаточно имущества и получает доход, который удовлетворяет все ее жизненные потребности, которые она могла получать, находясь в семейно-брачных отношениях.

Особенностью еврейского семейного права является то, что оно тесно переплетается с нормами морали и канонами религии.

При этом действующее законодательство Израиля закрепляет положение о том, что жена (бывшая) жена может утратить право на получение алиментов от мужа (бывшего) мужа, если при семейной жизни она уклонялась от выполнения обязанностей по дому, изменяла мужу, не выполняла своевременно супружеские обязанности, либо уходила без веской причины из дома, оставляя мужа и детей.

Таким образом, законодатель стремится укрепить семью и складывающиеся в семье отношения должны быть направлены на добросовестное поведение супругов.

Например, в США алиментные обязательства законодательно установлены только законами тех штатов, которые восприняли порядок регулирования имущественных отношений супругов нормами общего права. Так, законами штатов устанавливается возможность взыскания алиментов с супруга (бывшего) супруга в пользу супруги (бывшей) супруги, мужчина не имеет права требовать материального содержания с женщины ни при каких условиях. Думается, что если бывший супруг признан нетрудоспособным, то почему законодатель не стремится его защитить надлежащим образом, поэтому на наш взгляд, дискриминация по половому признаку не должно иметь место.

Однако, суд при расторжении брака супругов выясняет у супруги, имеет ли она специальность и может ли она восстановить навыки по полученной профессии. В таком случае суд установит материальное содержание супруге (бывшей) супруге на определенный срок, чтобы она могла сама зарабатывать себе на жизнь, но если она не может этого сделать, то на супруга (бывшего) супруга возлагается обязанность по материальному содержанию ее пожизненно. При пожизненном содержании супруги она должна быть признана нетрудоспособной в установленном законом порядке.

Надо сказать, что законы штатов, где не распространены правила общего порядка, алиментные обязательства не возникают между супругами (бывшими) супругами, так как вообще не закреплены в действующих законах.

В некоторых странах, при расторжении брака супругов судом определяется виновность одного из супругов в распаде семьи и поэтому законодатель дает легальное определение добросовестный и не добросовестный супруг (бывший) супруг.

Например, по швейцарскому законодательству невинный супруг вправе требовать предоставления ему материального содержания и получить по судебному решению дополнительную сумму в возмещение морального ущерба. При этом, закон учитывает то, что второй супруг впал в нужду после расторжения брака и поэтому при определении алиментов их размер будет составлять пропорциональным возможностям недобросовестного супруга.

Таким образом, законодатель стремится любыми доступными средствами не только помирить супругов и обеспечить им достойную жизнь после расторжения брака, хотя и это очень сложный процесс и не всегда представляется прекратить брачные отношения супругов. В Швейцарии действуют жесткие правила по прекращению брака и поэтому судебный процесс его расторжения затягивается на годы.

Английское законодательство определяет возможность требовать материального содержания от супруга (бывшего) супруга при этом не устанавливает размер такого содержания. Но, алименты на супруга (бывшего) супруга должны составлять не менее одной трети семейного бюджета и законом не устанавливается предельный срок предоставления материального содержания. Однако, суды Ан-

глии при рассмотрении конкретных дел определяют пожизненное содержание супруга (бывшего) супруга. В некоторых случаях суд может определить срок материального содержания при условии, что брак был непродолжительным или прекращен по вине супруга, требующего алименты. Вина супруга, определяется как «чрезвычайно недостойное поведение одного из супругов».

Надо сказать, что и российский законодатель употребляет в действующем Семейном кодексе такое понятие как: «не достойное поведение одного из супругов» и не раскрывает суть такого не достойного поведения, а судами трактуется неоднозначно и не совсем корректно.

Тем более, что в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 № 56 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов» [3] понятия недостойного поведения супруга не содержится, как это было ранее определено в пункте 20 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами Семейного кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел об установлении отцовства и о взыскании алиментов» от 25.10.1996 № 9 [4].

На наш взгляд, представляется необходимым для успешного решения вопросов, связанных с алиментными обязательствами супругов (бывших) супругов внести дополнение определения «недостойного поведения супруга» в Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 № 56 «О применении судами законодательства при рассмотрении

дел, связанных со взысканием алиментов», что будет способствовать совершенствованию судебной практики, а для правоприменителя будет ориентир по вынесению судебного решения о взыскании алиментов в пользу супруга (бывшего) супруга.

При проведении исследования сравнительного анализа действующего законодательства в области материального содержания супругов (бывших) супругов в России и за рубежом, можно отметить, что оно имеет определенные сходства в различных государствах, но не исключает и свои национальные особенности и традиции, а в некоторых государствах вообще отсутствует институт алиментных обязательств.

Список литературы

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 06.02.2020) // Российская газета. 27.01.1996. № 17.
2. Кацман Р. Отмена обязанности по выплате алиментов из-за отказа жены принять развод // Мост. 14.07.2005. № 298. – С. 14.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 № 56 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2018. №4.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.10.1996 № 9 «О применении судами Семейного кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел об установлении отцовства и о взыскании алиментов» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1997. № 1 (утратило силу).

УДК 343.3/7

Серебrenникова А.В.

профессор, д.ю.н.

МГУ им. М.В. Ломоносова

Г. Москва Российская Федерация

ORCID: 0000-0002-1064-4171

[DOI: 10.24412/2520-2480-2020-2880-56-61](https://doi.org/10.24412/2520-2480-2020-2880-56-61)

ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СВЯЗИ С ВОЗМЕЩЕНИЕМ УЩЕРБА: ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ В ОТНОШЕНИИ НАЛОГОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ (СТ.76.1 УК РФ)

Serebrennikova A.V.

Doctor of law, Professor of criminal law and criminology

Moscow state University. M. V. Lomonosov

Russia, Moscow

ORCID: 0000-0002-1064-4171

EXEMPTION FROM CRIMINAL LIABILITY IN CONNECTION WITH COMPENSATION FOR DAMAGES: THE PRACTICE OF APPLYING TAX CRIMES (ARTICLE 76.1 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)

Аннотация.

В статье дается уголовно-правовая оценка института освобождения от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба за совершение налоговых преступлений. Определяя особенности сравнительного нового основания для освобождения от уголовной ответственности, воплощенного в ст. 76.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, автор акцентирует внимание на недостаточности мер, принятых законодателем в этом вопросе, спорности и непоследовательности отдельных нормативных предписаний. Отдельное внимание автор уделяет практике использования данного основания в сфере совершения налоговых преступлений.

Abstract.

The article provides a criminal-legal assessment of the institution of exemption from criminal liability in connection with compensation for damage for the commission of tax crimes. Defining the features of the comparative new basis for exemption from criminal liability, embodied in Art. 76.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, the author focuses on the insufficiency of the measures taken by the legislator in this matter, the controversy and inconsistency of certain regulatory prescriptions. The author pays special attention to the practice of using this basis in the field of committing tax crimes.

Ключевые слова: уголовная политика, освобождение от уголовной ответственности, возмещение ущерба, налоговые преступления.

Key words: criminal policy, exemption from criminal liability, compensation for damage, tax crimes.

Экономическая сфера, несмотря на то, что современное представление о её функционировании может формироваться исключительно с учетом вносимых преобразований, между тем, представляет собой сложный социальный институт, включающий в себя не только алгоритмы реализации прав субъекта коммерческой деятельности, к примеру, на справедливое налоговое бремя, но и различные механизмы воздействия на его волю, при условии, что предоставленная возможность исполнения обязанностей положений закона или договора со стороны последнего оказывает пагубное влияние на основы общественного регулирования.

Анализ вопроса должного исполнения своих обязанностей в сфере предпринимательства и коммерческого интереса с различных позиций (обоснованности, своевременности, соразмерности и др.) нередко приводит исследователей к пониманию о необходимости защиты функционирования экономики, что, как следствие, сводится к формированию не просто новых правил регулирования указанной сферы, но и к последовательному созданию со стороны законодателя различных санкционных механизмов, направленных на защиту интересов её участников [10, с.266]. Это представляется закономерным с позиции того, что современная отечественная бюджетная сфера, логично находясь в ощутимой зависимости от продуктивности налоговых сборов, большая часть которых приносит именно коммерческая деятельность, де-факто, пока еще не обладает достаточной устойчивостью в вопросах предотвращения негативного влияния на предпринимательство в целом; слабое развитие малого и среднего бизнеса, низкий уровень трудовой активности населения, а также недостаточность мер, принимаемых самим государством в вопросе реализации политики трудоустройства, сводит старания работников государственных органов к политике давления, чем вынуждает законодателя вносить постоянные коррективы в законодательство об ответственности за неправомерные деяния в указанной среде.

Несмотря на то, что за последние пять лет, как показывает статистическая отчетность, процент количества преступлений в сфере экономической деятельности неуклонно снижается, в то же время, уровень преступности в указанной сфере признается одним из самых устойчивых, а следовательно вопросы её регуляции остаются одними из злободневных. Так, количество преступлений в экономи-

ческой сфере в 2015 году составило около 102 тысяч, в то время как за аналогичный период 2019 года, их число снизилось до 96 тысяч [17].

Вместе с тем, представители государственных органов, осознавая, что современная экономическая модель – это, прежде всего, успешная бизнес-конструкция, которая не может успешно функционировать без института предпринимательства и сопутствующих рисков, заложенных в основу его успешного развития, создают условия для её успешного функционирования не только посредством совершенствования основ законодательства в сфере налогов и сборов, разработки льготных программ субсидирования и кредитования различных сфер бизнеса, но и путем совершенствования механизмов ответственности за допущенные нарушения правил ведения экономической деятельности, в том числе за счет исключения санкционных мер со стороны государства, при условии, что негативные последствия такой деятельности могут быть устранены самим нарушителем добровольно и своевременно.

Так, одним из примеров реализации такого подхода стало принятие в 2011 году поправок [4] в Общую часть Уголовного Кодекса РФ (далее по тексту – УК РФ) [2], в части введения нормы, предусматривающей новое основание для освобождения от уголовной ответственности при совершении отдельных видов преступлений в сфере экономической деятельности (76.1 УК РФ – «Освобождение от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба»).

Оперативность принятия данных поправок, по мнению некоторых исследователей, была обусловлена уже имеющейся научной позицией, подкрепленной, с одной стороны, продуктивностью принятия аналогичных мер в других развитых странах, с другой стороны – тем, что инициатором данного законопроекта выступила Администрация Президента РФ [12, с.81].

Нужно отметить, что дополнение уголовного закона новым основанием освобождения от уголовной ответственности повлекло за собой дополнение положений процессуального законодательства статьей 28.1 УПК РФ [3], предусматривающей прекращение уголовного преследования по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности, а также значимые последствия в виде создания новых механизмов защиты прав предпринимателей при избрании в отношении последних меры пресе-

чения (ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ), и, по мнению законодателя, исключающих возможность в отношении них же незаконного (необоснованного) уголовного преследования. Кроме всего прочего, данная инициатива была направлена на исключение негативных тенденций в вопросах формирования привлекательного делового климата в стране, а также своеобразных рисков, сопутствующих предпринимательской деятельности.

Однако, поспешность в вопросе существующей необходимости реагирования, привела к разногласиям исследователей и правоприменителей в части того, как именно использовать такие основания на практике, учитывая, что законодателем не был учтен ряд моментов общего и специального характера, с одной стороны, наглядно указывающих на несовершенство законодательных изменений, с другой, на значительность регулируемой сферы, где нарушитель закона может самостоятельно принимать меры к их устранению последствий.

Учитывая, что допустимость такой меры влечет за собой освобождение от ответственности прежде всего лиц, которыми указанные преступления были совершены впервые, представляется несколько странным, что указанными нововведениями не были учтены диспозиции тех уголовно-правовых норм, ответственность по которым значительно ниже тех, которые были включены в установленный ст.76.1 УК РФ перечень.

В частности, одной из причин, по которой мнения исследователей в этом вопросе разделились, стало невключение в уголовный закон тех составов преступлений, последствия по которым в виде причиненного вреда по своей природе аналогичны с другими, но, в то же время, размер санкций за их совершение значительно ниже. Так, например, в данный перечень не были включены общие составы мошенничества (ч.ч. 1-4 ст. 159 УК РФ), которые по аналогии с такими составами преступлений, как мошенничество в кредитной сфере (ч.1 ст.159.1 УК РФ), а также мошенничество в сфере выплат (ч.1 ст.159.2 УК РФ), имеют одинаковый родовой объект, и наказание за совершение которых значительно ниже, чем за совершение указанных преступлений [11, с.20].

Отдельного внимания заслуживает вопрос частичной безальтернативности санкционных мер, применяемых при определении вида и размера вида наказания. С учетом последних изменений, существующая редакция нормы 76.1 УК РФ предусматривает возмещение ущерба в полном объеме потерпевшему и перечисление в двукратном размере суммы ущерба либо дохода, полученного в результате совершения преступления в бюджет государства. Полагаем, что такая мера должна носить более «гибкий», диспозитивный характер, иначе её применение, в том смысле, в каком она задумана законодателем, обречено на провал. С учетом того, что размеры причиненного вреда по ч.ч. 5 – 7 ст. 159 УК РФ (крупный и особо крупный) представляются достаточно существенными (в части особо крупного размера он достигает в 12 миллионов рублей), императивное указание на обязанность уплатить

двукратный размер ущерба, создаст предпосылки к тому, что нарушителю будет проще понести наказание за содеянное. То есть, в случае с осуществлением незаконного предпринимательства преступник может нанести ущерб до суммы в 3 миллиона рублей, и для того, чтобы освободиться по основанию ст. 76.1 УК РФ должен помимо возмещения ущерба внести в доход государства сумму в размере еще 6 миллионов, в то время, как наряду с лишением свободы альтернативными санкциями за совершение указанной нормы являются: штраф - до трехсот тысяч рублей или доход осужденного за последние два года, а также обязательные работы, срок который может быть совсем незначительным (до четырехсот восьмидесяти часов). Естественно, что многие, признав вину, предпочтут после нанесения серьезного ущерба не платить, а быть привлеченным к уголовной ответственности. А учитывая, что дела по таким статьям отнесены к делам частного обвинения, вопросы уголовного преследования могут разрешаться крайне неэффективно. Подтверждением этому служит позиция Пленума Верховного суда, выраженная в одном из постановлений, и указывающая, что судам при разрешении вопросов, в порядке ст. 125 УПК РФ следует учитывать, что законность возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица, к примеру, по преступлениям, предусмотренным частями 5 - 7 статьи 159 УК РФ, соблюдается только при условии заявления от потерпевшего с указанием на признаки именно мошенничества, содержащиеся в действиях первого [6]. Примером чего является решения, выносимые судами общей юрисдикции. Так, решением апелляционной коллегии Рязанского областного суда № 2-27/2020 от 28.06.2020 года было отменено решение Московского районного суда г.Рязани от 13.03.20 года, в котором рассматривалась жалоба, поданная в порядке 125 УПК РФ в части необоснованности возбуждения уголовного дела в отношении руководителя ООО «ГазСтройИнвест» Р.В. Серегина. Суд, изучив материалы дела, и отменяя решение нижестоящей судебной инстанции, указал, что дела, предусмотренные ч.ч. 5-7 ст.159 УК РФ согласно положениям уголовно-процессуального законодательства, а также установленной позиции Верховного суда РФ относятся к делам частного-публичного обвинения и должны возбуждаться не иначе как по заявлению потерпевшей стороны, и не иначе как при указании на конкретное противоправное действие [6].

Кроме того, согласно позиции высшей судебной инстанции, изложенной в результате анализа исполнения положений норм, освобождающих от ответственности за преступления в сфере предпринимательской и экономической деятельности, одним из требований к судам является необходимость обсуждать возможность применения лицам, признанным виновными в совершении таких преступлений, более мягких наказаний [8].

Отдельным недостатком законодательного регулирования при применении рассматриваемого

основания стало то, что в статье 76.1 УК РФ не конкретизирован круг лиц, обязанных нести непосредственное бремя возмещения ущерба, а также производства установленных выплат в доход государства, при условии, что субъектом предпринимательской деятельности (в случае инкриминирования ч. 4 ст. 159 УК РФ) является юридическое лицо, управление которым возложено на коллегиальный орган. Справедливо возникает вопрос о правильности использования такого основания на практике, если ущерб может быть возмещен за счет средств юридического лица, несмотря на то, что вина лежит на конкретном исполнителе принятия решений, и что, в свою очередь, не является препятствием для освобождения такого лица от установленной ответственности.

Рассматривая вопросы такого характера, Верховный суд РФ указал, что по просьбе лица, совершившего преступление, или на основании его добровольного согласия и одобрения, возмещение или заглаживание вреда может быть произведено иными лицами, при доказанном условии того, что виновный самостоятельно уплатить установленные законом суммы не в состоянии.

Отдельное внимание было привлечено к практике использованию данного основания при совершении преступлений в сфере налогообложения, в частности, перспективы её применения затрагивали положения ст.ст. 198 - 199.1, 199.3, 199.4 УК РФ, ответственность по которым, согласно ч. 1 ст. 76.1 УК РФ, не наступает для лиц, впервые совершивших указанные деяния, а также при обязательном условии, что ущерб, причиненный действиями таких лиц в результате преступления, на момент вынесения решения о виновности, возмещен в полном объеме.

Здесь, практика применения рассматриваемого основания, по сути, сталкивается с теми же самыми вопросами. К примеру, таким же неконкретизированным остается вопрос определения тех лиц, которые по закону имеют право возместить вред, причиненный действиями налогоплательщика. По нашему мнению, нельзя согласиться с тем, что обязанность возместить вред может быть реализована любым лицом, в том числе и тем, которое не имеет отношения к совершенному деянию. По нашему мнению, такой подход в разрешении вопросов, связанных с регулированием налоговых отношений противоречит логике самой инициативы внедрения ст. 76.1 УК РФ. Здесь, логика законодателя изначально строилась на формировании в субъекте налогового права позитивных и ответственных качеств, выражающихся в его ответственном поведении, в особенности, в части сохранности бюджетных средств. Следовательно, основной акцент регулирования должен делаться на действие самого виновника, так как правовое стимулирование подразумевает под собой ответное действие вызвано определенной заслугой [13, с.375]. Закономерным подтверждением чему служит Постановление № 1-56/2020 1-935/2019 от 11 февраля 2020 г. по делу № 1-56/2020, вынесенное Выборгским районным судом Санкт-Петербурга о прекращении уголовного

дела в отношении директора ООО «Союз» Е.Н. Разувалова, признанного виновным в совершении преступления, предусмотренных ст.199 УК РФ на основании ст.76.1 УК РФ, - в связи с неуплатой налоговых отчислений за период 2017 года, произведенных с согласия Разувалова, на момент вынесения настоящего Решения, другим лицом. Этим же решением Разувалов, несмотря на то что не им подавались ложные сведения о налоговой отчетности, был признан виновным в совершении вышеуказанного налогового преступления [17].

Вместе с тем, позиция, отраженная в п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 19 от 27 июня 2013 года [6], где говорится о том, что такой порядок добровольного возмещения вреда распространяется и на налоговые отношения, служит доказательством того, что заложенная законодателем цель регулирования отходит на задний план, отдавая приоритет пополнению бюджета любыми способами.

Немаловажно будет отметить, что на данный момент возникают трудности, связанные с особенностями толкования примечаний к статьям 198-199.1 УК РФ, где уже содержатся указания на возможность освобождения от ответственности, и определяющие размеры ущерба, подлежащего возмещению. Нужно заметить, что особенностью данных примечаний стало то, что, несмотря на включение оснований, предусмотренных ст. 76.1 УК РФ в Общую часть УК РФ, их действие не имеет приоритета над теми, которые заложены законом в указанных статьях его Особенной части. Доказательством такого приоритета являются относительно недавние изменения действующего уголовного законодательства, затронувшие содержание таких примечаний [5], последствием которых стала соответствующая судебная практика. Так, решением Оренбургского областного суда решение Александровского районного суда, рассматривающего уголовное дело в части уклонения от уплаты налогов со стороны физического лица, было отменено, поскольку судом неверно были применены положения действующего законодательства в части исчисления размеров сумм, необходимых к выплате при реализации права, предусмотренного ст. 76.1 УК РФ [14].

Сложно понять, - для чего собственно законодателю изначально понадобилось вводить такое «дублирование», однако можно предположить, что оно стало либо следствием технической ошибки, которая, по всей видимости, может быть устранена в дальнейшем путем исключения из положений ст. ст. 198-199.1 УК РФ вышеуказанных оснований, либо это стало следствием выражения желания представительного органа акцентировать внимание правоприменителя в практике на приоритете «налоговых» норм, как положений, формирующих одну из основных конституционных обязанностей гражданина (ст. 57 Конституции РФ [1]). Доказательством устойчивости приведенной позиции является решение Верховного суда РФ, которое нашла свое выражение в том, что вопрос о наличии оснований, предусмотренных ст. 76.1 УК РФ в конкретном

налоговом преступлении должен разрешаться судами с учетом именно тех примечаний, которые являются составной частью ст. ст. 198 - 199.1 УК РФ. Кроме того, судам следует быть внимательными при определении признаков указанных деяний. К примеру, лицо, совершившее такое преступление вправе признаваться впервые его совершившим при условии, что на момент принятия процессуального решения о виновности, не имеет неснятую или непогашенную судимость по той статье, от ответственности по которой оно освобождается [9]. Также, на формирование оснований для освобождения от ответственности за налоговые преступления не может влиять форма вины и виды соучастия. Ходатайство об освобождении от ответственности на основании ст. 76.1 УК РФ может быть заявлено в ходе судебного рассмотрения непосредственно теми, кто является обвиняемыми по делу. Так, на основании положений ст. 76.1 УК РФ Октябрьским районным судом г. Иркутска подсудимые Петров А.А. и Ушакова М.В. были освобождены от уголовной ответственности, так как возместили ущерб, причиненного бюджетной системе РФ в полном объеме, о чем в суде ими было заявлено соответствующее ходатайство [15].

Не менее важный вопрос, который был более детально отражен в приведенном Постановлении, касается определения субъекта налоговых преступлений и оснований для освобождения от такой ответственности, если, положим, ситуация складывается таким образом, что организация оформлена на одно лицо, а фактически руководит ею другое лицо. В соответствии с указаниями Верховного суда РФ фигурантом дела может оказаться именно тот, кто управляет, а не номинальный налогоплательщик.

Подводя итог проведенному анализу, можно отметить определенную тенденцию в том, что институт освобождения от уголовной ответственности в вопросах регуляции экономических отношений продолжает пополняться новыми основаниями. С одной стороны, законодатель, преследуя цель максимально продуктивно влиять на отношения между государством и бизнесом, старается избавить последних от неблагоприятных последствий, связанных с привлечением к уголовной ответственности, оставляет за государством право считать нарушения в указанной сфере крайне негативными для бюджетной сферы. В свою очередь, судебная деятельность в указанной области, детализируя последствия использования приведенного основания на практике, свидетельствует о том, что упомянутая тенденция может продолжить свое развитие, и с учетом последующего совершенствования может стать работоспособным инструментом гуманизации уголовного закона.

Список использованной литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками

от 14.03.2020 опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. N 25. ст. 2954.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Собрание законодательства РФ. 24.12.2001. N 52 (ч. I). ст. 4921.

4. Федеральный закон от 07.12.2011 N 420-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 12.12.2011. N 50. ст. 7362.

5. Федеральный закон от 01.04.2020 N 73-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 28.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 06.04.2020. N 14 (часть I). ст. 2003.

6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 N 19 (ред. от 29.11.2016) «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» // Российская газета. N 145. 05.07.2013.

7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2016 N 48 (ред. от 11.06.2020) «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» // Российская газета. N 266. 24.11.2016.

8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 03.10.2017 N 33 «О ходе выполнения судами Российской Федерации постановления Пленума ВС РФ от 15 ноября 2016 года N 48 "О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» // Российская газета. N 232. 13.10.2017.

9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.11.2019 N 48 «О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления» // Российская газета. N 276. 06.12.2019.

10. Великанова Т.С., Горнова Н.В. Влияние экономических преступлений на экономическую безопасность страны. Экономика и социум. 2020. № 3 (70). С. 265-268.

11. Власенко В.В. Социальная обусловленность норм, устанавливающих освобождение от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности. В сборнике: Актуальные проблемы современного права и криминологии. Материалы международной научно-практической конференции. ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет». 2015. С. 18-22.

12. Соловьев О.Г., Князьков А.А. Освобождение от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности. Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 7. С. 80-82.

13. Сумароков А.И., Сумарокова Н.А. Формирование правового поведения граждан России на современном этапе. Вестник МНЭПУ. 2019. Т. 1. № 5. С. 374-375.

14. Решение Оренбургского областного суда №23-2/2020 от 23.05.2020 года // Документ опубликован не был. (Обзор судебной практики Оренбургского областного суда РФ по итогам апелляционного рассмотрения коллегией по уголовным делам за II квартал 2020 года).

15. Постановление № 1-408/2019 от 12 декабря 2019 г. по делу № 1-408/2019 // [Электронный

ресурс]. Сайт «Судебные и нормативные акты РФ». Доступ: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 24.09.2020).

16. Решение Рязанского областного суда № 2-27/2020 от 28.06.2020 года по делу № 2-309/2020 // Документ опубликован не был.

17. Постановление № 1-56/2020 1-935/2019 от 11 февраля 2020 г. по делу № 1-56/2020 // [Электронный ресурс]. Сайт «Судебные и нормативные акты РФ». Доступ: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 24.09.2020).

18. Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ. [Электронный ресурс]. Доступ: http://www.crimestat.ru/offenses_chart (дата обращения: 23.09.2020).

УДК 340

Сінько О. А.

Київський Національний університет імені Тараса Шевченка

РЕФОРМУВАННЯ ЗАКОНОДАВСТВА УКРАЇНИ ПІД ЧАС ПАНДЕМІЇ

Sinko O.

Taras Shevchenko National University of Kyiv

REFORMATION OF UKRAINIAN LEGISLATION DURING THE PANDEMIC

Аннотація

В статті досліджується питання законодавчих реформ, які вводяться в дію в законодавстві України. Автор акцентує увагу на найбільш значимих нововведеннях і серед них виділяє можливість проведення судових засідань в онлайн конференції.

Abstract.

The article examines the issue of legislative reforms that are introduced into the current legislation of Ukraine. The author focuses on the most significant innovations and among them highlights the possibility of holding court hearings in the online conference.

Ключевые слова: *судебное исполнение, судья, карантин, судебное заседание, жизнь, здоровье, личность.*

Keywords: *judicial execution, judge, quarantine, court session, life, health, personality.*

У зв'язку з поширенням коронавірусної хвороби (COVID-19), було запроваджено чисельну кількість змін, що не обминули жодної сфері людської життєдіяльності та всього людства. Суспільство зіткнулось із новою проблемою, питання про розв'язання якої до цього моменту не поставало. Актуальність даної теми полягає в необхідності дослідити та проаналізувати зміни кримінального процесуального законодавства, що були внесені протягом 2020 року.

Законом України від 30.03.2020 № 540-IX «Про внесення змін до деяких законодавчих актів України, спрямованих на забезпечення додаткових соціальних та економічних гарантій у зв'язку з поширенням коронавірусної хвороби (COVID-19)», у редакції від 24.06.2020, було передбачено ряд доповнень, а саме частину другу статті 27 Кримінального процесуального кодексу (далі- КПК), що розкриває принцип гласності та відкритості судового

провадження, було викладено в новій редакції, відтепер слідчий суддя, суд може прийняти рішення про обмеження доступу осіб, які не є учасниками судового процесу, до судового засідання під час карантину, що встановлено Кабінетом Міністрів України відповідно до Закону України "Про захист населення від інфекційних хвороб", якщо участь в судовому засіданні становитиме загрозу життю чи здоров'ю особи.

Законом України від 13.04.2020 № 558-IX «Про внесення змін до пункту 20-5 розділу XI "Перехідні положення" Кримінального процесуального кодексу України щодо особливостей судового контролю за дотриманням прав, свобод та інтересів осіб у кримінальному провадженні та розгляду окремих питань під час судового провадження на період дії карантину, встановленого Кабінетом Міністрів України з метою запобігання поширенню коронавірусної хвороби (COVID-19)» зазначено, що

наведені в ньому положення мають тимчасовий характер на період дії карантину, встановленого Кабінетом Міністрів України з метою запобігання поширенню на території України коронавірусної хвороби (COVID-19), і встановлюють особливості судового контролю лише за дотриманням прав, свобод та інтересів осіб у кримінальних провадженнях та розгляду окремих питань під час судового провадження.

Серед найбільш значущих нововведень можна виділити наступні: можливість проведення судових засідань в режимі он-лайн конференції; у випадку неможливості визначити слідчого суддю в конкретному суді, передбачені правила передачі справи на розгляд до іншого суду; подовжено термін подачі клопотання про продовження строку тримання під вартою. Отже, охарактеризуємо детальніше вищенаведені зміни, по-перше, в разі неможливості визначити слідчого суддю у відповідному суді (крім Вищого антикорупційного суду) місцевий суд вносить вмотивоване подання про передачу клопотання, яке має розглядатися слідчим суддею, для розгляду до іншого суду в межах юрисдикції одного суду апеляційної інстанції або до іншого суду в межах юрисдикції різних апеляційних судів, не пізніше 24 годин з моменту надходження такого подання, головою відповідного суду апеляційної інстанції (головою Касаційного кримінального суду Верховного Суду у разі передачі між судами в межах юрисдикції різних апеляційних судів) розглядається питання про передачу клопотання на розгляд до іншого суду, про що постановляється відповідна ухвала. В разі неможливості у визначений КПК строк суддею (колегією суддів) розглянути клопотання про обрання або продовження запобіжного заходу у вигляді тримання під вартою, крім клопотання, поданого на розгляд до Вищого антикорупційного суду, воно може бути передано на розгляд до іншого судді, визначеного в порядку, встановленому частиною третьою статті 35 КПК, або розглянуто головою, а за його відсутності - іншим суддею зі складу колегії суддів, якщо справа розглядається колегіально, або може бути передано для розгляду до іншого суду в межах юрисдикції одного суду апеляційної інстанції або до суду в межах юрисдикції різних апеляційних судів в порядку, передбаченому абзацом шостим цього пункту.

Питання про передачу на підставі абзацу п'ятого даного Закону клопотання про обрання або продовження запобіжного заходу у вигляді тримання під вартою для розгляду до іншого суду вирішується головою відповідного суду апеляційної інстанції (головою Касаційного кримінального суду Верховного Суду в разі передачі між судами в межах юрисдикції різних апеляційних судів) за вмотивованим поданням місцевого суду (суду апеляційної інстанції) невідкладно, але не пізніше 24 годин з моменту надходження такого подання, про що постановляється відповідна ухвала.

Розгляд питань, віднесених до повноважень слідчого судді, суду (крім розгляду клопотання про обрання запобіжного заходу у вигляді тримання під

вартою) за його рішенням, прийнятим з власної ініціативи або за клопотанням сторони кримінального провадження, може бути проведено у режимі відео-конференції, про що повідомляються сторони кримінального провадження у порядку, визначеному статтею 135 КПК. Слідчий суддя, суд не має права прийняти рішення про проведення судового засідання щодо розгляду клопотання про продовження строку тримання під вартою у режимі відео-конференції, в якому поза межами приміщення суду перебуває підозрюваний (обвинувачений), якщо він проти цього заперечує.

Під час досудового розслідування та під час судового розгляду клопотання про продовження строку тримання під вартою подається не пізніше ніж за десять днів до закінчення дії попередньої ухвали про тримання під вартою.

Варто зазначити про ще одну важливу зміну, що була внесена до КПК Законом України від 21.07.2020 № 817-IX «Про внесення змін до Кримінального процесуального кодексу України щодо здійснення кримінального провадження в суді першої інстанції колегією суддів». Як повідомляє Інформаційне управління Апарату Верховної Ради України, документ спрямований на розвантаження судів України від розгляду значної кількості кримінальних проваджень колегіями у складі трьох суддів, що надасть можливість пришвидшити розгляд кримінальних проваджень в судах першої інстанції, зменшить кількість кримінальних справ, які передаються із одного суду до іншого у зв'язку з неможливістю сформувати колегію суддів, що в цілому покращить якість доступу громадян до правосуддя.

Законом внесено зміни до ч. 2 ст. 31 та доповнено ч. 4 ст. 315 КПК. Цими змінами зменшується кількість кримінальних проваджень, за якими передбачається можливість розгляду колегією суддів. Законом встановлено, що кримінальне провадження в суді першої інстанції щодо злочинів, за вчинення яких передбачено покарання у виді позбавлення волі на строк більше десяти років, здійснюється колегіально судом у складі трьох суддів лише за клопотанням обвинуваченого. Кримінальне провадження стосовно кількох обвинувачених здійснюється колегіально судом у складі трьох суддів стосовно всіх обвинувачених, якщо хоча б один із них заявив клопотання про такий розгляд. Суд роз'яснює обвинуваченому у вчиненні злочину, за який передбачено покарання у виді позбавлення волі на строк більше десяти років, право заявити клопотання про розгляд кримінального провадження стосовно нього колегіально судом у складі трьох суддів.

Як висновок, зважаючи на все вищесказане, можна стверджувати, що у 2020 році було прийнято чимало важливих змін, що в подальшому так чи інакше вплинуть на кримінальне провадження. Деякі з цих змін мають тимчасовий характер - можливість проведення судових засідань в режимі конференції; у випадку неможливості визначити слідчого суддю в конкретному суді, передбачені правила передачі справи на розгляд до іншого суду. Інші ж мають постійний характер, наприклад доповнили статтю 27

КПК, що розкриває принцип гласності та відкритості судового провадження, та повного фіксування технічними засобами судового засідання і процесуальних дій.

Список літератури

1. Кримінальний процесуальний кодекс. URL: <https://zakon.rada.gov.ua>.
2. Закон України від 30.03.2020 № 540-IX «Про внесення змін до деяких законодавчих актів України, спрямованих на забезпечення додаткових соціальних та економічних гарантій у зв'язку з поширенням коронавірусу [...]». URL: <https://zakon.rada.gov.ua>.
3. Закон України від 13.04.2020 № 558-IX «Про внесення зміни до пункту 20-5 розділу XI "Перехідні положення" Кримінального процесуального кодексу України щодо особливостей судового контролю за [...]». URL: <https://zakon.rada.gov.ua>.
4. Закон України від 21.07.2020 № 817-IX «Про внесення змін до Кримінального процесуального кодексу України щодо здійснення кримінального провадження в суді першої інстанції колегією суддів». URL: <https://zakon.rada.gov.ua>.
5. Прийнято закон, який дозволить розвантажити суди першої інстанції URL: <https://court.gov.ua>.

6. Теремцова Н.В. (2011) Теоретико-правові проблеми розширення Європейського Союзу: сучасний стан та перспективи. Юрид. вісн. повітр. і косм. право. 1. 51-53.

7. Теремцова Н.В. (2013) Соціологія права: питання правотворчого процесу в Україні; проблема та шляхи подолання. OUR LAW 6, 13-18.

8. Теремцова Н.В. (2019) Критерії поділу права на приватне і публічне. Соціологія права. 1-2 (26-27). 129-134.

9. Теремцова Н.В. (2014) Теоретичне питання про право та фізичну недоторканість. Матеріали доповідей укладено за матеріалами міжнародної науково-практичної конференції «Права та свободи людини і громадянина: механізм їх реалізації та захисту різними галузями права». – м. Братислава, Словацька Республіка, 19-20 вересня 2014 р. Вид: Паневропська висока школа, факультет права. – м. Братислава, Словенська Республіка. – С. 110- 112.

10. Teremtsova N. (2017) The main types understanding to legal liability: the theoretical aspect. European Perspectives (Politics, Economics, Law) 1. 12-18. Teremtsova, N. (2019). The problem of differentiation between private and public law. Journal Transition Studies Review, 26(2), 15-22. Index Scopus 2019 International ISSN: 1614-4007

УДК: 347.77 / .78

Стройко Ірина Анатоліївна

Аспірант Київського університету права НАН України

Заступник Генерального директора з юридичних питань ТОВ «КВАРТАЛ 95»

Адвокат

ORCID: 0000-0003-4764-0083

[DOI: 10.24412/2520-2480-2020-2880-63-69](https://doi.org/10.24412/2520-2480-2020-2880-63-69)

СТРОК ДІЇ СУМІЖНИХ ПРАВ НА ПРОГРАМУ ОРГАНІЗАЦІЇ МОВЛЕННЯ У КОНТЕКСТІ ЦИФРОВІЗАЦІЇ І РОЗВИТКУ НОВИХ ТЕХНОЛОГІЙ

Stroyko I.A.

Ph.D. candidate of the Kyiv University of Law of the National Academy of Sciences of Ukraine

Deputy General Director for Legal Matters of Limited Liability Company "KVARTAL 95"

Attorney-at-Law

ORCID: 0000-0003-4764-0083

TERM OF PROTECTION OF RELATED RIGHTS IN THE PROGRAMME OF A BROADCASTING ORGANIZATION IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION AND DEVELOPMENT OF NEW TECHNOLOGIES

Анотація.

Метою цієї статті є виявлення проблемних питань у правовому регулюванні строку охорони суміжних прав мовників і розробка пропозицій і рекомендацій стосовно модернізації законодавства у цьому напрямку на національному і міжнародному рівнях. Автор аналізує положення Міжнародної конвенції про охорону прав виконавців, виробників фонограм і організацій мовлення (Римської конвенції), Угоди про торговельні аспекти прав інтелектуальної власності (Угоди ТРІПС), Рішення № 351 «Загальні положення про авторське право і суміжні права» Субрегіональної інтеграційної угоди (Картахенської угоди), Європейської угоди про захист телемовлення та Протоколу до цієї Угоди у частині регулювання строку охорони суміжних прав мовників. Вона відмічає прогресивні норми законодавства Європейського Союзу у цій сфері. Автор показує різну тривалість строків охорони суміжних прав на програму організації мовлення за національним законодавством України і зарубіжних країн. Вона досліджує необхідність поширення правової охорони на сигнали до моменту їхнього публічного сповіщення ("pre-broadcast signals") та уточнення моменту, з якого має вестися обчислення строку охорони. Беручи до уваги процес цифровізації і розвиток новітніх технологій, строк охорони суміжних прав мовників має бути модернізовано таким чином, щоб врахувати нові способи поширення програм, включаючи, зокрема, у IPTV-мережах і Інтернет.

Автор визнає необхідність встановлення уніфікованого збільшеного мінімального строку охорони суміжних прав організацій мовлення у проекті нового Договору ВОІВ про охорону організацій мовлення.

Abstract.

The aim of this Article is identification of the problems in the legal regulation of the term of protection of related rights of broadcasters and development of proposals and recommendations on modernization of the legal framework on this issue at the national and international levels. The author analyzes the provisions of the Convention for the Protection of Performers, Producers of Phonograms and Broadcasting Organizations (the Rome Convention), Agreement on Trade-Related Aspects of Intellectual Property Rights (the TRIPS Agreement), Decision No. 351 “Common Provisions on Copyright and Neighboring Rights” of Subregional Integration Agreement (Cartagena Agreement), European Agreement on the Protection of Television Broadcasts and Protocol to this Agreement with regard to the term of protection of the related rights of broadcasting organizations. She draws attention to the progressive norms of the legislation of the European Union in this field. The author reveals various duration of the related rights in the broadcaster’s programme under the local legislation of Ukraine and foreign countries. She explores the necessity of expansion of legal protection for pre-broadcast signals and clarification of the moment, from which the term of the protection is calculated. Taking into account the process of digitalization and development of new technologies, the term of protection of related rights of broadcasters should be adopted to cover new means of dissemination of programmes, including in particular via IPTV networks and Internet. The author recognizes the necessity of determination of the unified enhanced minimum term of the protection of related rights of broadcasters in the new draft WIPO Treaty for the Protection of Broadcasting Organizations.

Ключові слова: *строк охорони, організація мовлення, публічне сповіщення, трансляція, ретрансляція, програма, суміжні права, цифровий порядок денний, Інтернет, сигнал до моменту його публічного сповіщення*

Key Words: *term of protection, broadcasting organization, broadcast, transmission, retransmission, programme, related rights, digital agenda, Internet, pre-broadcast signal*

Перехід на цифрові стандарти мовлення, вивчення телебачення високої (High Definition Television) і надвисокої чіткості (Ultra High Definition Television), триваючі процеси конвергенції аудіовізуальних медіа, телекомунікацій та ІТ-сектору спричиняють серйозні зміни у способах споживання традиційного телебачення, сприяють виникненню і стрімкому поширенню нових аудіовізуальних медіа-послуг, зокрема послуг відео-на-замовлення (“video-on-demand services”), і призводять до трансформації бізнесових моделей в аудіовізуальному секторі у глобальному вимірі.

За таких умов особливої ваги набуває уніфікований підхід до кожного елементу надаваної організаціям мовлення правової охорони, зокрема строку охорони суміжних прав мовників.

Як зазначає у своїй доповіді «Майбутнє медіа» (“Future of Media”) колишній Віце-Президент Європейської Комісії, відповідальна за цифровий порядок денний, Нілі Кроуз (“Neelie Kroes”), цифровий світ стирає межі між такими секторами, як медіа, телекомунікації та інформаційно-комунікаційні технології. За її словами, звичайні люди звикли споживати будь-які медіа-сервіси будь-де на будь-якому пристрої. [12, с. 1]

Генеральний директор Всесвітньої організації інтелектуальної власності (ВОІВ) представив «Цифровий порядок денний ВОІВ» на останній сесії організованої ВОІВ Міжнародної конференції з електронної комерції та інтелектуальної власності (“International Conference on Electronic Commerce and Intellectual Property”), що проходила у місті Женеві з 14 по 16 вересня 1999 року. Відповідно до Додатку № 1 до цього документу, ВОІВ має намір переглянути міжнародне правове регулювання з метою полегшення здійснення електронної торгівлі

(“e-commerce”), зокрема, шляхом адаптації прав мовників до цифрової ери. [15]

Група розробників Зеленої книги Європейської комісії «Авторське право і суміжні права в інформаційному суспільстві» (“Copyright and Related Rights in the Information Society”) від 19 липня 1995 року виражає впевненість, що охорона права інтелектуальної власності має відповідати новим викликам глобалізації та мультимедіа і повинна мати найвищий пріоритет на обох Європейському і міжнародному рівнях. [8, с. 6]

Як зазначається у пункті 3.2 «Система медіа у 21-му столітті» (“A media framework for the 21st century”) Повідомлення Комісії для Європейського парламенту, Ради, Європейського економічного і соціального комітету і Комітету регіонів розвитку «Стратегія Цифрового єдиного ринку для Європи» від 6 травня 2015 року, аудіовізуальний ландшафт зазнає впливу через технологічні зміни і розвиток нових бізнесових моделей для дистрибуції контенту. Користувачі отримують доступ до аудіовізуального контенту за допомогою мережі Інтернет великою кількістю способів, і портативні пристрої (такі як смартфони) змінюють глядацьку поведінку. [1, с. 10]

У пункті 2.4 Повідомлення Комісії визнається необхідність модернізації Директиви ЄС про супутникове і кабельне мовлення 93/83/ЄС від 27 вересня 1993 року [3] з тим, щоб оцінити необхідність поширення її дії на трансляції програм мовників онлайн та застосування подальших заходів для забезпечення удосконаленого трансграничного доступу до програмних послуг мовників у Європі.

Вказані питання були пізніше врегульовані шляхом прийняття Директиви (ЄС) 2019/789 Європейського парламенту і Ради від 17 квітня 2019

року, що встановлює застосування положень авторського права і суміжних прав щодо окремих онлайн-нових трансляцій організацій мовлення і ретрансляції радіо- і телепрограм і доповнює Директиву Ради 93/83/ЄЕС. [5]

Кабінет Міністрів України своїм Розпорядженням від 17 січня 2018 року № 67-р схвалив Концепцію розвитку цифрової економіки та суспільства України на 2018-2020 роки, відповідно до якої з метою подолання цифрового розриву, створення основ цифрової економіки, реалізації нових можливостей бізнесом та громадянами Кабінет Міністрів України зосереджується на розвитку національних твердих цифрових інфраструктур, зокрема широко-смугової фіксованої телекомунікаційної інфраструктури та мобільної (рухомої) телекомунікаційної інфраструктури, інфраструктури цифрового телебачення, радіо- та технологічної інфраструктури для проектів Інтернету речей, інфраструктури обчислень, віртуалізації та збереження даних (хмарних та туманних), інфраструктури кібербезпеки, спеціалізованих інфраструктур. [18]

Директива Ради Європейського Союзу 93/98/ЄЕС стосовно уніфікації термінів захисту авторського права і деяких суміжних прав від 29 жовтня 1993 року встановлює у статті 3 мінімальний строк дії суміжних прав організацій мовлення. [2]

Однією з причин прийняття Директиви стало існування відмінностей у строках охорони авторського права і суміжних прав, що гарантувалися відповідно до національного законодавства різних країн - членів Європейського Союзу. З метою забезпечення безперерйного функціонування внутрішнього ринку Європейського Союзу і недопущення порушення конкуренції Директива встановлює єдині узгоджені мінімальні строки дії авторського права і суміжних прав.

Згідно зі статтею 11 преамбули Директиви, для того, щоб запровадити високий рівень захисту, який одночасно відповідав би вимогам внутрішнього ринку та потребі у встановленні правового середовища, придатного для розвитку процесу створення літературних та художніх творів в Європейському Союзі, слід визначити термін захисту авторського права, що буде становити 70 років після смерті автора або 70 років після законного доведення до загального відома творів автора, а для суміжних прав – 50 років після дати встановлення строку.

Вперше мінімальний строк, протягом якого надавалася охорона суміжним правам телекомпаній, був закріплений у первісній редакції Європейської угоди про захист телемовлення (із змінами і доповненнями), ухваленої у рамках Ради Європи, (без урахування пізніше прийнятого Протоколу) і складав всього 10 (десять) років з кінця року, коли відбулося перша трансляція програми. Слід підкреслити, що така охорона на рівні регіональної Європейської угоди стосувалася тільки телебачення, радіомовлення залишалася поза регулюванням. [6]

Протокол до Європейської угоди від 22 січня 1965 року збільшив мінімальний строк охорони су-

міжних прав телекомпаній з 10 (десяти) до 20 (двадцяти) років з кінця року, коли відбулася перша трансляція програми. [13]

На сьогоднішній день на міжнародному рівні встановлений мінімальний 20-річний строк охорони суміжних прав організацій мовлення.

При цьому кожна окрема країна - учасник Міжнародної конвенції про охорону прав виконавців, виробників фонограм і організацій мовлення від 26 жовтня 1961 року (Римської конвенції) уповноважена відійти від мінімально гарантованого терміну дії суміжних прав на програму організації мовлення і визначити у національному законодавстві більший строк охорони. [17]

Пункт (с) статті 14 Римської конвенції передбачає, що строк охорони для мовників триває принаймні до кінця двадцятирічного періоду, датованого з кінця року, в якому мала місце передача в ефір.

Як бачимо, дане формулювання Римської конвенції не враховує можливість первісного поширення сигналу телемовників або радіокомпаній за допомогою проводів, будь-якого виду кабелю або мережі Інтернет, що пояснюється існуючим на час прийняття Римської конвенції переважно ефірним способом розповсюдження програм телерадіоорганізацій.

Так, пункт (f) статті 3 Римської конвенції наводить наступне визначення «телерадіомовлення»: це – *передача бездротовими засобами звуків або зображень і звуків для приймання публікою.*

Тим не менше, наразі існують радіостанції і телекомпанії, які використовують лише кабельне мовлення або передачу сигналів за допомогою OTT-мереж, тобто взагалі не використовують ефірні засоби для поширення своїх сигналів. Відповідно, Римська конвенція, прийнята ще у 1961 році, не враховує сучасні реалії розвитку сфери телерадіомовлення – тому існує нагальна необхідність прийняти нову міжнародну угоду для охорони і захисту суміжних прав мовників.

Принагідно зазначимо, що мінімальний строк охорони суміжних прав у 20 (двадцять) років Римська конвенція передбачає не тільки для організацій мовлення, але і для виконавців і виробників фонограм.

На противагу, Угода про торговельні аспекти прав інтелектуальної власності (Угода ТРІПС) від 15 квітня 1994 року (із змінами), що адмініструється Світовою організацією торгівлі, у пункті 5 статті 14 встановлює для виконавців і виробників фонограм мінімальний 50-річний строк охорони, а для організацій мовлення залишає 20 (двадцять) років дії суміжних прав, починаючи від закінчення календарного року, коли було здійснене публічне сповіщення. [19]

В Угоді ТРІПС не розкривається зміст терміну «публічне сповіщення», але при цьому не має прив'язки саме до ефірного способу передачі сигналів, як у Римській конвенції, тобто можна припустити, що публічне сповіщення стосується всіх можливих мереж розповсюдження, як-от: ефірні, супутникові, кабельні, IPTV і OTT мережі.

Перша редакція Закону України «Про авторське право і суміжні права» від 23 грудня 1993 року № 3792-ХІІ в пункті 3 статті 38 передбачала, що організації мовлення користуються наданими правами протягом 50 (п'ятдесяти) років після першої передачі в ефір або по проводах. Таким чином, у першій редакції Закону для обрахунку початку дії суміжних прав організації мовлення прямо закладалася залежність від способів здійснення публічного сповіщення. Причому можна дійти висновку, що перша редакція Закону не враховувала можливість обрахунку строку охорони суміжних прав телерадіоорганізацій у разі здійснення передачі сигналу через супутник. Можливість охорони суміжних прав телерадіокомпаній у випадку Інтернет-мовлення також залишалася поза увагою, що є зрозумілим з огляду на тодішній розвиток технологій і фактичну відсутність такого виду мовлення в Україні у той період часу.

У чинній редакції Закону України «Про авторське право і суміжні права», запровадженій Законом України від 11 липня 2001 року № 2627-III (із змінами), передача в ефір або по проводах не використовується для визначення початку перебігу строку охорони суміжних прав мовників. [16]

Відповідно до пункту 3 статті 44 Закону України «Про авторське право і суміжні права», строк дії суміжних прав на програму організації мовлення становить 50 (п'ятдесят) років від дати першого публічного сповіщення програми.

Така тривалість терміну охорони суміжних прав мовників в Україні відповідає високому стандартам Європейського Союзу.

Так, пункт 4 статті 3 Директиви Ради Європейського Союзу 93/98/ЄЕС стосовно уніфікації термінів захисту авторського права і деяких суміжних прав від 29 жовтня 1993 року встановлює, що строк дії суміжних прав організації мовлення завершується через 50 (п'ятдесят) років після першої трансляції передачі, незалежно від того, чи ця трансляція здійснюється через дротові канали або передається в ефір, в тому числі за допомогою супутника або кабельної мережі. [2]

Згідно з пунктом 4 статті 164 Угоди про асоціацію між Україною, з однієї сторони, та Європейським Союзом, Європейським співтовариством з атомної енергії і їхніми державами-членами, з іншої сторони, строк дії прав організації мовлення спливає не раніше, ніж через 50 років від дати першої трансляції передачі, незалежно від того, чи транслюється ця передача дротовими, чи ефірними засобами, у тому числі за допомогою кабельної мережі або супутника.

Тим не менше, у вищенаведених формулюваннях щодо строку охорони суміжних прав не враховується можливість поширення радійного чи телевізійного сигналу у мережі Інтернет.

Так само термін «публічне сповіщення», що використовується у статті 1 Закону України «Про авторське право і суміжні права», не передбачає випадки розповсюдження програм мовників у мережі Інтернет.

Відповідно, постають питання, як відліковувати строк охорони суміжних прав телерадіоорганізацій у випадках, коли первісна трансляція сигналу мала місце у мережі Інтернет, а також, чи взагалі підпадає під охорону суміжними правами публічне сповіщення у мережі Інтернет.

У рамках проекту Договору ВОІВ про охорону організації мовлення наразі дискутуються три різні підходи до визначення строку дії суміжних прав мовників:

1) встановити 50-річний строк дії прав з моменту первісного публічного сповіщення, що буде відповідати практиці країн Європейського Союзу;

2) залишити мінімальний 20-річний термін охорони, який на сьогоднішній день передбачено у Римській конвенції і Угоді ТРІПС;

3) вказати певну кількість років (X), що рахується з кінця року, в якому транслювався сигнал, що несе програму.

Пропозиція заново розпочинати строк дії суміжних прав з моменту кожної повторної трансляції (ретрансляції) сигналу створює безперервний строк охорони, який значно розширить правову охорону суміжних прав мовників, порівнюючи з власниками авторського права, виконавцями і виробниками фонограм.

Погоджуємося з рядом експертів, які зазначають, що такий підхід до відліку строку охорони суміжних прав мовників не можна вважати обґрунтованим і справедливим і що строк дії суміжних прав організації мовлення має бути співставним з термінами охорони прав виконавців і виробників фонограм.

Зауважимо, що Римська конвенція не містить посилення на первісну трансляцію, а говорить про будь-яку, у тому числі, повторну передачу в ефір.

Аналогічно Рішення № 351 «Загальні положення про авторське право і суміжні права» від 17 грудня 1993 року Субрегіональної інтеграційної угоди (так званої Картахенської угоди), укладеної між Урядами Болівії, Колумбії, Еквадору, Перу і Венесуели, у пункті 41 встановлює мінімальний 50-річний строк охорони, що рахується з 1 січня року, який слідує за роком, в якому відбулася трансляція програми, тобто не має вказівки саме на перше публічне сповіщення і таким формулюванням охоплюється будь-яка трансляція, у тому числі повторна. [4]

На наш погляд, на міжнародному рівні потрібно передбачити, щоб під час обрахунку строку охорони суміжних прав мовників до уваги брався лише факт первісного використання програми.

Слід звернути увагу на те, що у законодавстві більшості країн світу суміжні права мовників охороняються протягом строку в 50 (п'ятдесят) років з моменту первісного публічного сповіщення. Так, на додаток до України, 50-річний строк охорони суміжних прав телерадіоорганізацій передбачено також в Австралії, Барбадосі, Бельгії, Ботсвані, Гані, Гондурасі, Греції, Данії, Естонії, Замбії, Зімбабве, Ірландії, Ісландії, Іспанії, Італії, Казахстані, Кameronі, Канаді, Кенії, Китаї, Коста-Риці, Латвії, Литві,

Ліхтенштейні, Люксембурзі, Мальті, Намібії, Нігерії, Нідерландах, Німеччині, Новій Зеландії, Норвегії, Панамі, Польщі, Португалії, Республіці Молдови, Республіці Ель-Сальвадор, Республіці Кіпр, Республіці Сьєрра-Леоне, Російській Федерації, Румунії, Сент-Люсії, Сінгапурі, Словаччині, Словенії, Сполученому Королівству Великої Британії і Північної Ірландії, Судані, Південній Африці, Тайланді, Тринідад і Тобаго, Уганді, Угорщині, Фінляндії, Франції, Чеській Республіці, Чилі, Швейцарії, Швеції, Ямаїці та Японії.

Строк дії суміжних прав мовників у 20 (двадцять) років, що відповідає мінімальному строку охорони, регламентованому у чинних міжнародних угодах – Римській конвенції і Угоді ТРІПС, встановлено у законодавстві наступних країн: Аргентини, Габону, Лесото, Мадагаскару, Малаві, Мавританії, Об'єднаної Республіки Танзанія, Парагваю, Республіки Кореї та Уругваю.

Ряд країн надають охорону суміжних прав організацій мовлення на строк, що перевищує 20 (двадцять) років, але є меншим, ніж 50 (п'ятдесят) років: це є властивим для Народної Республіки Бангладеш, Гвінеї, Індії, Йорданії, Колумбії, Ліберії, Мексики, Монголії, Нігерії, Пакистану, Руанди, Того і Філіппін.

Наприклад, стаття 146 Федерального закону про авторське право Мексиканських Сполучених Штатів, опублікованого в «Офіційному віснику Федерації» 24 березня 1997 року, встановлює термін дії суміжних прав організацій мовлення у 25 (двадцять п'ять) років з моменту первісного оригінального публічного сповіщення програми.

Деякі країни передбачають у законодавстві строк охорони суміжних прав мовників, що перевищує 50 (п'ятдесят) років, а саме: Бразилія, Гватемала, Венесуела, Еквадор, Перу і Туреччина.

Так, для прикладу, згідно з пунктом 102 Розділу IV «Права організацій мовлення» Закону Боліварської Республіки Венесуела від 14 серпня 1993 року, охорона, що надається організаціям мовлення, має становити 60 (шістдесят) років, що рахуються, починаючи з 1 січня року, що слідує за публічним сповіщенням. 60-річний термін дії суміжних прав також передбачений для виконавців (пункт 94 Закону) і виробників фонограм (пункт 100 Закону). [9]

Відповідно до статті 82 «Обсяг і строк охорони суміжних прав» Закону Турецької Республіки «Про інтелектуальні і художні твори» № 5846 від 5 грудня 1951 року (із змінами), права телерадіоорганізацій повинні тривати 70 (сімдесят) років з дати першого публічного сповіщення програми. [11]

Принагідно зазначимо, що аналогічний строк охорони в 70 (сімдесят) років передбачений у Туреччині для інших власників суміжних прав: виконавців та виробників фонограм і перших записів фільмів.

Стаття 96 Закону Федеративної Республіки Бразилії «Про авторське право і суміжні права» № 9610 від 19 лютого 1998 року встановлює строк охорони суміжних прав в 70 (сімдесят) років, починаючи з 1 січня року, що слідує за роком, у якому

відбулась фіксація фонограм, трансляція програм організацій мовлення і публічне виконання в інших випадках. [10]

Отже, у Бразилії, як і у Туреччині, використовується єдиний строк в 70 (сімдесят) років для охорони всіх категорій суб'єктів суміжних прав. При цьому у цих двох юрисдикціях відрізняється початок відліку перебігу строку дії суміжних прав.

Таким чином, збільшення строку охорони суміжних прав мовників не можна розглядати у відриві від збільшення строку охорони для інших категорій суб'єктів суміжних прав.

На наш погляд, існуючий на сьогоднішній день строк охорони суміжних прав у 50 (п'ятдесят) років, встановлений на рівні Європейського Союзу, є достатнім і відповідає потребам телерадіомовлення. Тим не менше, у випадку збільшення строку дії суміжних прав для виконавців і виробників фонограм строк охорони суміжних прав для організацій мовлення має бути пропорційно збільшений.

Для уніфікації строків охорони суміжних прав у різних країнах вважаємо за доцільне передбачити у новій міжнародній угоді про охорону організацій мовлення мінімальний 50-річний строк охорони суміжних прав мовників.

Належна увага має бути приділена порядку відліку моменту, з якого має надаватися охорона суміжним правам мовників. Як слідує з проведеного аналізу, у законодавстві переважної більшості країн строк охорони суміжних прав телерадіоорганізацій починає рахуватися з моменту первісного публічного сповіщення програми або з 1 січня року, що слідує за таким публічним сповіщенням. Перше публічне сповіщення програми організації мовлення як момент початку дії суміжних прав мовників передбачено, зокрема, у законодавстві наступних країн: Австралії, Греції, Естонії, Іспанії, Італії, Казахстані, Латвії, Ліхтенштейну, Люксембургу, Китаю, Монголії, Нігерії, Німеччині, Нової Зеландії, Норвегії, Південної Африки, Польщі, Румунії, Російської Федерації, Сінгапуру, Словаччини, Словенії, Сполученого Королівства Великої Британії і Північної Ірландії, Туреччини, України, Фінляндії, Франції та Швейцарії.

При цьому не враховується сьогоднішній революційний розвиток технологій і можливість використати програму організації мовлення різними способами.

У цифрову еру, коли якісну цифрову копію програмного продукту можна зробити за лічені секунди та піратство у сфері Інтернет і супутникового поширення набирає обертів, особливої ваги має захист не лише вже сповіщеного сигналу (так званого "post-broadcast signal"), але і сигналу, що несе програму, до моменту його публічного сповіщення ("pre-broadcast signal").

Як зазначають експерти, "pre-broadcast signals" являють собою сигнали, що не призначені для прямого прийому публікою. [14, с. 7]

Такі сигнали використовуються для передачі матеріалів програми від місця створення (наприклад, студії теле- або радіокомпанії, павільйону,

стадіону, місця вуличних зйомок, концертного майданчику, тощо) до місця, де розташований передавач ефірного мовлення, станція підйому супутникового сигналу (“up-link”), головна станція кабельної або IPTV-мережі, тощо. Згадані “pre-broadcast signals” можуть, зокрема, використовуватися для передачі програмного контенту між різними організаціями мовлення, а також з метою здійснення публічного сповіщення з певною затримкою або з редагуванням змісту програми. Розповсюдження таких сигналів не становить публічного сповіщення, оскільки дані сигнали не призначені для прийому публікою, а являють собою передачу сигналів «точка - у - точку» (“point-to-point”).

Вказані “pre-broadcast signals” досить часто поширюються у цифровій формі, що робить їх об'єктом піратства і може мати наслідком широке незаконне розповсюдження програм організацій мовлення у мережі Інтернет ще до моменту їхнього публічного сповіщення.

Наприклад, в Україні Товариство з обмеженою відповідальністю «ЗЕОНБУД», провайдер програмної послуги і оператор цифрових багатоканальних мереж, використовує супутник для технічної передачі на передавачі цифрового ефірного мовлення сигналів, що несуть програми основних українських телеканалів, з метою подальшого публічного сповіщення у власних мережах. Тобто під час транспортування сигналів через супутник відбувається використання “pre-broadcast signals” з боку ТОВ «ЗЕОНБУД». Причому досить тривалий час така технічна передача “pre-broadcast signals” через супутник не кодувалася, що несло серйозні ризики несанкціонованого поширення сигналів телеканалів.

Питання “pre-broadcast signals” піднімалося під час обговорень при прийнятті Брюсельської конвенції. У результаті перемовин договірні сторони погодили статтю 2 Брюсельської конвенції, відповідно до якої кожна з договірних держав бере на себе зобов'язання вживати відповідних заходів по запобіганню розповсюдженню на своїй або зі своєї території будь-якого сигналу, що несе програми, будь-яким органом-розповсюджувачем, для якого сигнал, що переданий на супутник або проходить через нього, не призначається. Зрозуміло, що на рівні нового міжнародного документу питання охорони “pre-broadcast signals” має бути визначено більш чітко і стосуватися різних способів поширення сигналів, не лише через супутник, але і, зокрема, через IPTV-мережі та Інтернет.

Краєугольним питанням залишається проблема відліку початку перебігу строку охорони суміжних прав організацій мовлення таким чином, щоб охопити випадки поширення “pre-broadcast signals”.

На наш погляд, за аналогією з авторським правом організацій мовлення повинні користуватися охороною у відношенні власних програм з моменту їхнього виникнення (створення). Тобто з огляду на значну кількість способів використання програм мовників і необхідність охорони “pre-broadcast sig-

nals” момент першого публічного сповіщення у формулюванні початку перебігу строку охорони слід замінити на момент створення програми.

Перелік літератури

1. Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions “A Digital Single Market Strategy for Europe”. – Brussels, 6.5.2015 // <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52015DC0192&from=en>

2. Council Directive 93/98/EEC of 29 October 1993 harmonizing the term of protection of copyright and certain related rights. – Official Journal of the European Union. – L 290/9. – 24 November 1993 // <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:31993L0098&from=EN>

3. Council Directive 93/83/EEC of 27 September 1993 on the coordination of certain rules concerning copyright and rights related to copyright applicable to satellite broadcasting and cable retransmission // <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:31993L0083&from=EN>

4. Decision No. 351 “Common Provisions on Copyright and Neighboring Rights” of December 17, 1993 of Subregional Integration Agreement (Cartagena Agreement) // <https://www.wipo.int/edocs/lexdocs/laws/en/can/can010en.pdf>

5. Directive (EU) 2019/789 of the European Parliament and of the Council of 17 April 2019 laying down rules on the exercise of copyright and related rights applicable to certain online transmissions of broadcasting organisations and retransmissions of television and radio programmes. and amending Council Directive 93/83/EEC // <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32019L0789&from=EN>

6. European Agreement on the Protection of Television Broadcasts. – Strasbourg, 22.VI.1960 // <https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=09000016800656d2>

7. Federal Law on Copyright of the United Mexican States published in the Official Journal of the Federation on 24 March 1997 // <https://www.wipo.int/edocs/lexdocs/laws/en/mx/mx003en.pdf>

8. Green Paper “Copyright and Related Rights in the Information Society” (presented by the Commission of the European Communities). – COM(95) 382 final. – Brussels, 19.07.1995 // <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:1995:0382:FIN:EN:PDF>

9. Law of Bolivarian Republic of Venezuela on Copyright of 14 August 1993 // <https://wipolex.wipo.int/en/text/500547>

10. Law of Brazil on Copyright and Neighboring Rights No. 9610 of 19 February 1998 // <https://wipolex.wipo.int/en/text/490948>

11. Law of Turkey on Intellectual and Artistic Works No. 5846 of 5 December 1951 (as further amended) // <https://web.archive.org/web/20081002004207/http://www.euromediaudio-visuel.net/Files/2007/05/10/1178834218365.pdf>

12. Neelie Kroes. The Future of Media. Speech/13/355. – Future Media Lab. Annual Conference by EMMA (European Magazine Media Association). – Brussels, 23 April 2013 // <http://commentneelie.eu/speech.php?sp=SPEECH/13/355>

13. Protocol to the European Agreement on the Protection of Television Broadcasts. – Strasbourg, 22.I.1965 // <https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=090000168006ff5c>

14. The Legal Protection of Broadcast Signals. – European Audiovisual Observatory. – Strasbourg (France), 2004 // <https://rm.coe.int/16807833ab>

15. WIPO Digital Agenda. Memorandum of the Director General. – Twenty-Fourth (14th Ordinary) Ses-

sion of the WIPO General Assembly. – Geneva, September 20 to 29, 1999 // https://www.wipo.int/edocs/mdocs/govbody/en/wo_ga_24/wo_ga_24_11_rev-main1.pdf

16. Закон України «Про авторське право і суміжні права» від 23 грудня 1993 року № 3792-ХІІ у редакції Закону України від 11 липня 2001 року № 2627-ІІІ (із змінами) // <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/3792-12#Text>

17. Міжнародна конвенція про охорону прав виконавців, виробників фонограм і організацій мовлення від 26 жовтня 1961 року // https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/995_763#Text

18. Розпорядження Кабінету Міністрів України «Про схвалення Концепції розвитку цифрової економіки та суспільства України на 2018-2020 роки та затвердження плану заходів щодо її реалізації» від 17 січня 2018 р. № 67-р // <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/67-2018-%D1%80>

19. Угода про торговельні аспекти прав інтелектуальної власності (ТРИПС) від 15 квітня 1994 року (із змінами) // https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/981_018#Text

УДК 343.85

*Тагірова Хадижат Абдурахмановна,
Северо-Кавказский институт ВГУЮ (РПА Минюста России) филиал
г.Махачкала студентка 2 курса ОЗО по направлению магистратура*

Юсупов Магомедгаджи Юсупович

к. ю. н., доцент кафедры уголовного процесса Северо-Кавказского института Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), федеральный судья в отставке.

ОБЩИЕ УСЛОВИЯ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА ПО УСТАВУ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА 1864 ГОДА

*Tagirova Khadizhat Abdurahmanovna
North-Caucasian Institute UGWU
(RPA of the Ministry of justice of Russia) the branch
Makhachkala 2nd-year student of the OZO in the direction of magistracy
Yusupov Magomedgadzi Yusupovich*

Ph. D., associate Professor of the Department of criminal procedure of the North Caucasus Institute of the all-Russian state University of justice (RPA of the Ministry of justice of Russia), retired Federal judge.

GENERAL CONDITIONS FOR TRIAL UNDER THE CRIMINAL PROCEDURE STATUTE OF 1864

Аннотация.

В статье рассмотрены общие условия судебного разбирательства по Уставу уголовного судопроизводства 1864 года. Устав уголовного судопроизводства 1864 г. предусматривает три вида судебного производства по уголовному преследованию: обычное, сокращенное и более сложное - производство в суде первой инстанции с участием присяжных заседателей. Основанием разграничения судебных производств по степени сложности процессуальных форм служат характер и степень тяжести преступления, а также категория дел, рассмотрение которых возможно судом с участием сословных представителей и судом с участием присяжных заседателей..

Abstract.

The article deals with the General conditions of judicial proceedings under the Statute of criminal proceedings of 1864. The Statute of criminal proceedings of 1864 provides for three types of criminal prosecution proceedings: ordinary, reduced and more complex - proceedings in the court of first instance with the participation of jurors. The basis of differentiation of proceedings in complexity procedural forms are the nature and severity of the crime, the category of cases which may be by the court with participation of class representatives and the court with participation of jurors.

Ключевые слова: устав уголовного судопроизводства, разграничение, судебное производство, судебное разбирательство, суд, присяжные заседатели, преступление

Keywords: Statute of criminal proceedings, delineation, judicial proceedings, trial, trial, jury, crime

При реформе судебной системы, составители проектов законов, в том числе и Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, стояли на исторической почве. Русскому праву была известна подобная форма юстиции. Еще в XVI столетии московское правительство решилось предоставить право вершить суд исключительно обществу в лице выборных губных старост и целовальников. Им была дана обширная власть, контролируемая, правда, государством. В последствие и в сословных судах судопроизводство зачастую обходилось без коронных судей, довольствуясь наличием судей, избранных обществом.

Впервые мысль об учреждении в уездах "мировых судов" (*juges de paix*) была высказана в 1827 г. графом Кочубеем. Затем над созданием в России мировой юстиции более двадцати лет работали различные правительственные комиссии. В лице мировых судов законодатель стремился создать суд, рассматривающий маловажные дела и отвечающий таким требованиям, как доступность, разветвленность, быстрота, единоличное рассмотрение дел. Высшей целью этих судов признавалось примирение сторон. [1, С.80]

В судебной системе России мировой суд являлся нижестоящим по отношению к окружному суду и вышестоящим по отношению к суду волостному. «Место, занимаемое мировым судом в системе судебных установлений, определяется тем взаимоотношением, которое существует между мировыми и общими судебными учреждениями с точки зрения подведомственных им дел».

Должность мирового судьи считалась общественной службой, была выборной и состояла в пятом классе. Помимо прочих условий претендент на пост мирового судьи должен был отвечать требованиям имущественного ценза, причем достаточно высокого. Это объяснялось требованием о необходимости повышенной имущественной независимости мирового судьи, так как, в отличие от коронного судьи, он получал гораздо меньшее содержание. Срок службы избранного мирового судьи составлял три года. Составители уставов сочли необходимым обеспечить несменяемость только для должностей судейского звания в общих судебных местах, заменив ее для мировых установлений «срочной несменяемостью, обеспечиваемую лишь на избирательный трехлетний период».

Мировые судьи в России подразделялись на участковых и почетных. Участковый судья, в отличие от почетного, получал от земства определенное содержание. Но он мог отказаться от содержания и в этом случае носил титул «почетного участкового судьи». Отличие почетного мирового судьи от участкового состояло в том, что он не получал за свою работу никакого жалования, мог совмещать с любой другой деятельностью, и не имел строго

определенных обязанностей. Почетными мировыми судьями становились люди с высоким достатком, обычно представители дворянства.

В области уголовного судопроизводства ведомству местных судов подлежали проступки, за которые Уставом о налагаемых мировыми судьями наказаниях предусматривались следующие санкции: выговоры, замечания и внушения; денежные взыскания не свыше 300 руб.; арест не свыше трех месяцев и заключение в тюрьму на срок не свыше одного года и шести месяцев.

До 1864 г. вопросы судоустройства и уголовного процесса регулировались разрозненными и противоречивыми актами, содержащимися в книге 2 т. XV Свода законов Российской Империи, основу которой составили Уложение 1649 г., Военские артикулы Петра I и Учреждение для управления губерний 1775 г.

Дореформенная судебная система характеризовалась наличием, кроме общих, целым рядом специальных судов (духовных, коммерческих, военных и других); вплоть до отмены крепостного права судебными функциями были наделены помещики в отношении принадлежавших им крестьян. Последствием множественности судов стало существование около 30 видов судопроизводства, дело могло пройти до 14 инстанций. [2, С.305]

В соответствии со ст. 42 УУС мировой судья должен был приступить к разбирательству дел:

- 1) по жалобам частных лиц, потерпевших вред или убытки;
- 2) сообщениям полицейских и других административных властей;
- 3) непосредственно усмотренным им преступным действиям, подлежащим преследованию независимо от жалоб частных лиц.

Нормы УУС не предусматривали какого-либо порядка, в котором мировым судьей должно было проверяться наличие признаков преступного деяния и ссылок на достаточный объем доказательств соответственно в жалобах частных лиц или в сообщениях полицейских властей. Статья 526 УУС указывала, что по делам частного обвинения обвинительный акт заменялся жалобой частного обвинителя.

Для предания суду по частной жалобе потерпевшего УУС был предусмотрен порядок, обеспечивающий обоснованность, доказательный характер таких жалоб. В качестве гарантии было предусмотрено ст. 121 УУС, что в случае, если по делу частного обвинения мировым судьей был вынесен оправдательный приговор, то обвинитель должен был возместить государству все судебные издержки, а по просьбе оправданного - обязать обвинителя выплатить ему вознаграждение за понесенные обвиняемым убытки. Кроме того, потерпевший от преступления мог обратиться и в полицию, которая в этом случае обязана была произвести «розыскание» (ст. 48 УУС). Такой порядок, с одной

стороны, гарантировал потерпевшему от преступления судебную защиту его прав, а также помощь государства в необходимых случаях и, с другой стороны, служил защитой от подачи необоснованных жалоб.

В Российской империи существовали и специальные порядки предания суду, применяемые при производстве по некоторым особым категориям уголовных дел.

К числу таковых относились:

- 1) предание суду по делам о преступлениях по службе, совершенных должностными лицами;
- 2) предание суду по делам о государственных или политических преступлениях.

Предание суду должностных лиц, которые относились к судебному ведомству, осуществлялось судебными органами. Так, в соответствии со ст. 1080 УУС секретари, помощники секретарей и прочие чиновники, состоящие при судебных местах, а также судебные приставы, уездные и губернские нотариусы предавались суду по постановлениям судебной палаты, обер-секретари и их помощники, мировые судьи, представители и члены окружных судов и судебных палат, а также прокуроры, обер-прокуроры и их товарищи - по постановлениям касационного департамента Сената.[3]

В отличие от перечисленных, для всех других должностных лиц предание суду (в соответствии со ст. 1088 УУС) осуществлялось административными органами:

- 1) для лиц, назначаемых на должность губернскими и равными им властями, - по постановлениям губернских правлений;
- 2) для лиц, назначаемых на должность министерствами и главными управлениями, - по постановлениям, утвержденным министрами и главноуправляющими;
- 3) для лиц, назначаемых высочайшей властью (императором) на должности не выше четвертого класса, а также губернских и уездных земских управ и собраний, - по постановлениям первого департамента Правительствующего сената.

Предание суду по делам о государственных или политических преступлениях строилось на общих принципах, характерных для обычного порядка предания суду. В частности, поскольку в качестве суда первой инстанции по таким делам УУС (ст. 1050) предусмотрел уголовный департамент судебной палаты, то, исходя из общего начала, в соответствии с которым предание суду и постановление судебного приговора не стоит представлять одним и тем же судьям, принятие решения о предании суду было возложено по таким делам на гражданский департамент судебной палаты (ст. 1044 УУС). Однако позднее этот порядок был изменен в пользу осуществления предания суду по таким делам властью прокуратуры.

Важной частью судебной реформы 1864 г. было кардинальное упрощение судостроительства. Вместо множества судов, существовавших для «обслуживания» различных сословий, учреждались единые для всех сословий общегосударственные суды. В их число включались две группы судов: общие

судебные установления и местные судебные установления (в те годы термину «установление» придавалось значение, весьма сходное с современным термином «орган»).

Таким образом, судебная система, созданная при проведении реформы 1864 г., распалась на две ветви - на суды мировые и суды общие. Основным положением, регулирующим судебное разбирательство у мирового судьи, было правило, закрепленное в ст. 88 УСС: «Мировой судья разбирает дела изустно и публично». Статья 90 УСС разрешала обвиняемому и обвинителю или гражданскому истцу поручать защиту своих прав поверенным. Следующие статьи устанавливали простой порядок рассмотрения уголовного дела, в котором обе стороны имели одинаковые права на допрос свидетелей, а мировой судья мог по своему усмотрению предлагать как свидетелям, так и обвинителю и обвиняемому вопросы, необходимые для устранения противоречий и для разъяснения дела (ст. 91, 92, 100, 101 УСС).[1] Статья 119 УСС указывала, что «по выслушании сторон и по соображении всех доказательств, имеющихся в деле, мировой судья решает вопрос о вине или невинности подсудимого по внутреннему своему убеждению, основанному на совокупности обстоятельств, обнаруженных при судебном разбирательстве». Статья 120 указывала судье «по делам, которые могут быть прекращаемы примирением сторон, склонять их к миру и только в случае неуспеха в том приступить к постановлению приговора».

Еще один упрощенный порядок судебного производства, закрепленный в ст. 133-141 УУС, - это институт заочного судебного разбирательства уголовных дел. При этом первоначально его нормы допускали возможность судебного разбирательства в отсутствие подсудимого только в процессе рассмотрения дел мировыми судьями. Более того, в статьях УУС практически не содержалось положений, регулирующих особенности непосредственно судебного разбирательства дел в заочном порядке. Особую роль в сфере рассмотрения дела в отсутствие подсудимого занимал институт постановления заочных приговоров, который отличался определенными особенностями, среди которых можно выделить: а) специфический порядок обжалования заочных приговоров, предполагавший, наряду с возможностью принесения апелляционного отзывает, право осужденного ходатайствовать о новом рассмотрении дела; б) процедуру повторного рассмотрения дела судом первой инстанции по существу с присутствием ей правилами.

Таким образом, сокращенная процедура предусматривалась Уставом уголовного судопроизводства 1864 г. для рассмотрения нетяжких дел мировым судьей, а впоследствии и путем судебного приказа. К ним также можно отнести сокращенное судебное следствие, осуществляемое в общем порядке судебного разбирательства, и заочное производство в суде первой инстанции.

Суд с участием сословных представителей - суд сословных представителей - был одним из

весьма наглядных проявлений непоследовательности судебной реформы 1864 г. Власти не решились полностью изолировать суды от влияния сословных интересов. Были выделены категории преступлений, рассмотрение дел о которых ставилось под контроль представителей основных сословий. К таким преступлениям относились, например, дела о государственных преступлениях, о «преступлениях по должности». При их разбирательстве к профессиональным судьям присоединялись предусмотренные законом четыре сословных представителя - губернский и уездный предводители дворянства, городской голова и волостной старшина. Сословные представители участвовали в вынесении приговоров, пользуясь теми же правами, что и профессиональные судьи: при постановлении приговоров они заседали все вместе и вместе решали вопросы о том, виновен ли данный подсудимый в совершении преступления, в котором его обвинили, а также о том, подлежит ли он наказанию, а если подлежит, то какому. Рассмотрение уголовных дел с участием сословных представителей осуществлялось не только в окружных судах, но и в судах других инстанций общих судебных установлений - в судебных палатах и Правительствующем сенате.

Общий порядок судебного разбирательства осложнялся в делах, которые разбирались окружным судом с участием присяжных заседателей. Суд присяжных рассматривался как эффективное средство, позволяющее отказаться от обвинительного уклона в системе уголовной юстиции, как некий катализатор, стимулирующий состязательность судопроизводства, право обвиняемого, подсудимого на

защиту, как способ обеспечения презумпции невиновности. Рассмотрение уголовных дел с участием присяжных допускалось только в окружных судах. В соответствии со ст. 201 УУС к числу таких дел относились дела «о преступлениях или проступках, за которые в законе положены наказания, соединенные с лишением или ограничением прав состоянием».

Одним из существенных отличий дореволюционного суда присяжных от современного является отсутствие у подсудимого возможности выбора, т.е. суд присяжных по указанной выше категории преступлений и проступков выступал единственной, безальтернативной формой судопроизводства. Также в законодательстве того времени отсутствовала процедура предварительного слушания, ставшая обязательной сегодня.

Представляется, что этот исторический опыт следовало бы учитывать при совершенствовании современного уголовно-процессуального законодательства.

Список литературы:

1. Устав уголовного судопроизводства // Российское законодательство X-XX веков. Т. 8 : Судебная реформа (Раздел третий «О порядке предания суду»). Раздел четвертый «О производстве в окружных судах»). - М., 1991.

2. Калиновский, К.Б. Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу РФ. Постатейный / К.Б. Калиновский, А.В. Смирнов ; под общ. ред. А.В. Смирнова. - 2-е изд., доп. и перераб. - СПб., 2014.

3. Якушева Т.В. - Дифференциация судебного производства <https://cyberleninka.ru/>

УДК 344.1

*Шадже А. М.,
Цеева С. К.,
Смирягина Т. С.*

*Адыгейский государственный университет,
г. Майкоп,*

ВОЕННО-УГОЛОВНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XVIII – НАЧАЛЕ XIX ВВ.

*Shadzhe A.,
Tseeva S.,
Smiryagina T.*

Adyge State University, Maykop

MILITARY CRIMINAL LEGISLATION OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE XVIII - EARLY XIX CENTURIES

Аннотация.

В статье рассматриваются особенности военно-уголовного законодательства Российской империи в XVIII – начале XIX веков. В ходе проведенного исследования, выявлены причины активного развития в этот период военного и военно-уголовного права, достоинства и недостатки военно-уголовного законодательства XVIII – начала XIX вв. Анализ изменений, произошедших в военно-уголовном законодательстве в период с 1715 по 1812 гг., позволил авторам сделать ряд выводов.

Abstract.

The article examines the features of the military criminal legislation of the Russian Empire in the 18th - early 19th centuries. In the course of the study, the reasons for the active development during this period of military and military criminal law, the advantages and disadvantages of military criminal legislation of the 18th - early 19th

centuries were revealed. An analysis of the changes that took place in the military criminal legislation in the period from 1715 to 1812 allowed the authors to draw a number of conclusions.

Ключевые слова: военно-уголовное законодательство, период преобразований Петра I, Артикул Воинский, Уголовное Уложение 1812 г., преступление.

Keywords: military criminal legislation, the period of the transformations of Peter I, Article Voinsky, Criminal Code of 1812, crime.

В современных условиях, в поиске новых концепций развития силовых структур, а также требований, предъявляемых международным законодательством, на первые позиции выходит поиск новых подходов и принципов к поддержанию боеспособности вооруженных сил страны. На решение этих задач ориентировано отечественное военно-уголовное законодательство, процесс формирования которого пока не завершен. В этой связи ретроспективный анализ предшествующего опыта может оказаться востребованным и в современных условиях.

Период XVIII - XIX вв. занимает особое место в политико-правовой истории России, отражая процесс европеизации страны; периоды реформ и контрреформ системы государственного и местного самоуправления, армии, суда и полиции; усиление и смягчение сословных различий; ужесточение и либерализацию карательно-репрессивной политики. Все эти процессы, так или иначе, сказывались на эволюции военного и военно-уголового законодательства.

Период преобразований Петра I является временем становления российского военно-уголового законодательства. В качестве причин активного развития в этот период военного и военно-уголового права следует назвать создание регулярной армии, введение обязательной государственной службы для дворянского сословия, выработку новых принципов военного искусства. Артикул Воинский [1] впервые в истории отечественного права регламентировал воинские преступления, что позволяет говорить о появлении в России в начале XVIII в. военно-уголового законодательства. Процесс качественных изменений норм военно-уголового права отмечается в начале XIX в. Его формальным выражением становится издание Уголовного Уложения 1812 г. [2]

Несмотря на то, что Уложение являлось законом, имевшим свою силу лишь в военное время, оно оказало несомненное влияние на военно-судебную деятельность и в последующее мирное время. Рассмотрение конфирмаций, мнений военных начальников, свидетельствует о том, что и в мирное время назначались те же наказания, что указывались в Уложении. Исключение составило лишь, «изгнание из армии», явившееся плодом теоретических соображений составителей Уложения и не нашедшее для себя почвы в русских военно-бытовых условиях.

К общим достоинствам Уложения исследователи относят краткость, ясность и лаконичность формулировок статей закона [3, с. 84; 4]. Всё это существенно облегчало его применение и позволяло

исключить его различную интерпретацию. К недостаткам же следует отнести отсутствие указаний на причины, влияющие на степень наказания. Не было в Уложении никаких пояснений о том, при каких обстоятельствах действие человека могло признаваться невиновным. Кроме того, нигде в статьях закона не встречалось объяснения такому состоянию человека, связанному с его здоровьем как неменяемость, при наличии которого лицо вовсе могло быть освобождено от уголовной ответственности. Хотя в действующую армию призывались лица, обладавшие физическим и психическим здоровьем, все же это не исключало нарушения психики человека в ходе отбывания им воинской службы и тем более участия в боевых действиях. Исходя из вышесказанного, уголовное Уложение, имевшее силу в условиях ведения войны и предполагавшее наиболее жестокие формы наказания, должно было предусмотреть невиновное действие человека, по всем внешним признакам подпадающее под общественно опасное преступное деяние, а также неменяемость.

Анализируя изменения, произошедшие в военно-уголовном законодательстве в период с 1715 по 1812 гг. можно сделать ряд выводов. В целом прослеживается преемственность положений Уголовного Уложения 1812 г. и военно-уголового законодательства эпохи Петра I. Обновление перечня воинских преступлений за данный период составило не более трети от общего их числа. В то же время необходимо отметить ряд достаточно важных изменений, связанных со смягчением наказания за такие преступления как кража, хранение украденных вещей, дезертирство, нарушение чинопочитания, взяточничество, нарушение некоторых правил несения караульной службы. Смягчение наказания выражалось в замене смертной казни другими видами наказания – лишением чина, увольнением с военной службы, конфискацией имущества. Тенденция к смягчению тяжести наказания в наименьшей степени затронула преступления, связанные с различными формами насилия, осуществляемого военнослужащими над мирным населением (грабеж, убийство, преступления сексуального характера, поджог домов), за которые, как и прежде, основной формой наказания является смертная казнь.

В Уложении появляются новые виды воинских преступлений. Отдельную группу составляют преступления, совершенные на поле боя – ограбление во время сражения раненых и убитых, а также убийство раненых с целью ограбления. Поскольку эти деяния явно имели место и в период Северной войны, но не упоминаются Артикулом Воинским, можно считать, что в первой четверти XVIII в. они

не рассматривались как преступные. Кроме того, в Уложение были введены наказания за такие преступления, как приемка интендантами испорченных продуктов питания, и, в частности, мяса, а также ненадлежащую организацию питания солдат. Появление новых видов воинских преступлений объясняется не только необходимостью учета изменений, произошедших за столетие в организации военной службы, но и влиянием западноевропейского законодательства (в частности, был использован опыт наполеоновского законодательства).

Обращает на себя внимание и то, что в Уголовном Уложении 1812 г. были систематизированы виды преступлений, возможные только в военное время. Поэтому Уложение действовало лишь в период ведения военных действий и в местностях, объявленных на военном положении, тогда как в мирное время по-прежнему действовали нормы Артикула. В отличие от Артикула Воинского, Уложение применялось только в военных судах, что указывает на стремление законодателей начала XIX в. к созданию узкоспециализированного военно-уголовного законодательства. Данная тенденция не получила развития в дальнейшем, хотя Уложение,

несомненно, оказало влияние на последующее законодательство.

Список литературы:

1. Артикул воинский 1715 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/articul.htm> (дата обращения: 23.05.2020).
2. Полевое Уголовное Уложение для Большой Действующей Армии 1812 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lawbook.online/gosudarstva-prava/polevye-ugolovnoe-ulojenie-dlya-bolshoy-29413.html>. (дата обращения: 10.01.2020).
3. Григорьев О. В. Военно-судебная система от реформ Петра I до реформ Александра II // Социально-экономические и естественно-научные парадигмы современности: материалы XIII Всероссийской научно-практической конференции. – 2018. – С. 81-97.
4. Ковалев К. С. Развитие военно-уголовного законодательства: от Петра I до Александра I [Электронный ресурс] // Общество: философия, история, культура. – 2016. – №6. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-voenno-ugolovno-go-zakonodatelstva-ot-petra-i-do-aleksandra-i> (дата обращения: 03.02.2020).

УДК: 811.111

*Шаймухаметов Алмаз Заминович,
Гильмутдинов Азат Василевич*

Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПЕРЕВОДА АНГЛИЙСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

*Shaimukhametov Almaz Zaminovich,
Gilmutdinov Azat Vasilevich*

Sterlitamak branch of Bashkir state University

TO THE QUESTION OF THE PECULIARITIES OF TRANSLATION OF ENGLISH LEGAL TERMINOLOGY

Аннотация.

В данной научной статье рассматриваются отдельные аспекты корректного перевода английских правовых терминов. Особое внимание уделяется многозначности юридических терминов английского языка и правовым реалиям.

Abstract.

This scientific article discusses some aspects of correct translation of English legal terms. Special attention is paid to the ambiguity of legal terms in the English language and legal realities.

Ключевые слова: *юридическая терминология, перевод, английский язык, правовые реалии, многозначность.*

Keywords: *legal terminology, translation, English language, legal realities, polysemy.*

Изучение английского юридического языка на сегодняшний день является одним из необходимых компонентов языковой компетенции будущего юриста. Знание юридической терминологии на иностранном языке позволяет успешно ориентироваться текстами различного назначения в процессе научной и профессиональной коммуникации.

Особенностью профессионального юридического языка является наличие в нем специальных лексических единиц – юридических терминов,

именно их использование позволяет сохранить смысловую нагрузку и определенность рассматриваемого вида языка.

В настоящее время вопрос об особенностях перевода юридической терминологии является одним из наиболее актуальных. Это обусловлено тем, что эквивалентность перевода документов правового характера напрямую влияет на успешность прове-

дения ряда юридических сделок, а также в совершении ряда других мероприятий такого характера [1, с. 435-437].

Некоторые авторы отмечают, что английский юридический язык сформировался под влиянием и на основе нормандской и римской правовой культуры, тем самым, создав сложную систему, которая характеризуется, в свою очередь, некоторыми особенностями. Именно они вызывают определенные трудности при переводе и последующем изучении юридической терминологии.

Одной из главных трудностей, и одновременно, лексических особенностей юридической терминологии является её обилие в оригинальном тексте. Юридическим термин в юриспруденции трактуется как «словесное обозначенное государственно-правовых понятий, посредством которых выражается и закрепляется содержание предписаний государства нормативно-правового характера». В то же время, в лингвистике правовые термины определяются как особые единицы языка, использующиеся непосредственно для обозначения явлений или предметов определенной научной области [2, с. 78].

Юридическая терминология является базой юридического понятий и выступает в качестве их обобщенного наименования. Правовые понятия отличаются функциональной устойчивостью и смысловой однозначностью. Однако стоит отметить, что юридические термины на практике не всегда обладают смысловой однозначностью, а их значению выявляется зачастую только лишь на основе контекста предложения. Например, *issue* может переводиться как предмет тяжбы или спора, и в то же время как наследники, потомки; *security agreement* может определяться как договор об обеспечении долга по кредиту (финансовый термин) и как договор о безопасности (дипломатический термин). В связи с чем, знание экстралингвистического (то есть отрасли права, сферы употребления термина, тип текста, тип правовой системы) необходимо для корректного перевода юридической терминологии на английском языке [3, с. 194].

В английском языке существуют термины или названия, которые отражают реальные факты, касающиеся особенностей правовой системы определенной страны, именуемые правовыми реалиями. Они относятся к категории без эквивалентной лексики, в связи с чем для их корректного и адекватного перевода необходимы знания национально-культурных, правовых и исторических особенностей возникновения рассматриваемого явления или факта. Например, *Bill of Rights* – Билль о правах – это во-первых, конституционный акт Англии, принятый в 1689 году с целью ограничения власти короля и гарантии прав парламента, а во-вторых, это первые десять поправок к Конституции США, которые были приняты в 1791 году с целью гарантии основных прав граждан [4, с. 209-211].

Таким образом, на основе вышеизложенного стоит отметить, что перевод юридических терминов на английском языке представляет собой непростой процесс, поскольку здесь необходимо не только существенное использование отраслевых словарей и иной справочной литературы, но также и постоянное расширение необходимых соответствующих знаний о процессах лингвистического характера, об английской правовой системе, о влиянии различных экстралингвистических факторов на дальнейшее развитие юридического английского языка.

Список использованной литературы:

1. Анохин, Д. А. Особенности англо-русского перевода в юридической сфере / Д. А. Анохин, Е. Б. Севостьянова. Текст: непосредственный // Молодой ученый. 2019. № 4 (242). С. 435-437.
2. Бархударов Л. С. Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода. 2-е изд. М.: ЛКИ, 2014. 240 с.
3. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Альянс, 2013. 253с.
4. Молчанова Т. Ю. Особенности перевода юридической терминологии английского языка / Т. Ю. Молчанова, А. А. Виноградова. Текст: непосредственный // Молодой ученый. 2020. № 16 (306). С. 209-211.

MEDICAL SCIENCES

616.31-08-039.71:[613.64+616-053.5]

*Скульская С.В. к. мед. н.,**Национальная медицинская академия последипломного образования имени П. Л. Шупика**Шнайдер С.А. д. мед. н.,**Государственное учреждение «Институт стоматологии и челюстно-лицевой хирургии Национальной академии медицинских наук Украины»**Пиндус Т.А. д. мед. н.**Львовский медицинский институт*[DOI: 10.24412/2520-2480-2020-2880-76-79](https://doi.org/10.24412/2520-2480-2020-2880-76-79)**КЛИНИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА СТОМАТОЛОГИЧЕСКОГО СТАТУСА 15-ЛЕТНИХ ДЕТЕЙ, ПРОЖИВАЮЩИХ В ЗОНЕ ПОВЫШЕННОЙ АНТРОПОГЕННОЙ НАГРУЗКИ Г. БЕЛАЯ ЦЕРКОВЬ В ПРОЦЕССЕ ПРОВЕДЕНИЯ ЛЕЧЕБНО-ПРОФИЛАКТИЧЕСКИХ МЕРОПРИЯТИЙ***Skulskaya S.V., Ph.D.,**¹National Medical Academy of Postgraduate Education named after P.L. Shupyk**Shnaider S.A., M.D.**State Establishment «The Institute of Stomatology and Maxillo-Facial Surgery National Academy of Medical Science of Ukraine»**Pyndus T.A., M.D.**Lviv medical institute***CLINICAL ASSESSMENT OF DENTAL STATUS OF 15-YEAR-OLD BILA TSEKVA CHILDREN, LIVING IN THE ZONE OF INCREASED ANTHROPOGENIC LOAD IN THE PROCESS OF CARRYING OUT MEDICAL AND PREVENTIVE MEASURES****Аннотация**

Актуальность. У детей, проживающих в районах развитой нефтехимической промышленности выявляются высокие показатели интенсивности кариеса зубов, а также снижение резистентности эмали зубов. За последние 20 лет фундаментальных исследований воздействия патогенетически обоснованных лечебно-профилактических мероприятий на состояние здоровья, и в частности на стоматологический статус детей, проживающих в зоне загрязняющих веществ нефтехимического производства в Украине, не проводилось.

Целью данной работы являлось оценка эффективности применения разработанного лечебно-профилактического комплекса у детей 15 лет проживающих в зоне повышенной антропогенной нагрузки.

Материалы и методы. В работе использовались следующие клинические индексы: кариеспрофилактическая эффективность рассчитывалась по приросту индекса КПУз за 2 года наблюдения. Оценка состояния тканей пародонта в динамике наблюдения определяли с помощью индексов РМА % и кровоточивости (Мюллемана). Гигиеническое состояние ротовой полости определяли при помощи индексов Silness-Loe и Stallard.

Выводы. Проведение лечебно-профилактических мероприятий у 15-летних детей проживающих в зоне повышенной антропогенной нагрузки показало высокую клиническую эффективность разработанного комплекса, включавшего препараты противокариозного, реминерализующего, адаптогенного, антибактериального и противовоспалительного действия, восполняющие дефицит макро-, микроэлементов и витаминов в организме. При этом кариеспрофилактическая эффективность составила 33,9 % за 2 года наблюдений, а также существенно улучшились индексы РМА %, кровоточивости и состояние гигиены полости рта.

Abstract

Relevance. Children living in areas of developed petrochemical industry have high rates of dental caries intensity, as well as a decrease in the resistance of tooth enamel. Over the past 20 years, fundamental studies of the impact of pathogenetically grounded therapeutic and prophylactic measures on the state of health, and in particular on the dental status of children living in the zone of pollutants of petrochemical production in Ukraine, have not been carried out.

The aim of this work was to evaluate the effectiveness of the use of the developed medical and preventive complex in 15-year-old children living in the zone of increased anthropogenic load.

Materials and methods. The following clinical indices were used in the work: caries prophylactic efficacy was calculated by the increase in the DFMT index for 2 years of observation. The assessment of the state of the periodontal tissues in the dynamics of observation was determined using the PMA% and bleeding indices (Müllermann). Oral hygiene was assessed using the Silness-Loe and Stallard indices.

Findings Carrying out therapeutic and prophylactic measures in 15-year-old children living in the zone of increased anthropogenic load showed a high clinical effectiveness of the developed complex, which included anti-carious, remineralizing, adaptogenic, antibacterial and anti-inflammatory drugs that replenish the deficiency of macro-, microelements and vitamins in the body. Thus, caries prophylactic efficiency was 33.9% over 2 years of observation, and the PMA%, bleeding indices and the state of oral hygiene significantly improved.

Ключевые слова: антропогенная нагрузка, ротовая полость, дети, лечебно-профилактический комплекс.

Keywords: anthropogenic load, oral cavity, children, therapeutic and prophylactic complex.

Специалисты по клинической эпидемиологии и социальной медицине определяют два основных контингента населения, уязвимых к воздействию промышленных ядовитых веществ – это непосредственно специалисты предприятий, а также жители территориально близких к предприятию населенных пунктов [1-3]. Несмотря на существующие санитарные нормы при определенных условиях (температурная инверсия, неблагоприятный направление ветра) концентрация загрязнителей в воздухе таких городов и поселков может превышать рекомендованные безопасные уровни [4-5].

У детей, проживающих в районах развитой нефтехимической промышленности, достоверно чаще наблюдается ухудшение физического развития, снижение резистентности организма, более высокие показатели болезней органов дыхания, пищеварения, органов чувств, кожи, анемии и инфекционных болезней [6-7]. Кроме того, у детей выявляются высокие показатели интенсивности кариеса зубов, а также снижение резистентности эмали зубов.

За последние 20 лет фундаментальных исследований воздействия патогенетически обоснованных лечебно-профилактических мероприятий на состояние здоровья, и в частности на стоматологический статус детей, проживающих в зоне загрязняющих веществ нефтехимического производства в Украине, не проводилось.

Целью данной работы являлось оценка эффективности применения разработанного лечебно-профилактического комплекса у детей 15 лет проживающих в зоне повышенной антропогенной нагрузки.

Материалы и методы. В исследовании участвовало 45 детей возраста 15 лет, проживающие в зоне подверженной влиянию загрязняющих веществ атмосферного воздуха г. Белая Церковь (28 человек – основная группа, 17 человек – группа сравнения).

При оценке действия предложенного лечебно-профилактического комплекса были использованы следующие клинические индексы: кариеспрофилактическая эффективность рассчитывалась по приросту индекса КПУз за 2 года наблюдения. Оценку состояния тканей пародонта в динамике наблюдения определяли с помощью индексов кровоточивости (Мюллемана) – интенсивность воспаления и РМА % – распространённость воспаления. Гигиеническое состояние ротовой полости определяли в динамике используя лечебно-профилактический комплекс при помощи индексов Silness-Loe и Stallard [8].

Группа сравнения получала базовую терапию (санация полости рта, профессиональная гигиена и обучение навыкам личной гигиены). Основная группа пациентов дополнительно к базовой терапии получала разработанный лечебно-профилактический комплекс, представленный в таблице 1.

Таблица 1

Лечебно-профилактический комплекс для детского населения, проживающего в зоне антропогенного загрязнения нефтехимическим производством

Используемые препараты	Дозировка	Сроки применения	Механизм действия
Энтеросгель	15 г (столовая ложка) 3 раза в сутки	14 дней	Сорбирующее, дезинтоксикационное действие
Гринтерол	1 утром, 1 днем, 1 вечером	в течение 1 года	Гепатопротектор, гипогликемическое, иммуномодулирующее действие
Пантокрин	15 капель, 2 раза в сутки за 30 мин до еды	30 дней	Адаптогены
Аквадетрим	2 капли на стакан воды в сутки	14 дней	Источник витамина Д3. абсорбция кальция и фосфатов в кишечнике, транспорте минеральных солей и процессе кальцификации костей, регулирует выделение кальция и фосфатов почками
Витаспектрум	6 капсул в день	30 дней	восполняющее дефицит макро- и микроэлементов, восполняющее дефицит витаминов, нормализующее обменные процессы
Детская зубная паста BioRepair Junior Oral Care	Утром и вечером	в течение 1 года	противокариозное, реминерализирующее, антимикробное, противовоспалительное действие
BIOREPAIR PLUS Ополаскиватель	10 мл за час до еды	30 дней, 2 раза в год	антибактериальный и противовоспалительный эффект, выполняет защитную функцию

Результаты исследований и их обсуждение.
Результаты оценки состояния твердых тканей зубов

у детей 15 лет в процессе проведения лечебно-профилактических мероприятий приведены в таблице 2.

Таблица 2

**Динамика изменения индекса КПУз в процессе профилактики
у детей 15 лет, проживающих в зоне антропогенной нагрузки (M±m)**

Сроки	Исходн.	Через 6 мес.	Через 1 год	Через 2 года	Прирост за 2 года
Основная группа	4,53	4,76	4,96	5,23	0,7
Группа сравнения	4,61	4,97	5,18	5,67	1,06

Через 2 года исследований прирост кариеса постоянных зубов у детей 15 лет, проживающих в зоне повышенной антропогенной нагрузки основной группы, был в 1,51 раз меньше, чем значения в группе сравнения.

$$\text{КПЭ} = 100 - \frac{0,7 \cdot 100}{1,06} = 33,9 \%$$

В процессе применения лечебно-профилактического комплекса сопоставляли данные прироста кариеса за 2 года наблюдений у 15 летних детей,

КПЭ составила 33,9 %. Значение данного показателя было меньше чем у 7 и 12 летних детей в 1,56 и 1,97 раз соответственно. Это свидетельствует о том, что лечебно-профилактические мероприятия, направленные на устранение негативных последствий проживания в зоне повышенной антропогенной нагрузки необходимо проводить с раннего детского возраста.

Результаты оценки состояния тканей пародонта и гигиены полости рта у детей 15 лет проживающих в зоне повышенной антропогенной нагрузки представлены в таблице 3.

Таблица 3

Динамика состояния гигиены полости рта и пародонтального статуса у детей 15 лет, проживающих в зоне повышенной антропогенной нагрузки в процессе профилактики (M±m)

Группа	Показатели				
		РМА %	Кровоточивость	Silness-loe	Stallard
Основная группа	исходный	12,73	0,21	0,99	1,42
	через 6 мес.	3,41	0,04	0,83	1,01
	через 1 год	0,49	0,06	0,72	0,9
	через 2 года	0,83	0,09	0,6	0,71
Группа сравнения	исходный	13,1	0,26	1,1	1,5
	через 6 мес.	10,17	0,12	0,8	1,1
	через 1 год	11,21	0,23	0,9	1,2
	через 2 года	12,67	0,28	1,2	1,35

У детей 15 лет индекс РМА % в основной группе существенно уменьшился за 2 года наблюдений – в 15,33 раза (от 12,73 до 0,83), а в группе сравнения незначительно – в 1,03 раза (от 13,10 до 12,67). Индекс кровоточивости у данной возрастной группы детей, получавших лечебно-профилактический комплекс, снизился в 2,33 раза (от 0,21 до 0,09), а в группе сравнения увеличился – в 1,07 раз (от 0,26 до 0,28). Индекс гигиены – Silness-Loe при помощи которого оценивалась локализация и тяжесть гингивита в основной группе детей уменьшился на 40 % (от 0,99 до 0,60). В группе сравнения значения данного индекса увеличились на 9 % (от 1,10 до 1,20). Значения индекса Stallard у детей основной группы уменьшились спустя 2 года в 2 раза (от 1,42 до 0,71), а у детей группы сравнения снизились незначительно – в 1,1 раз (от 1,5 до 1,35).

Выводы. Проведение лечебно-профилактических мероприятий у 15-летних детей проживающих в зоне повышенной антропогенной нагрузки показало высокую клиническую эффективность разработанного комплекса, включавшего препараты противокариозного, реминерализующего, адапто-

генного, антибактериального и противовоспалительного действия, восполняющие дефицит макро-, микроэлементов и витаминов в организме. При этом кариеспрофилактическая эффективность составила 33,9 % за 2 года наблюдений, а также существенно улучшились индексы РМА %, кровоточивости и состояние гигиены полости рта.

Список литературы

1. Кузмичев М. К. Гигиеническая оценка риска для здоровья населения от воздействия выбросов загрязняющих веществ шинного производства. Дис... к.мед.н. 14.00.07 – М., 2008 – 165 с.
2. Хисматуллина З. Н. Заболевания, связанные с воздействием химических факторов окружающей среды // Вестник Казанского технологического университета. – 2013. – Т.16. – №20. – С. 170-178.
3. Bolognesi C., Moretto A. Genotoxic risk in rubber manufacturing industry: a systematic review // Toxicol Lett. – 2014 Oct 15. – №230(2). – P. 345-55.
4. Глиняная Н. М. Анализ опасных и вредных производственных факторов в литейном производстве: методические указания для студентов

специальностей ЛП, ОЛП – Краматорск : ДГМА, 2014. – 103 с.

5. Бабанов С. А., Аверина О. М. Пылевые заболевания легких: особенности диагностики и лечения // «Самарский государственный медицинский университет» Минздравсоцразвития России Фарматека.– 2011.– № 18.– С. 21–27.

6. Абдулнагимов И.Г. Взаимосвязи факторов среды и показателей здоровья населения, проживающего в районе расположения башкирского биохимкомбината // Современные проблемы медицины труда: тез. докл. Всерос. науч.-практич. конф. с междунар. участием. – Уфа, 2005. – С. 217-220.

7. Зилькарнаев Т.Р., Овсянникова Л.Б., Шубина Х.З. Физическое развитие детей г.Уфы в районах с разным уровнем загрязнения атмосферного воздуха // Теоретические основы и практические решения проблем санитарной охраны атмосферного воздуха / под ред. Ю.Л. Рахманина. – М., 2003. – С. 137-140.

8. Хоменко Л.О., Чайковский Ю. Б., Смоляр Н. І. та ін. Терапевтична стоматологія дитячого віку – Київ: Книга плюс, 2014. – 432 с.

Colloquium-journal №28(80), 2020

Część 2

(Warszawa, Polska)

ISSN 2520-6990

ISSN 2520-2480

Czasopismo jest zarejestrowany i wydany w Polsce. Czasopismo publikuje artykuły ze wszystkich dziedzin naukowych. Magazyn jest wydawany w języku angielskim, polskim i rosyjskim.

Częstotliwość: co tydzień

Wszystkie artykuły są recenzowane.

Bezpłatny dostęp do elektronicznej wersji magazynu.

Przesyłając artykuł do redakcji, autor potwierdza jego wyjątkowość i jest w pełni odpowiedzialny za wszelkie konsekwencje naruszenia praw autorskich.

Opinia redakcyjna może nie pokrywać się z opinią autorów materiałów.

Przed ponownym wydrukowaniem wymagany jest link do czasopisma.

Materiały są publikowane w oryginalnym wydaniu.

Czasopismo jest publikowane i indeksowane na portalu eLIBRARY.RU,

Umowa z RSCI nr 118-03 / 2017 z dnia 14.03.2017.

Redaktor naczelny - **Paweł Nowak, Ewa Kowalczyk**

«Colloquium-journal»

Wydrukowano w «Chocimska 24, 00-001 Warszawa, Poland»

Format 60 × 90/8. Nakład 500 egzemplarzy.

E-mail: info@colloquium-journal.org

<http://www.colloquium-journal.org/>